

Святогорский плацдарм

Документы и свидетельства участников боев

1941-1943

СВЯТОГОРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

1941 – 1943

**Документы и свидетельства
участников боев
с немецко-фашистскими захватчиками
в период Великой Отечественной войны
на плацдарме р. Северский Донец**

Донецк 2008

C72

Святогорский плацдарм 1941-1943 Документы и свидетельства участников боев. Составитель В. Н. Дедов (на русском языке). – Донецк, - 284 с.

ISBN 5-77-40-08-41-X

Издание посвящено историческим событиям Великой Отечественной войны на территории северной части Донбасса.

Основное внимание в книге уделено напряженным кровопролитным сражениям с немецко-фашистскими захватчиками на плацдарме р. Северский Донец, по которому с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. проходила линия фронта (за исключением нескольких месяцев оккупации 1942 г.).

В сборнике опубликовано 30 документов и свидетельств непосредственных участников боев, командующих армиями и дивизиями. Часть архивных материалов публикуется впервые.

Подписано к печати 02.09.2008. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Заказ №129. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ООО «РА«Ваш имидж», ФЛП Малыгина И. Б.
Свидетельство о внесении субъекта издательского
дела в государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции ДЦ №135.
83055, г. Донецк, ул. Артема, 80а

ISBN 5-77-40-08-41-X

© Дедов В. Н., 2008

Содержание

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел I

Бои на плацдарме

Северского Донца в 1941 – 1942 гг.

А. А. Гречко. Годы войны 1941 – 1943 (отрывки из книги)	8
И. Х. Баграмян. Так шли мы к победе (отрывки из книги)	31
Из итоговой оперсводки 5-го кавалерийского корпуса за период боевых действий с 17 по 29 мая 1942 г.	57
Из отчета Сталинского обкома КП(б)У от 10 апреля 1945 г. о деятельности Славянского партизанского отряда под командованием М. И. Карнаухова ...	60
Обращение М. И. Карнаухова к партизанам Украины	68
Из отчета Сталинского обкома КП(б)У от 10 апреля 1945 г. о деятельности Краснолиманского партизанского отряда под командованием Г. А. Ищенко	71
В. Ф. Белявец. Донецкие мстители (отрывок из книги)	77
Клятва партизана Чертенко из отряда Карнаухова	96
Архидиакон Авраамий. Отрывки из личного дневника 1942-43 гг.	97

Раздел II

Освободительные бои на плацдарме

Северского Донца в 1943 году

А. М. Василевский. Дело всей жизни (отрывки из книги)	104
Р. Я. Малиновский. Дорогой побед (отрывки из книги)	118
В. И. Чуйков. Гвардейцы Сталинграда идут на Запад (отрывки из книги)	125
Н. И. Харламов. Бои на Северском Донце, 1943 год	168

Из журнала боевых действий 230-й стрелковой дивизии	175
И. Н. Руссиянов. Корпус получает задачу	191
В. В. Графчиков. О боях дивизии на плацдарме Северского Донца с 17 июля по 7 августа 1943 г.	198
А. М. Филатьев. Так сражались минометчики	217
Б. Казаченко. Из воспоминаний о боях на Северском Донце летом 1943 г.	229
Н. Макаров. Из воспоминаний о боях на Северском Донце в июле 1943 г.	233
Н. Рязанцев. Из воспоминаний о боях на Северском Донце.....	239
Из формуляра 88-й гвардейской стрелковой дивизии	241
В. Неведров. Парторг батальона	243
Наградной лист Героя Советского Союза А. К. Сечкина.....	250
Г. К. Шутенко. Бои за с. Богородичное	252
Е. Габрилович. На западном берегу Северского Донца. (боевой репортаж).....	256
А. Б. Костюковский. Южнее Изюма	262
В. И. Буянов. Воспоминания о Великой Отечественной войне	270
А. Левада. Бои за Северским Донцом (боевой репортаж)	272
В. И. Камышева. Воспоминания о сыне	276
Приказ Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1943 г.	282

ПРЕДИСЛОВИЕ

В канун празднования 60-летнего юбилея освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков вышло распоряжение председателя Донецкой облгосадминистрации, предусматривавшее ряд мероприятий по увековечению памяти погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Среди других планировалась реконструкция Мемориала Великой Отечественной войны на горе Артема в г. Святогорске со строительством 2-го Блока Памяти с именами солдат и офицеров, погибших на плацдарме р. Северский Донец, и исторического музея при Мемориале.

Реконструкция Мемориала была успешно осуществлена, и торжественное открытие Блока Памяти состоялась в сентябрьские дни 2003 года. А вот строительство музея, несмотря на готовность проекта и выделение финансовых средств, неожиданно застопорилось. Поскольку за подготовку экспозиции военного музея отвечала дирекция Святогорского историко-архитектурного заповедника, я поинтересовался у одного высокопоставленного чиновника о мотивах отказа в реализации предложенного проекта музея, на что получил ответ, который не дает мне покоя и сейчас. Дословно это звучало приблизительно так: «Настолько серьезных боев, чтобы строить музей здесь, не было. В лучшем случае построим что-то в образе «землянки». И вообще, это скоро перестанет быть актуальным. Последние ветераны войны скоро уйдут в мир иной, а молодое поколение забудет войну или будет вспоминать, как мы вспоминаем Куликовскую битву».

В чем-то чиновник оказался прав. Музей войны, как и «землянка», так и не был построен. Участников сражений почти не осталось. Память о войне, ее героях постепенно стирается. Победившая страна под названием Советский Союз уже сама стала историей. И вместе с тем, память о Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. будет жить до тех пор, пока существуют памятники на братских могилах, пока в школьных программах остается хотя бы один час на тему о войне 1941 – 1945 гг., пока издаются и читаются книги о героях и сражениях Великой Отечественной войны.

Предлагаемый сборник произведений о событиях 1941-1943 гг. имеет своей целью собрать наиболее емкие (известные ранее и

неизвестные) свидетельства непосредственных участников сражений на плацдарме среднего течения р. Северский Донец.

Термин Святогорский плацдарм, вынесенный в заголовок книги, предложен составителем сборника с целью обозначить границы территории, на которой происходили освещаемые военные события. В течение нескольких столетий, начиная с XVII в., в официальных документах и преданиях бытовало понятие Святые Горы, которое в своем территориальном аспекте охватывало прибрежную часть р. Северский Донец от впадения р. Оскол в Северский Донец до сел Маяки и Райгородок вниз по течению реки.

В 1666 г. протяженность этой прибрежной линии по обоим берегам Северского Донца была несколько сокращена указом царя Алексея Михайловича (от современных сел Еремовка – Студенок Изюмского района до с. Сидорово Славянского района). Но и в этом урезанном состоянии Святогорский плацдарм имел установленные земельные границы, включая в себя все населенные пункты на площади 30 тыс. га. После сражений Великой Отечественной войны на этом участке боев остались десятки братских могил и индивидуальных захоронений погибших солдат и офицеров. Ежегодно после весеннего паводка на лесных опушках и сельхозугодиях обнажаются следы линий обороны, дотов, дзотов, блиндажей, неразорвавшихся боевых снарядов.

Настоящее издание несет другой след войны – человеческую память непосредственных участников сражений на плацдарме р. Северский Донец.

Воспоминания в необходимых случаях иллюстрированы картографическим материалом и фотографиями периода 1941 – 1943 гг.

Огромную благодарность выражаю лицам, предоставившим материалы для публикации, особенно учителю Святогорской школы Доле Василию Ивановичу, долгие годы занимавшемуся изучением боевого пути 79-й гвардейской стрелковой дивизии, и Кулаге Ивану Ивановичу, руководителю областного отделения поисково-издательского агентства «Книга Памяти Украины».

Составитель издания
директор Святогорского историко-архитектурного заповедника
В. Н. ДЕДОВ

Раздел I

БОИ НА ПЛАЦДАРМЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В 1941 – 1942 ГГ.

А. А. Гречко

Дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза

В 1941–1942 гг. участвовал в организации оборонительных и наступательных боев на Северском Донце в качестве командира 34-й кавалерийской дивизии и командующего 5-м кавалерийским корпусом. В 1943 – 1945 гг. – командующий 56 армией, заместитель командующего 1-м Украинским фронтом, командующий 1-й гвардейской армией.

ГОДЫ ВОЙНЫ 1941-1943 (отрывки из книги)

На фронтах, и особенно на подступах к Москве, в начале ноября напряженность временно ослабла. Обе стороны готовились к предстоящим боям. В частности, 6 ноября начались перевозки и сосредоточение резервов в полосе Южного фронта. Готовилось наше контрнаступление под Ростовом.

В полосе Юго-Западного фронта с 1 ноября активные боевые действия также приостановились. Но вместе с тем в первой половине ноября в ходе боев местного значения войска 6-й армии вели успешную борьбу с группами и отрядами противника, пытавшимися переправиться через Северский Донец. На рубеже Бугаевка, Изюм и далее по левому берегу Северского Донца до Ямполья с 12 ноября занимали оборону 411, 393, 270-я стрелковые, 34-я кавалерийская дивизии. Против 6-й армии действовали немецкие части пяти пехотных дивизий 17-й армии.

19 ноября для организации помощи правофланговым соединениям 12-й армии, отходящим на восток, главком Юго-Западного направления решил организовать поддержку силами 6-й армии. Для этого 275-я стрелковая дивизия была переброшена в район Ямполь, и через два дня был предпринят контрудар силами 393-й и 275-й стрелковых дивизий. Части этих дивизий успешно форсировали р. Северский Донец и сковывали действия 295-й и 76-й немецких пехотных дивизий. В результате положение войск 12-й армии было улучшено. Но противник, подтянув резервы, вынудил наши части отойти на левый берег Северского Донца. Войска 6-й армии к 1 декабря закреплялись на позициях Бугаевка, Изюм, Новоселовка, Красный Лиман, Ямполь.

В этот период 34-я кавалерийская дивизия закрепились на левом берегу р. Северский Донец в районе Святогорска и имела задачу не допустить ее форсирования противником.

В лесу у поселка Банное мы отпраздновали 24-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Здесь, на Северском Донце, я получил радостное сообщение о присвоении мне звания генерал-майора. Меня тепло поздравили боевые товарищи. Узнали об этом и местные жители. Помню, подошли ко мне пожилые колхозники Горпина Леонтьевна и Иван Йонович Шиловадоли. Поздравив меня, Иван Йонович развязал узелок, достал бутылку горилки и как-то робко предложил:

– Вот, сохранилась, довоенная. Вы уж извините нас, но в честь такого дня надо бы по чарке...

Тронутый вниманием, я поблагодарил добрых людей. И мы выпили. Оставшееся содержимое бутылки посоветовал Ивану Йоновичу припрятать.

– Допьем после победы, – сказал я.

Иван Йонович закупорил бутылку кукурузной кочерыжкой.

– Сховаю надежно, сохраню, – улыбнулся он.

Я забыл об этом маленьком эпизоде. И каково было мое удивление, когда вскоре после войны, будучи командующим войсками Киевского военного округа, я вновь побывал в этих местах и встретился с Иваном Йоновичем Шиловадоли, который достал ту недопитую бутылку, зубами выдернул кочерыжку, и мы с ним выпили за нашу победу.

Пусть читатель простит автора за это отступление. Хотелось теплым словом вспомнить простых и добрых людей. Но, однако, вернемся к суровым событиям, развернувшимся на берегах Северского Донца. 34-я кавалерийская дивизия в то время продолжала удерживать свои позиции на левом берегу этой живописной реки.

Природа Святогорска вызывала восхищение побывавших здесь в свое время Ф. И. Тютчева, А. П. Чехова, И. Е. Репина, И. А. Бунина. Автор бессмертной поэмы «Слово о полку Игореве», преклоняясь перед величием древней русской реки, писал: «О Донец! Немало тебе славы за то, что ты лелеял князя на волнах, стлал для него зеленую траву на своих серебряных берегах, одевал его теплыми туманами под сенью зеленого дерева, стерег его гоголем на воде, чайкой на стругах, утками на ветрах».

История Святогорска уходит далеко в глубь веков. Построенная еще до татаро-монгольского нашествия, Святогорская крепость наряду с крепостными стенами на Торе (река у города Славянска), в Маяках, Изюме и в других местах долго служила опорным пунктом Киевской Руси в борьбе с татарами, а затем одним из передовых пограничных постов на юге молодого Российского государства.

Со временем, особенно после овладения Азовом, крепость Святогорского монастыря утратила свое значение, а монастырь превратился в крупное феодально-помещичье хозяйство. После декрета, подписанного В. И. Лениным 21 декабря 1920 г.,

об использовании дач и особняков, которыми пользовались помещики и капиталисты, дворцов, бывших угодий великих князей под санатории и здравницы рабочих и крестьян весь этот зеленый массив стал осваиваться как лечебное место. Накануне Великой Отечественной войны Святогорск превратился в здравницу шахтеров, стал любимым местом отдыха трудящихся Донбасса.

Скульптурный памятник – 27-метровая фигура Артема (Федора Андреевича Сергеева), выдающегося деятеля большевистской партии, – установленный на самой высокой горе в Святогорске и обращенный с правого берега лицом к советским воинам, как бы символизировал нестигаемую волю Коммунистической партии и зов Родины на смертельный бой с фашизмом.

А вдоль берегов Северского Донца расстиались густые леса. Я посмотрел на своего адъютанта Николая Дроздова. Ведь он до войны был лесником. Понятны мне были его переживания. Война губила лес. И он особенно остро чувствовал это. Я спросил Николая: «Как ты думаешь, что будет на этой земле после войны?» И он ответил: «Верю, товарищ генерал, здесь, как и на всей нашей земле, которую топчет сейчас враг, после нашей победы леса станут еще краше».

Но пока здесь бушевало пламя войны.

Части 34-й кавалерийской дивизии не только отражали попытки гитлеровцев форсировать реку на отдельных ее участках, но и совершали налеты на их позиции.

В условиях позиционного противостояния воины дивизии всей системой партийно-политической работы были нацелены на то, чтобы не дать противнику ни минуты покоя, для чего скрытно проникали в его расположение, сеяли панику, уничтожали живую силу, совершали диверсии. Сначала для этой цели в полках создавались истребительные группы в 20–30 человек.

Но вскоре, ввиду того, что разрозненные действия этих групп не всегда давали положительный результат, пришлось сформировать из них при штабе дивизии истребительный эскадрон.

Этому подразделению уделялось значительное внимание. С личным составом проводились занятия по специальной подготовке. Вопрос, на каком участке, когда и какими силами совершить вылазку, всегда тщательно обсуждался командованием дивизии.

Бойцы разведвзвода штаба дивизии во главе с лейтенантом Котовым довольно часто проникали во вражеский тыл, связывались там с партизанами, приносили данные о противнике.

В ночь на 26 ноября был организован налет на деревню Татьянавка. На этот раз отряд в составе двух эскадронов возглавил командир 139-го полка подполковник Гуменный, а общее руководство этой операцией осуществлял штаб дивизии.

Отряд внезапно переправился па правый берег р. Северский Донец и завязал бой в деревне. Кавалеристы уничтожили немало гитлеровцев, захватили пленных и трофейное оружие, в том числе несколько ручных пулеметов.

В начале декабря, сдав оборонительный рубеж стрелковой дивизии, 34-я кавалерийской дивизия была выведена в резерв 6-й армии. Личный состав был одет в хорошее зимнее обмундирование. Весь декабрь почти непрерывно дивизия вела боевые действия. Конники совершали ночные марш-броски, сосредоточивались на исходных позициях, откуда противник не ждал угрозы, внезапно атаковывали и успешно громили гитлеровцев.

Правильно поступал командующий армией, когда, используя результаты внезапных ударов кавалерийской дивизии, не допускал втягивания ее в длительные бои, а закреплял достигнутый успех силами пехоты, после чего кавалеристам ставил новую, аналогичную задачу в другом месте.

Наиболее значительные бои наша дивизия вела за деревню Ворошиловка. К этому времени мы получили роту ПТР, а чтобы компенсировать недостаток автоматов, полковые оружейники приспособили винтовки Симонова к автоматической стрельбе. Несмотря на упорное сопротивление противника, Ворошиловка во второй половине дня 15 декабря была освобождена от врага.

На следующий день части дивизии продолжали наступать в направлении деревни Ивановдарьевка. Преодолевая серьезное сопротивление гитлеровцев, уничтожая их живую силу и огневые точки, воины 139-го и 142-го кавалерийских полков 17 декабря освободили Ивановдарьевку, а их передовые отряды вступили в Песоцкое.

Закрепившись на этом рубеже, части дивизии перешли к обороне. Ночью 31 декабря артиллерийскими залпами по гитлеровцам мы проводили здесь старый, тяжелый для нас 1941-й и встретили новый 1942 год.

В ходе боевых действий на Северском Донце 34-я кавалерийская дивизия прошла хорошую боевую школу. Личный состав закалился в боях, приобрел опыт борьбы с гитлеровцами.

БОИ ПОД ХАРЬКОВОМ И В ДОНБАССЕ, УДАР НА БАРВЕНКОВО

К началу 1942 г. общая стратегическая обстановка на советско-германском фронте резко изменилась. Война приняла затяжной характер,

В ходе битвы под Москвой советские войска вынудили самую мощную группировку гитлеровской армии – группу армий «Центр» – отойти. Перешла к обороне и группа армий «Север» на р. Волхов и под Ленинградом. Под Ростовом было нанесено поражение 1-й танковой армии генерала Клейста.

В январе 1942 г. советское Верховное Главнокомандование приняло решение осуществить общее наступление Красной Армии на важнейших стратегических направлениях, составным звеном которого явилась Барвенково-Лозовская операция.

К этому времени войска Юго-Западного фронта (командующий генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, член Военного совета дивизионный комиссар К. А. Гуров, начальник штаба генерал-лейтенант П. И. Бодин) продолжали оборонять рубеж Липовское, Александровский, Волчанск, Изюм.

Войска Южного фронта (командующий генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский, член Военного совета дивизионный комиссар И. И. Ларин, начальник штаба генерал-лейтенант А. И. Антонов) оборонялись по рубежу Изюм, Нырково, Самбек.

Юго-Западному и Южному фронтам противостояли основные силы группы армий «Юг» – 6, 17 и 1-я танковая армии. Юго-Западный и Южный фронты на 1 января 1942 г. насчитывали 868,4 тыс. человек, 3430 орудий и минометов, 187 танков¹ (в том числе 53 тяжелых и средних). Им противостояла группа армий «Юг», которой с середины января командовал Ф. Бок. В группе было 1169 тыс. человек, свыше 9 тыс. орудий и минометов, 240 танков. Следовательно, противник превосходил советские войска в живой силе, танках и артиллерии²...

Главная роль в наступлении на первом этапе операции отводилась войскам 57-й армии. Ей ставилась задача ударом с фронта Каменка, Студенок в общем направлении на Барвенково прорвать оборону гитлеровцев и во взаимодействии с 37-й армией уничтожить группировку врага. Для удара на Барвенково командующий 57-й армией генерал-лейтенант Д. И. Рябышев выделил 225, 349 и 351-ю стрелковые дивизии, усиленные тремя танковыми бригадами и артиллерией.

Ближайшими задачами дивизий первого эшелона был про-

1 ИВИ. Документы и материалы, ф. 244, оп. 287, д. 4, лл. 3–9, инв. № 7094, л. 18.

2 См. История второй мировой войны 1939–1945, т. 4, стр. 320.

рыв вражеской обороны и уничтожение частей 257-й и 295-й пехотных дивизий противника. Танкисты должны были с выходом на рубеж Топальский, Перекоп, Пасека переправиться через Северский Донец у Изюма и Студенок и, развивая успех стрелковых дивизий, к исходу первого дня выйти в район Базалеевка, Дубровка. В дальнейшем наступать на Черкасскую.

На направлении главного удара артиллерии предстояло подавить узлы сопротивления противника, его артиллерийские и минометные батареи.

Бомбардировочной авиации приказывалось подавить противника в районе Малая Камышеваха, Долгенькая, Голая Долина, Славянск, Барвенково, не дать подойти резервам противника из Барвенково и Славянска и до начала наступления прикрыть сосредоточение пехоты, конницы, танков и артиллерии в районе Красного Оскола, Святогорска, Александровки.

Анализируя решение командующего 57-й армией, можно отметить и ряд его недостатков. Дело в том, что выделение двух танковых бригад в особую группу для самостоятельных действий, на наш взгляд, в трудных зимних условиях было нецелесообразным. Маневр для этой танковой группы намечался чрезвычайно сложный. Бригадам предстояло переправиться через Северский Донец в различных пунктах, удаленных друг от друга на много километров, обогнать наступающую пехоту, выйти в район, занятый противником, и нанести удар на юге, в глубине его обороны. В создавшейся обстановке лучше было бы использовать танки для непосредственной поддержки пехоты на направлении главного удара, как этого требовали и указания командования фронта.

Что касается централизации управления, то она была вполне целесообразной, даже несмотря на непродолжительность артиллерийской подготовки. Это давало возможность концентрировать артиллерийский огонь в определенных направлениях, по

определенным районам и даже отдельным опорным пунктам.

Наступление 57-й армии началось на рассвете 18 января. Части 341-й стрелковой дивизии полковника А. И. Щагина и подразделения 6-й танковой бригады полковника А. И. Горшкова обошли Каменку с северо-запада и быстро продвинулись до рубежа Бурханово, Топальский. Завязались ожесточенные бои, которые продолжались и ночью. 19 января части дивизии, сломив сопротивление врага, освободили эти населенные пункты и начали преследование гитлеровцев.

Нелегко приходилось советским воинам. Глубокий снег, сильные метели, крепкие морозы – все это затрудняло продвижение. Но высокий наступательный порыв увлекал бойцов вперед сквозь ураганный огонь обороняющихся фашистов.

К исходу 21 января 341-я дивизия полностью взломала вражескую оборону, разгромила части 257-й немецкой дивизии и продвинулась на 23 км.

В то же время перешла в наступление и 351-я стрелковая дивизия полковника Н. У. Гурского. Ее части овладели опорными пунктами Перекоп, Тихоцкий и, отбивая яростные контратаки противника, преодолевая его сопротивление, продолжали продвигаться вперед. Они разгромили подразделения 457-го пехотного полка и продвинулись более чем на 20 км, прорвав оборону врага на всю ее глубину.

Операция в целом развивалась успешно, однако темпы продвижения правофланговых дивизий 57-й армии были ниже темпов продвижения соседней справа 6-й армии. Объяснялось это тем, что войскам 57-й армии приходилось прорывать оборону противника значительно большей глубины, чем левофланговым дивизиям 6-й армии. Кроме того, на путях продвижения 57-й армии находилось много узлов сопротивления.

Характерным в действиях наших войск было то, что опорные пункты не атаковывались с фронта, а, как правило, обходи-

лись с флангов передовыми частями. Ликвидация их возлагалась на вторые эшелоны и резервы. Одним из примеров может служить обход и блокирование частями 255-й стрелковой дивизии полковника И. Т. Замерцева сильного узла сопротивления Долгенькая. По решению комдива, она была обойдена с севера и юга. Передовые части продвинулись вперед, заняли Бобров, Дубровку и Морозовку, а в это время вторые эшелоны, блокировав Долгенькую, уничтожали засевшего там противника.

Действуя на вспомогательном направлении, 335-я стрелковая дивизия, которой командовал подполковник П. Н. Волосатых, к исходу 21 января, с боями преодолевая сопротивление врага, продвинулась вперед до 12 км. А 333-я стрелковая дивизия полковника И. М. Афонина прорвалась к окраинам Маяков и Райгородка, однако овладеть этими населенными пунктами не смогла. Ее продвижение было весьма незначительным.

В итоге четырехдневных боев 57-я армия прорвала тактическую оборону противника и к исходу 21 января вышла на рубеж Великая Камышеваха, Ново-Камышеваха, Базалеевка, Бобров, Морозовка, Райгородок, продвинувшись правым флангом на глубину до 23 км. На славянском направлении, где наносился вспомогательный удар, результаты были гораздо меньшими.

Ожесточенные наступательные бои в это же время вели 37-я армия (командующий генерал-майор А. И. Лопатин, член Военного совета дивизионный комиссар Н. К. Попов, начальник штаба генерал-майор И. С. Варенников) и 12-я армия (командующий генерал-майор К. А. Коротеев, член Военного совета бригадный комиссар Я. В. Гольденштейн, начальник штаба генерал-майор А. Г. Ермолаев).

Ударная группировка 37-й армии в составе 96, 99, 230, 150-й стрелковых и 30-й кавалерийской дивизий, двух танковых бригад в итоге упорных четырехдневных боев прорвала передний край обороны противника, однако задачи, которые были перед

ней поставлены, полностью не выполнила. Это нарушило планомерность развития всей операции в целом.

Следует отметить, что наши армии не имели глубокого оперативного построения. По мере наступления их боеспособность ослабевала, поскольку необходимо было выделять часть сил на ликвидацию очагов сопротивления противника, оставшихся в тылу. Все это отрицательно влияло на темпы наступления.

И все же, несмотря на незначительное продвижение, войска 37-й армии сковали вражеские резервы на краматорском направлении. Ведя активные наступательные бои с 18 по 21 января, 12-я армия не давала возможности гитлеровцам перебросить оперативные резервы из районов Горловки и Орджоникидзе. На вспомогательном направлении Южного фронта 18-я и 56-я армии также приковали к себе часть сил врага, не допуская переброски их на павлоградское направление.

Подводя итоги первого этапа Барвенково-Лозовской операции, следует отметить, что действовать нашим войскам пришлось в необычайно тяжелых зимних условиях, требовавших большого напряжения сил, воли и выдержки. В ходе четырехдневных боев оборона противника на многих участках фронта была прорвана на всю глубину. Этим создались условия для ввода подвижных групп в прорыв, чтобы развивать дальнейший успех.

Изюмская и краснолиманская вражеские группировки понесли большие потери. Но на флангах нашей ударной группировки, в районах Балаклеи и Славянска, противнику за счет оперативных резервов удалось задержать наступление правофланговой 252-й стрелковой дивизии 6-й армии и дивизий 37-й армии...

К началу февраля 1-й кавалерийский корпус включился в ожесточенные бои с подошедшими резервами противника, прикрывавшими с запада подступы к славянско-краматорскому укрепленному району.

К этому времени войска 57-й и 37-й армий, наступавшие на Славянск, развернули боевые действия на рубеже Маяки, Николаевка, Никифоровка. Однако противник, подбросив крупные силы, приостановил наше наступление.

Когда вспоминаешь те нелегкие бои, перед глазами встают многие небольшие, малоизвестные населенные пункты, удерживать или освободить которые приходилось крайне трудно. Нередко бывало, получаешь приказ – выбить немцев из такой-то деревни. На первый взгляд кажется, что это не такая уж сложная задача. А потом, в бою, убеждаешься, что захватить деревню совсем не просто.

Особенно мне запомнились бои за село Маяки. Оно для нас стало поистине крепким орешком. Этот населенный пункт расположен на высоте, господствующей над местностью. Противник сильно укрепил подступы к селу. Гибли люди, а село по-прежнему оставалось в руках врага. Пехотинцы и кавалеристы неоднократно предпринимали попытки овладеть Маяками, но всякий раз отходили назад.

Да, мы несли потери. Это объяснялось порой и недостатком сил, и зачастую отсутствием должного опыта. Но в каждом бою советские воины обескровливали противника, наносили ему большой урон.

* * *

Наступление советских войск на Юго-Западном направлении в январе 1942 г. имело весьма важное значение.

Немцы, потерпев решительное поражение в битве под Москвой, подверглись удару наших войск, наступавших на юге. Это мощное советское наступление привлекло значительные оперативные резервы гитлеровской Германии.

В ходе Барвенково-Лозовской операции войска Юго-Запад-

ного и Южного фронтов не только прорвали сильную оборонительную систему врага, но и разгромили 298, 68 и 257-ю немецкие пехотные дивизии, 236-й противотанковый полк и 179-й пехотный полк, венгерский кавалерийский полк, штаб 257-й дивизии. Были захвачены знамена 457-го и 516-го пехотных полков. Кроме того, было нанесено значительное поражение частям 44-й, 295-й пехотных дивизий и частям 62, 76 и 94-й дивизий. За время операции гитлеровцы потеряли свыше 36 тыс. солдат и офицеров убитыми и несколько сот пленными³. Войска 6, 9 и 57-й армий и кавалерийские корпуса на 120-километровом фронте продвинулись более чем на 90 км, освободили свыше 400 населенных пунктов, овладели важнейшим железнодорожным узлом – городом Лозовая и тыловой базой 17-й немецкой армии – Барвенково, нарушив железнодорожное сообщение по линии Харьков – Донбасс через Лозовую. Для ликвидации этого прорыва командование немецкой армейской группы «Юг» израсходовало все свои резервы.

Наши войска захватили 658 орудий, 40 танков и бронемашин, 843 пулемета, 331 миномет, 6013 автомашин, 513 мотоциклов, 1095 велосипедов, 23 радиостанции, свыше 100 тыс. мин, около 80 тыс. снарядов, более 1 млн патронов, 23 тыс. ручных гранат, 430 вагонов с боеприпасами и военным имуществом, 8 эшелонов с военно-хозяйственным грузом, 24 склада с военным имуществом, 2400 подвод, 2800 лошадей...

В тесном боевом взаимодействии наносили удары по тылам врага партизаны и советские части, подразделения и отдельные разрозненные группы войск, оказавшиеся в тылу врага.

Подпольные партийные организации, партизанские отряды, советские патриоты оказывали в это время большую помощь красноармейцам, командирам и политработникам Красной Армии, с огромными трудностями выходявшим из вражеского окружения.

3 Архив МО СССР, ф. 43, оп. 11536, д. 62в, л. 226. 112

Начальник политотдела 21-й армии бригадный комиссар И. И. Михальчук в донесении Военному совету и политуправлению Юго-Западного фронта сообщал, что в первых числах октября 1941 г. в лесах Миргородского района Полтавской области скопилось большое количество окруженных врагом советских бойцов и командиров. Тогда работники политотдела 21-й армии установили связь с партизанскими отрядами, действовавшими в этом районе. Партизаны вывели из окружения 800 человек, обеспечив им переправу через р. Ворскла⁴.

С первых же недель войны командование немецко-фашистских войск предприняло все усилия, чтобы парализовать развитие партизанского движения. Против партизан гитлеровское командование направляло крупные карательные силы. Но народные мстители мужественно вели борьбу с врагом.

Особенно важное значение приобрела боевая деятельность партизанских отрядов и подпольных партийных организаций на территории временно оккупированных районов Донбасса.

В Добропольском, Селидовском, Ямском и Артемовском районах в тесном контакте с частями 6-й армии Юго-Западного фронта действовали партизаны объединенной группы отрядов, которыми командовали товарищи Ланцов, Пасечный, Сало, Чаплин и Потеряев. Они нападали на коммуникации немецко-фашистских войск, нарушали связь, вели разведку, добывая ценные данные о противнике.

Славянский партизанский отряд под командованием участника гражданской войны Михаила Ивановича Карнаухова активно действовал в районе Изюма, Барвенково и Лозовой. Этот отряд взорвал железнодорожный мост между Славянском в Барвенково, уничтожил крупный продовольственный склад и штаб одного из вражеских полков, захватив при этом важные документы.

⁴ Архив МО СССР, ф. 229, оп. 4184, д. 1, л. 438.

Партизаны славянского отряда увязывали свои действия с действиями частей Красной Армии. Они сражались не только с немецкой полевой жандармерией и полицейскими, но и с сильными, хорошо вооруженными регулярными немецкими войсками. Партизаны проникали глубоко в тыл и отвлекали с фронта часть сил противника.

В январе 1942 г. 9-я армия наступала в районе Славянска, Барвенково. На этот участок гитлеровцы срочно перебросили из-под Харькова два моторизованных полка.

Партизаны по заданию командующего армией заминировали дорогу Славянск – Изюм, на которой подорвалось немало вражеских солдат.

На участке, где действовал 5-й кавалерийский корпус, партизаны принимали активное участие в борьбе. В штаб корпуса, который располагался в доме отдыха «Тяжмаш», неподалеку от станции Святогорская, в феврале 1942 г. был приглашен командир отряда М. И. Карнаухов. Мы договорились с ним, что он выделит партизан-проводников для кавалерийских подразделений. Михаил Иванович послал конникам хорошо знающих Придонцовье партизан.

Народные мстители во взаимодействии с воинскими частями заходили в тыл противника, нападали на его штабы, нарушали связь, громили обозы. Они являлись и проводниками для наступающих советских частей.

Партизаны Сахновщинского района в январе 1942 г. освободили от оккупантов свой район. В 1942 г. в Лозовой, которая являлась в период оккупации конечным пунктом прямого железнодорожного сообщения Берлин – Лозовая, где были сосредоточены военные склады, госпитали, штабы, гестапо, полевая комендатура и карательные отряды, была создана подпольная диверсионная группа. В ее состав входили местные рабочие и оказавшиеся в тылу немецких войск советские командиры,

в том числе батальонный комиссар В. Г. Ахундов, который до войны был депутатом Верховного Совета Азербайджанской ССР, членом ЦК Компартии Азербайджана. С помощью подпольщиков Ахундов был обеспечен документами на имя агронома Александра Гасанова и под этим именем стал работать агрономом районной земельной управы. Он занимался созданием комсомольских и патриотических групп в селах района. Эти группы нанесли большой урон оккупантам.

Самых добрых слов заслуживают отряд краснолиманских железнодорожников во главе с Г. Ф. Ищенко и артемовский отряд во главе с И. Г. Чаплиным, которые плодотворно взаимодействовали с разведкой 34-й кавалерийской дивизии, четко выполняя боевые задания ее командования.

Боевые дела партизан получили высокую оценку советского правительства. Многие из них были награждены орденами и медалями.

Несмотря на то, что Барвенково-Лозовская наступательная операция войск Юго-Западного и Южного фронтов завершилась в конце января 1942 г., напряженные боевые действия в районе Барвенковского выступа продолжались вплоть до мая, а в Донбассе они длились почти до конца июля...

Командование Юго-Западного направления планировало проведение в районе Харькова наступательной операции.

План этой операции заключался в следующем. Войска Юго-Западного фронта двумя сходящимися ударами в общем направлении на Харьков должны были окружить и уничтожить противника и освободить город. Главный удар наносился с Барвенковского выступа силами 6-й армии генерала А. М. Городнянского. Она обходила Харьков с юго-запада. Южнее наступала на Красноград армейская группа генерала Л. В. Бобкина. Она обеспечивала действия 6-й армии с юго-запада. Другой удар наносился 28-й армией генерала Д. И. Рябышева и час-

тью сил 21-й армии из района Волчанска навстречу 6-й армии. Им предстояло обойти Харьков с севера. 38-я армия генерала К. С. Москаленко получила задачу организовать наступление в направлении Змиева, чтобы сковать силы противника и не позволить перебрасывать их на решающие направления.

Войска Южного фронта (командующий генерал Р. Я. Малиновский, член Военного совета дивизионный комиссар И. И. Ларин, начальник штаба генерал А. И. Антонов) силами 57-й армии генерала К. П. Подласа и 9-й армии генерала Ф. М. Харитонова обороняли южный фас Барвенковского плацдарма и обеспечивали с юга наступавшую группировку Юго-Западного фронта.

Планируя Харьковскую операцию, командование Юго-Западного направления преследовало решительные цели. Однако план этой операции имел значительные недостатки. Фланги и тыл главной ударной группировки были уязвимыми. Наши войска не располагали общим превосходством над противником на юго-западном направлении. К тому же враг подготовил наступательную операцию с целью ликвидации Барвенковского выступа. Он предполагал нанести два удара: из районов Славянска и Краматорска в северо-западном направлении и из района Балаклеи на юг.

12 мая войска Юго-Западного фронта начали наступательную операцию на харьковском направлении. Оборона 6-й немецкой армии севернее и южнее Харькова оказалась прованной. За трое суток напряженных боев войска фронта продвинулись с Барвенковского плацдарма на 50 км, а в районе Волчанска – до 25 км. В результате сложилась благоприятная обстановка для ввода в сражение танковых корпусов и развития наступления в высоких темпах. Однако этого сделано не было ни 15-го, ни 16 мая. Командование фронта выжидало более выгодной обстановки.

Этим промедлением воспользовалось немецкое командование. Оно перебросило на угрожаемое направление дополнительные войска и добилось равновесия сил в полосах 6-й и 38-й армий, а над 28-й армией – превосходства. Ввод в сражение танковых корпусов 17 мая не принес желаемых результатов. Вражеские войска успели закрепиться. Более того, в этот день они сами перешли в наступление. Из района Краматорска по 9-й армии Южного фронта нанесла в северном направлении удар группа Клейста (1-я танковая и 17-я армии), а из района севернее Балаклеи в южном направлении – 6-я немецкая армия.

9-я армия, которой командовал генерал-майор Ф. М. Харитонов, не смогла сдержать натиск превосходящих сил врага. Ее левофланговые соединения с боями начали отходить за Северский Донец, а дивизии, действовавшие на правом фланге, – на Барвенково и далее на северо-запад.

Противник быстро развил наступление. Над 57-й армией Южного фронта и всей Барвенковской группировкой Юго-Западного фронта нависла угроза окружения. Выдвинутые навстречу врагу резервы Южного и Юго-Западного фронтов оказались недостаточными. Резервы Ставки ВГК могли выйти на Барвенковский плацдарм не ранее чем через три-четыре дня. Поэтому обстановка требовала прекращения дальнейшего наступления и сосредоточения внимания на ликвидацию прорвавшихся группировок противника. К сожалению, это своевременно не было сделано. В ту пору многие из нас не знали, почему все же продолжается наступление Юго-Западного фронта, когда была видна явная угроза окружения его войск. Кстати, в военно-исторической литературе, вышедшей после войны, нередко встречались противоречивые толкования этого вопроса.

В книге «Дело всей жизни» Маршала Советского Союза А. М. Василевского говорится об этом так:

«Получив первые сообщения из штаба направления о тревожных событиях, я вечером 17 мая связался по телефону с начальником штаба 57-й армии, моим давним сослуживцем генерал-майором А. Ф. Анисовым, чтобы выяснить истинное положение вещей. Поняв, что обстановка там критическая, я тут же доложил об этом И. В. Сталину. Мотивируя тем, что вблизи не имеется резервов Ставки, которыми можно было бы немедленно помочь Южному фронту, я внес предложение прекратить наступление Юго-Западного фронта с тем, чтобы часть сил из его ударной группировки бросить на пресечение вражеской угрозы со стороны Краматорска. Верховный главнокомандующий решил переговорить сначала с главкомом Юго-Западного направления маршалом Тимошенко. Точное содержание телефонных переговоров И. В. Сталина с С. К. Тимошенко мне неизвестно. Только через некоторое время меня вызвали в Ставку, где я снова изложил свои опасения за Южный фронт и повторил предложение прекратить наступление. В ответ мне было заявлено, что мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а потому Юго-Западный фронт будет продолжать наступление...

С утра 18 мая обстановка для наших войск на Барвенковском выступе продолжала резко ухудшаться, о чем я прежде всего доложил Верховному. Часов в 18 или 19 того же дня мне позвонил член Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущев. Он кратко проинформировал меня об обстановке на Барвенковском выступе, сообщил, что И. В. Сталин отклонил их предложение о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об этой их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом и что, ссылаясь как раз на противоположные донесения Военного совета Юго-Западного направления,

Сталин отклонял мои предложения. Поэтому я порекомендовал Н. С. Хрущеву обратиться непосредственно к Верховному. Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным через Г. М. Маленкова состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении наступления.

19 мая ударная группировка противника, действовавшая на Барвенковском выступе, вышла в тыл советским войскам, и только тогда Тимошенко отдал наконец приказ прекратить дальнейшее наступление на Харьков и использовать основные силы нашей ударной группировки для ликвидации прорыва и восстановления положения в полосе 9-й армии. Верховный утвердил это решение. Но, к сожалению, состоялось оно слишком поздно...»⁵.

23 мая войска группы Клейста, наступавшие с юга, и войска 6-й немецкой армии, наступавшие с севера, соединились южнее Балаклеи. Главные силы 6-й и 57-й армий и группы генерала Бобкина оказались окруженными. Их возглавил заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко.

Тяжелая борьба окруженных войск продолжалась до конца мая. Многие участники тех событий погибли в боях смертью храбрых. Часть воинов вырвалась из окружения.

Так успешно начавшаяся Харьковская операция закончилась поражением войск Юго-Западного и Южного фронтов на Барвенковском выступе. Это обуславливалось рядом причин. Прежде всего, следует сказать, что противник превосходил Южный фронт в силах. Кроме того, недостаточно было продумано планирование наступательной операции, вследствие чего войска Юго-Западного фронта наступали на харьковском направлении изолированно. Их действия слабо обеспечивались другими фронтами. Не всегда четко работала наша разведка,

⁵ А. М. Василевский. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, стр. 191–193.

которая могла бы вскрыть перегруппировку сил противника и подход его резервов. Фланги наступательной группировки Юго-Западного фронта не были в достаточной степени обеспечены, а меры по ликвидации прорвавшегося противника принимались с опозданием и неэффективно. Отрицательно сказались на исходе операции также слабая сколоченность многих соединений, нехватка современной боевой техники и отсутствие боевого опыта у части командного состава.

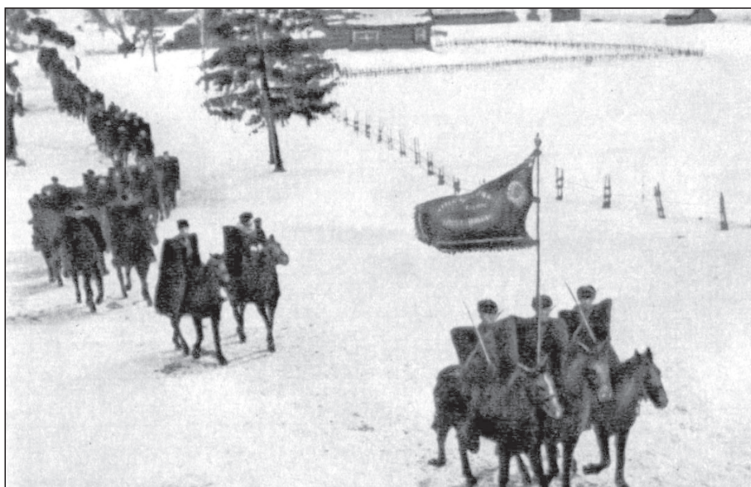
В результате неудачного исхода наступательной операции на харьковском направлении и контрудара противника войска Юго-Западного фронта в составе 21, 28, 38 и 9-й армий отошли на рубеж 25 км юго-западнее Волчанска, 15 км южнее Балаклеи, западный берег р. Северский Донец до Красного Лимана.

Печатается по: А. А. Гречко. Годы войны. – Москва; Воениздат, 1976, с.73-77; 83; 96-98; 111-112; 124-125; 134-137.

А. А. Гречко и И. М. Афонин под Барвенково

Кавалерия на марше

Памятник Артему. Отсюда начиналась битва за Донбасс

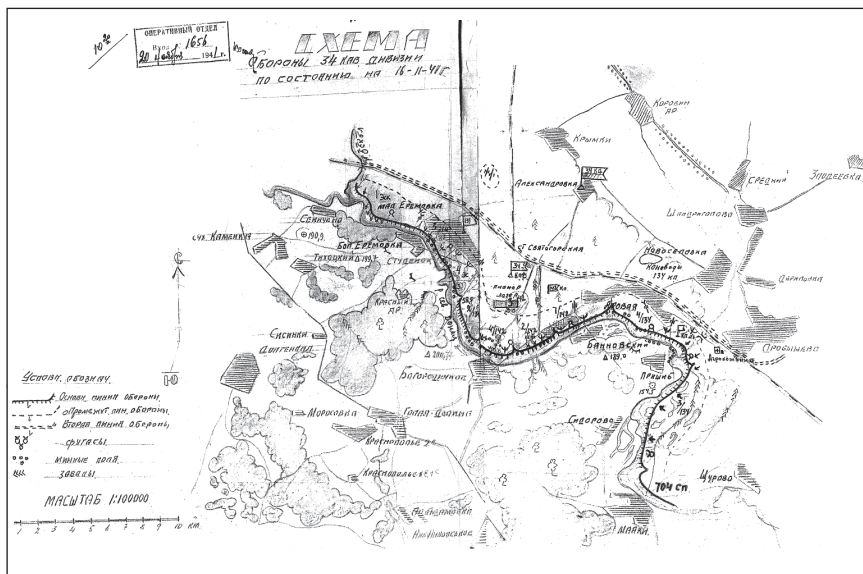

Схема обороны 34 кавалерийской дивизии по состоянию на 16.11.41 г.

И. Х. Баграмян

Герой Советского Союза, маршал Советского Союза

В Красной Армии с декабря 1920 года. В период оборонительных и наступательных боев против немецко-фашистских захватчиков 1941-1942 гг. разрабатывал и осуществлял военные операции Юго-Западного направления в качестве начальника оперативного отдела штаба Юго-Западного фронта, начальника оперативной группы Юго-Западного направления и начальника штаба Юго-Западного фронта.

ТАК ШЛИ МЫ К ПОБЕДЕ (отрывки из книги)

19 декабря 1941 г. по вызову Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко я прилетел в Воронеж и поспешил к нему. Главком Юго-Западного направления встретил меня радушно.

– Принято решение восстановить 1-й Брянский фронт, упраздненный в первой половине ноября, – продолжал Тимошенко. – Возглавит его бывший командир Южного фронта генерал-полковник Черевиченко, а на его место выдвинут командующий 6-й армией генерал-лейтенант Малиновский. Командующим Юго-Западным фронтом назначен генерал Костенко, так что теперь я буду заниматься только обязанностями главкома, а вам надлежит спешно сформировать оперативную группу направления...

Затем главком сообщил мне в самых общих чертах о наме-

рениях Ставки. Уже в начале января должно начаться новое решительное наступление на всех основных стратегических направлениях. Главный удар на группу армии «Центр», с тем, чтобы окончательно разгромить основные силы. На Юго-Западный и Южный фронты возлагалась задача нанести удар по группе армий «Юг» и освободить Донбасс.

...С первых же дней работы оперативной группы мы внимательно изучили данные о силах, средствах и группировках противника, о характере инженерного оборудования его обороны. Наша разведка всех видов, особенно агентурная, связанная с партизанами, а также информация, полученная из центра, позволяли установить, что перед войсками Юго-Западного фронта фашистское командование держит свыше десяти пехотных дивизий (три из них в полосе действия левофланговой 6-й армии).

Основные же силы армий «Юг» продолжали оставаться против Южного фронта, где на 240 км участка насчитывалось свыше 30 дивизий противника, в т. ч. 5 моторизованных и 3 танковых. При этом на Барвенковском направлении в первой линии находилось более 2-х пехотных дивизий и еще 2 в резервах Лозовой и Славянска. Перед центральным участком фронта, на Артемовском направлении, было 5 немецких пехотных дивизий и итальянский экс. корпус 3-х дивизионных составов.

Каждому, конечно, ясно, что эти ценнейшие сведения о группировке фашистских войск доставались нам непросто. Кроме войсковой и авиационной разведки, сведения доставали сотни людей, рискуя жизнью в тылу врага. Они знали, что в случае провала их ждет не просто смерть, а самые изощренные фашистские пытки. Рисковали жизнью и наши добровольные помощники из жителей оккупированных районов – старики, женщины и вездесущие мальчишки.

Вот как выглядело соотношение сил сторон в полосе 2-х на-

ших фронтов по суммарным подсчетам. Юго-Западный и Южный фронты на 1 января 1942 года насчитывали 868,4 тыс. человек, 3430 орудий и минометов; 187 танков (в т. ч. 53 тяжелых и средних).

Им противостояла группа армий «Юг», имеющая в своем составе 1169 тыс. чел., 9 тыс. орудий и минометов, 240 танков. Следовательно, противник превосходил советские войска в живой силе, танках и артиллерии.

То общее соотношение сил сторон было неблагоприятным для нас, поэтому успех наступления могли обеспечить только умение и создание достаточно сильных ударных группировок на решающих направлениях. Надо было громить противника не количеством войск, а искусным их применением.

На особо важных направлениях противник создал целые укрепленные районы с сильными гарнизонами, располагающими огневыми средствами всех видов. Подготовленные к прочной круговой обороне, они были способны вести длительную борьбу в условиях окружения и составили основу не только тактической, но и оперативной обороны противника. Именно в такие мощные укрепрайоны были превращены города Балаклея и Славянск.

24 декабря я доложил главкому наши соображения, подчеркнув, что поскольку мы не располагаем необходимым превосходством в силах и средствах, а в артиллерии и минометах даже уступаем противнику, перед нашими войсками стоит очень трудная задача. Выполнить ее мы сможем при одном условии, если наше наступление будет для немецкого командования внезапным как в тактическом, так и оперативном отношении.

Суть решения сводилась к тому, чтобы войсками смежных крыльев двух фронтов прорывать оборону противника между Балаклеей и Нырково и, решительно развивая наступление в общем направлении на Павлоград, выйти ударными силами

Южного фронта в тыл Донбасско-Таганрогской группировки немцев, отрезать ей путь отхода на запад и, призвав основные силы противника к берегам Азовского моря, во взаимодействии с войсками левого крыла Южного фронта, окружить и уничтожить их.

Подготовка операции осуществлялась в очень тяжелых условиях. Морозы, вьюги, снежные заносы... Сотни тысяч людей непрерывно очищали от снега железнодорожные пути. И все-таки поезда то и дело застревали и шли с двойной тягой. А о грунтовых дорогах и говорить нечего: машины и технику приходилось тащить буквально на руках.

Трудности перегруппировки войск и ряд других причин вынудили главкома перенести начало наступления с 12 на 18 января.

Оперативная группа направления пристально следила за ходом подготовки к операции. Пожалуй, наиболее энергично эта работа велась в 6-й армии Юго-Западного фронта, которой раньше командовал Р. Я. Малиновский. После назначения его командующим Южным фронтом временно возглавил армию генерал К. С. Москаленко, заместитель командарма. Напористый, неутомимый, он вместе с членами Военного Совета армии Н. Т. Пожидаевым побывал почти во всех дивизиях, проверил готовность войск, давал необходимые советы, оказывал практическую помощь командирам.

* * *

17 января во всех частях и соединениях был получен приказ главнокомандующего войсками Юго-Западного направления о начале наступления.

На рассвете 18 января после артиллерийской подготовки войска двинулись вперед.

В полосе наступления соединений генерала Р. Малиновского, на головном направлении, сражалась 57-я армия генерала Д. И. Рябышева, а на ее правом фланге – 341-я стрелковая дивизия полковника А. И. Шагина, усиленная 6-й танковой бригадой. Начав 18 января атаку с восточного берега Донца, армия за 4 дня с боями освободила Каменку, Малую и Великую Камышевахи, взломала вражескую оборону на всю ее тактическую глубину и продвинулась более чем на 20 км.

255-я стрелковая дивизия полковника И. Т. Замерцева начала атаку одновременно со своим правым соседом. В ходе успешного развития наступления 20 января пехотинцы в глубине обороны врага натолкнулись на хорошо оборудованный узел сопротивления в Долгеньком. По решению комдива подразделения первого эшелона, смелым маневром обошли населенный пункт с севера и юга и к исходу следующего дня заняли в ее тылу Бобров, Дубровку и Моросовку. Потом полк второго эшелона решительным лобовым ударом ликвидировал оказавшийся изолированным очаг сопротивления. За 4 дня наступления части соединения продвинулись на 18 км.

335-я и 333-я стрелковые дивизии, действовавшие на вспомогательном направлении, прикрывали левый фланг ударной группы 57-й армии со стороны Славянска. 335-я стрелковая дивизия полковника П. Н. Волосатых встретила отчаянное сопротивление врага в районе с. Богородичное, где завязались упорные схватки. Обойдя этот сильный пункт с севера и с юга и блокировав его, к исходу 21 января вышла к восточной окраине деревни Голая Долина, пройдя с боями на правом фланге 6 км, а на левом – до 12 км. 333-я стрелковая дивизия тоже наткнулась на яростное сопротивление врага, засевшего в Маяках и Райгородке. После ожесточенных боев к исходу 31 января она блокировала эти крупные населенные пункты, но не сумела, однако, овладеть ими.

О действиях 57-й армии есть возможность привести довольно интересные свидетельства вражеской стороны. В Западной Германии издана история 257-й пехотной дивизии, противостоявшей вместе с другими соединениями армии генерала Д. И. Рябышева.

Вот что сообщает историк 257-й берлинской дивизии Альберт Бенари: «18 января в 5 час. 30 мин. по обороне нашей 257-й и находившейся севернее 298-й пехотной дивизии был нанесен мощный удар превосходящими силами. Наступление русских началось почти без артподготовки. Термометр показывал 35 градусов ниже нуля. Из-за мороза наше автоматическое оружие по большей части не действовало. В таких условиях не было удивительным, что превосходящие по численности войска противника преодолели нашу оборону».

Характерно, что западногерманские авторы почти всегда забывают, что и советские войска действовали в таких же точных условиях. Кроме того, для любого хоть сколько-нибудь сведущего в военном деле человека ясно, что наступать в зимних условиях при сильных морозах несравненно труднее, чем обороняться.

«...Запланированная на 24 января контратака с привлечением сил, дополнительно выделенных командованием нашего корпуса, не состоялась, – пишет далее историк, – так как опорные пункты 477-го пехотного полка в большей или меньшей степени оказались окруженными, прекратился подвоз к ним боеприпасов (попытки организовать снабжение по воздуху ни к чему не привели). Все это вынудило после пятидневных, сопряженных с большими перерывами боев отвести гарнизон в поселки Сидорово в Маяки, а гарнизоны Банного, Богородичного, Голой Долины и Адамовки – в Хрестище. Отход осуществлялся трудными ночными маршами при адском морозе, по глубокому снегу, при неотступном вражеском преследовании. Так же и

обороняющимся с 18 января в Долгеньком подразделении 457 - го полка пришлось в ночь на 24 января отступить на юг через Ивановку и Черкасскую».

* * *

Итак, наступление 57-й армии в целом развивалось планомерно. В итоге четырехдневных кровопролитных боев ее войскам удалось преодолеть тактическую оборону противника на всю ее глубину на направлении главного удара и к исходу 21 января выйти на линию Великая Камышеваха, Базалеевка, Моросовка, Маяки, Райгородок, продвинувшись своей ударной группировкой до 25 км.

Создались благоприятные условия для ввода в прорыв подвижной группы фронта, состоящей из 1-го и 5-го кавалерийских корпусов. На Славянском направлении, где наносился удар небольшими силами, продвижение было незначительным.

Не оставались вне поля зрения нашей оперативной группы и действия других армий Южного фронта. Входившая в состав ударной группы 37-я армия генерала А. И. Лопатина имела задачу ударом с фронта Драновка, Ивано-Дарьевка в общем направлении на Дружковку во взаимодействии с 57-й и 12-й армиями уничтожить группу Шведлера и выйти на линию Беленькое, Артемовск. В состав ударной группировки армии, строившейся в два эшелона, были выделены 4 стрелковые и одна кавалерийская дивизии, 2 танковые бригады и основные силы артиллерии. В полосе ее наступления была создана, кроме того, армейская артиллерийская группа дальнего действия, имеющая задачу подавить огневую систему противника в глубине его обороны. (Из района Райгородок обстреливался Славянск из 203-мм. пушки, установленной на ж. д. платформе. Прим. авт.). С рассветом 18 января после часовой арт. подготовки войска 37-й армии гене-

рала А. И. Лопатина при поддержке артиллерии и авиации также перешли в наступление.

275-я стрелковая дивизия, действовавшая на вспомогательном направлении, правее ударной группировки армии, натолкнулись на очень прочную оборону. Лишь на следующий день соединение овладело опорными пунктами врага на переднем крае. К исходу дня 21 января после крайне напряженных боев, частям дивизии удалось проникнуть на 3 - 8 км в глубину фашистской обороны и выйти к населенным пунктам Райгородок, Николаевна и Рай-Александровка, где их продвижение было остановлено огнем и контратаками противника. Четырехдневные напряженные бои здесь подсказали, что подступы к Славянску с востока сильно укреплены.

Итак, несмотря на успех нескольких дивизий, задачи, поставленные перед войсками 37-й армии, не были выполнены. По сравнению с армиями генералов А. М. Городнянского и Д. И. Рябышева, она отстала в своем продвижении, и это в значительной степени нарушило последующее планомерное развитие операции в целом.

Тем не менее, войска 37-й армии серьезно измотали противостоящие им 295-ю и 76-ю пехотные дивизии и сковали резервы противника, сосредоточенные в районе Краматорска.

Вечером 21 января мы подвели предварительные итоги наступления наших войск за первые 4 дня операции и пришли к выводу, что в необычно тяжелых зимних условиях, потребовавших от личного состава большого напряжения физических и моральных сил, весьма прочная оборона противника на стыке 2-х наших фронтов оказалась прорванной усилиями 6-й и 57-й армий на всю тактическую глубину. В результате их успешных действий немецко-фашистские войска, действовавшие в полосе этих объединений, были разгромлены. Это касалось 44, 248, 245-й и частично 68-й пехотных дивизий. Создались очень

благоприятные условия для ввода в прорыв подвижных групп фронтов с целью развития успеха наступления.

Однако гитлеровцам все же удалось на флангах прорванного участка обороны протяженностью более 75 км – справа в районе Балаклеи и слева в районе Славянска – отразить наступление наших войск и сохранить за собой созданные здесь мощные узлы сопротивления.

Наступило, таким образом, время принятия по ходу операции новых решений.

Поскольку противнику удалось сохранить за собой Балаклею и Славянск – своеобразные полевые крепости на фланге участка прорыва, которые при глубоком продвижении наших войск могли приобрести роль плацдарма для нанесения контрударов по флангам и тылу ударных группировок 6-й и 57-й армии, – перед нами встала задача как можно быстрее ликвидировать эти опасные очаги вражеской обороны.

...1-й кавалерийский корпус генерал-майора Ф. А. Пархоменко, в который входили 35, 36, 68-я кавалерийские дивизии и 15-я танковая бригада, должен был с выходом войск 57-й армии на фронт Долгенькое, Краснополье-2 прорываться в общем направлении на Долгенькое, Васильевку и далее на юго-восток для удара во фланг Славянской группировки немецко-фашистских войск. С утра 21 января корпус начал выдвижение и к исходу дня достиг района Долгенького. К утру 22 января он был готов к выполнению поставленной задачи.

К моменту ввода в прорыв кавалерийских корпусов войска Южного фронта тремя правобланговыми дивизиями 57-й армии (341, 351 и 255-й) выбили противника с занимаемых рубежей и продолжали успешное наступление. На всем остальном фронте армия встретила ожесточенное сопротивление немецко-фашистских войск, прочно закрепившихся на разветвленных в глубину позициях Славянского укрепленного района.

Фронт 57-й достигший в исходном положении 58 км, увеличился вдвое; все силы армии были введены в сражение.

Вот в этих условиях начали действовать кавалерийские корпуса генералов А. А. Гречко и Ф. А. Пархоменко. Поскольку 5-й корпус сыграл важную роль в дальнейшем успешном развитии операции, я более подробно расскажу о нем. Командир корпуса решил ввести соединение в прорыв с утра 22 января, имея в 1-м эшелоне две и во 2-м одну кавалерийскую дивизию. Начало активных наступательных действий сопровождалось политическим подъемом всего личного состава.

Начавшееся стремительное наступление конников на Барвенково развивалось в целом успешно. Уже во второй половине дня все дивизии корпуса вышли на ближние подступы к городу на 3-х направлениях: 79-я п-ка В. С. Головского при содействии полка 351-й стр. дивизии и поддержке 132 танковой бригады штурмовала северо-западную окраину города; 34-я под командованием п-ка А. Н. Инаури наступала на центр с севера; 60-я п-ка Г. Н. Перекрестова при активном содействии 255-й стрелковой дивизии вела решительную атаку северо-восточной окраины. При этом один из полков Перекрестова совершенно неожиданно для вражеского командования в конном строю ворвался на улицы Барвенково, вызвал панику среди гарнизона и в значительной мере содействовал успеху корпуса.

В итоге двухдневных боев корпус во взаимодействии со стрелковыми и танковыми частями к исходу 23 января овладел важным узлом сопротивления г. Барвенково. В ночь на 24 января усиленный кавалерийский корпус генерала Гречко продолжал преследовать отходившего на юго-запад и юг неприятеля. К утру 24 января его дивизии сосредоточились в районе Ново-Александровка, Александровка, Андреевка, чтобы начать рейд в тыл врага.

9-я армия с 24 января была передана в подчинение коман-

дующему Южным фронтом. Р. Малиновскому было приказано усилить армию генерала Ф. М. Харитонов за счет войск фронта 2-мя стрелковыми дивизиями, одной танковой бригадой, четырьмя артиллерийскими полками и двумя дивизионами гвардейских минометов, чтобы в последующем развернуть ее войска на фронте Дубовка, Брусовка, протяженностью 30 км. Армия получила задачу нанести главный удар своим правым флангом в направлении на Черкасскую, Лавровку, во взаимодействии с 37-й армией окружить и уничтожить Краматорско-Артемовскую группировку противника.

Слабой стороной этого решения было то, что войскам 9-й армии предстояло прорвать наиболее прочные оборонительные позиции Славянского узла сопротивления, чтобы проложить себе дорогу для выхода во фланг главной группировки противника. Между тем, в полосе наступления главных сил 57-й армии, где уже были введены в прорыв 5-й и 1-й кавалерийские корпуса, мы к тому времени располагали достаточно широкими воротами для выхода во фланг и тыл Краматорской группировки противника.

...В то время как 57-я, встречая сравнительно слабое сопротивление, успешно продвигалось на запад, соседняя с ней 37-я армия была задержана на юго-восточных подступах к Славянску. Этот очаг сопротивления тоже необходимо было ликвидировать.

После короткого обсуждения обстановки главнокомандующий подтвердил свое решение о направлении главного удара 9-й армии и конкретизировал задачи всем остальным объединениям. В частности, он потребовал развивать успех подвижными группами на севере – в тыл Балаклеевской группировки противника в направлении на Верхнюю Береку, а на юге – в тыл Славянско-Краматорской группировки, в направлении на Красноармейск и Константиновку. В соответствии с этим решением

6-я армия получила задачу продолжать двумя правофланговыми дивизиями наступление на Балаклею и во взаимодействии с 6-м кавалерийским корпусом разгромить там группировку противника. Главные силы армии должны были продолжать преследование отходящего противника с выходом 270-й стрелковой дивизии п-ка З. Ю. Кутлина в район Лозовой.

Обстановка же на левом фланге 57-й армии генерала Д. Рябышева и соседней 37-й армии генерала А. И. Лопатина по-прежнему оставалась без изменения. Попытки вести здесь наступление успеха не имели. Становилось все яснее, что если в самое ближайшее время не удастся сломить сопротивление противника на Славянско-Краматорском направлении, то в дальнейшем это станет на длительное время вообще невозможным.

...Утром 30 января генерал Харитонов ввел свою 9-ю армию в сражение, чтобы ударом в общем направлении на Черкасскую и Лавровку во взаимодействии с 37-й армией нанести поражение Славянско-Краматорской группировке противника. Завязав в первый же день наступления бои на фронте Черкасская, Былбасовка, Райгородок, артиллерия, несмотря на настойчивые атаки, не смогла прорвать созданный здесь противником сильно укрепленный отсечный рубеж с весьма мощным узлом сопротивления, основу которого составлял Славянск – один из крупных городов Донецкого бассейна. В результате этой неудачи армия генерала Харитонова вынуждена была перейти к обороне. Соседи слева – 37-я и 12 армии – в последние дни января активизировали действия, но добились лишь тактических успехов.

Таким образом, если кавалеристы генерала Гречко, с ходу нанеся мощный удар по врагу, уже 27-28 января прорвались на 40 км в глубину его расположения, то остальные силы, которые должны были взаимодействовать с 5-м кавалерийским корпусом, в эти дни по ряду причин не добились успеха, хотя наступающие и проявили подлинный героизм.

Итак, к 31 января Барвенковская операция по существу закончилась. Лозовая, важный ж.-д. узел, имевший для гитлеровцев большое оперативное значение, и Барвенково, его тыловая армейская база, были заняты войсками нашего направления и прочно ими удерживались. Сосредоточив оперативные резервы на флангах нашей ударной группировки в районах Балаклеи, Славянска и перед фронтом прорвавшихся вперед частей Южного и Юго-Западного фронтов, гитлеровское командование сумело задержать наше дальнейшее продвижение.

Фронт ударной группировки Юго-Западного направления, имевший в исходном положении протяженность в 229 км, растянулся до 440 км, т. е. почти вдвое. Между флангами соседних дивизий образовались довольно широкие разрывы. Достигнутый успех надо было закрепить, локализуя контратаки врага с севера, района Балаклеи, и с юга, района Славянска, угрожавшие глубоким тылам 6, 57, и 9-й армий и тылам подвижных групп. Необходимо было также произвести перегруппировку, подтянуть резервы. На все это требовалась оперативная пауза. А гитлеровцы тем временем подошедшими из глубины свежими силами на многих участках фронта все более ожесточали контратаки, парирование которых в основном легло на плечи кавалеристов 5-го и 6-го корпусов.

Итак, хотя войска Юго-Западного и Южного фронтов далеко не полностью выполнили поставленные перед ними задачи, тем не менее им удалось пробить глубокую брешь в обороне немецко-фашистских войск и овладеть важными оперативными узлами – Барвенково и Лозовая. В ходе боев они прорвали сильную оборону врага и нанесли серьезное поражение 298, 63 и 257-й немецко-фашистским дивизиям, разгромили 236-й противотанковый полк и 179-й пехотный полк 56-й дивизии, венгерский кавалерийский полк, штаб 257-й дивизии, захватили знамена 457-го и 516-го пехотных полков. Кроме того, зна-

чительные потери понесли 44-я и 295-я немецкая техническая дивизия и части 62, 46 и 94-й дивизий. Только за период с 18 по 31 января противник потерял свыше 36000 солдат и офицеров убитыми и несколько сот пленными.

Войска смежных флангов 2-х фронтов в полосе, шириной более 100 км, освободили свыше 400 населенных пунктов. Были захвачены следующие трофеи: 658 орудий, 40 танков и бронемашин, 843 пулемета, 331 миномет, 6013 автомашин, 23 радиостанции, около 80000 снарядов, 23000 ручных гранат, ев, 100 км телефонного кабеля, 433 вагона; 18 эшелонов с хозяйственными грузами, 2400 подвод, 2800 лошадей.

* * *

В заключение хочется сказать, что было немало причин, помешавших войскам направления добиться полного успеха в Барвенковско-Изюмской – Лозовской операции.

Среди них в первую очередь следует отметить недостаток сил и средств, которыми мы располагали, проводя эту операцию в сложных условиях. Наши войска как в начале операции, так и в ходе ее ведения, не обладали необходимым общим превосходством над противостоящими силами противника. Так, например, при общем равенстве в количестве людей, состоявших в дивизиях, бригадах и отдельных полках, гитлеровцы превосходили войска Южного фронта в артиллерии и танках в полтора раза. Не лучше выглядело соотношение сил и средств и на Юго-Западном фронте.

В числе крупных недостатков, отрицательно повлиявших на общий ход операции, следует отнести допущенную нами ошибку в отношении ввода в сражение 9-й армии в полосе наступления Южного фронта. Вместо того чтобы использовать эту армию на правом успешно наступающем фланге 57-й армии

в глубину, вслед за введенными в прорыв 2-мя кавалерийскими корпусами, усилия ее были направлены на обход Славянска с запада и отражение вражеских контрударов из этого района. (Читай – эта армия погибла в лобовых атаках с противником на подступах к Славянску).

Эта досадная ошибка лишила нас возможности закончить операцию Южного фронта с более существенными оперативными результатами.

Наконец, в значительной степени снизили успех наших войск в наступлении суровые условия зимы и наличие серьезных недостатков в организации тылового обеспечения соединений, хорошо действовавших на ударных направлениях.

Вместе с тем нельзя забывать, что речь идет о зиме 1942, когда опыта крупных наступательных действий у нас еще не было. Все мы тогда учились в трудной обстановке, при наличии у врага превосходства как в материальных ресурсах, так и в отношении опыта ведения боевых действий, в современных для того периода условиях. Такая наука не могла обойтись без ошибок и просчетов. Но мы тогда приобрели ценный опыт, который был использован во всех последующих наступательных операциях.

«...В начале марта Ставка потребовала от Военного совета представить доклад об оперативно-стратегической обстановке на Юго-Западном направлении и соображения о возможных задачах наших войск в предстоящую летнюю кампанию. На следующий день после получения этого запроса я был вызван к главному маршалу С. К. Тимошенко. Здесь же находился и член Военного совета Н. С. Хрущев.

– Военный совет считает, что с наступлением лета, – сказал Тимошенко, – гитлеровское командование, по всей вероятности, свои главные операции развернет на Московском направлении с целью овладения нашей столицей. На юге против войск

Юго-Западного направления, надо полагать, оно ограничится наступлением вспомогательного характера. Насколько нам известно, такого мнения придерживается и Ставка Верховного главнокомандующего...

Учитывая все эти обстоятельства, С. К. Тимошенко сказал нам, что если Ставка своевременно и существенно подкрепит Юго-Западное направление резервами из центра и выделит необходимое количество людского пополнения, вооружения, боевой техники, боеприпасов, то мы сможем, используя результаты зимнего наступления, предпринять летом на Юго-Западном направлении ряд взаимных наступательных операции, чтобы освободить Харьков и Донбасс от немецко-фашистских оккупантов.

Исходя из этих установок, Военный совет поручил нам подготовить соображения по организации наступления силами Юго-Западного направления в летнюю кампанию 1942 г., определить основные оперативные задачи, боевой состав, поиск каждого из фронтов и подсчитать, какие конкретно резервы пополнения личного состава, вооружения, и боевой техники необходимо просить у Ставки.

Общая протяженность фронта, занятого к весне войсками направления, превышала тысячу километров. На этом пространстве мы имели 74 стрелковые и 18 кавалерийских дивизий, 480 танков и 800 боевых самолетов.

В стрелковых дивизиях некомплект в личном составе доходит до половины положенного по штатам. Особенно низка была у нас обеспеченность войск танками, противотанковыми орудиями, минометами и пулеметами. Надо отметить, что почти треть нашего авиапарка составляли машины марки «У-2»

Против наших 3-х фронтов противник имел 63 дивизии, из них танковых – 7, моторизированных – 6 и дивизий СС – 3, располагавших 450-500 танками. Общий некомплект личного со-

става у врага превышал 400 тыс. человек. Военно-воздушные силы гитлеровцев были представлены на юге 4-м воздушным флотом, который имел в строю свыше 1000 боевых самолетов.

За основу плана операции мы взяли одобренный Ставкой замысел. Наша разведка хорошо потрудились для выявления обстановки в стане врага. Кроме того, наши действия в ходе Барвенковской операции принесли нам также вполне достоверные и обширные данные о состоянии обороны противника.

Надо прямо сказать, что у нас был ощутимый недостаток сил и средств, их явно не хватало для того, чтобы одновременно и обеспечить достаточную пробивную силу удара на Харьков и гарантировать отражение возможных контрмероприятий противника.

Обеспечение наступления войск Юго - Западного фронта на Харьков от возможных ударов противника на Барвенково возлагалась на 57-ю и 9-ю армии.

57-й армии, командующий генерал-лейтенант К. П. Подлас, директивой командующего фронтом ставилась задача прочно оборонять южный фас Барвенковского плацдарма от Царедаровки до Софиевки протяженностью в 80 километров. Армия имела в своем составе 5 стрелковых дивизий, усиленных тремя арtpолками РК и одним отдельным танковым батальоном. Средняя оперативная плотность в обороне равнялась 16 километров на дивизию. Командный пункт располагался в Миролюбовке.

9-й армии, командующий генерал-майор Ф. И. Харитонов было приказано прочно оборонять Южный и Юго-Восточный фасы Барвенковского плацдарма на фронте Софиевка, Кантемировка, Красноармейск, Красный Лиман протяженностью 96 км. В составе было 7 стрелковых дивизий, одна стрелковая и две танковые бригады, 5 арtpолков РТК и 2 батальона противотанковых ружей. Средняя оперативная плотность в обороне

равнялась 13 км. Командный пункт располагался в Каменке, а вспомогательный пункт управления в Долгеньком, на 10 километров ближе.

В резерв командования Южным фронтом был выделен 5-й кавалерийский корпус генерала Иссы Плиева.

Переход войск Юго-Западного фронта в наступление на Харьков сначала намечался на 4 мая, но затем мы вынуждены были перенести его на 12 мая из-за несвоевременного поступления пополнения личного состава и вооружения.

В районе Харькова и Барвенково к наступлению готовились силы обеих сторон.

С утра 12 мая войска Юго-Западного фронта перешли в наступление и, преодолевая упорное сопротивление противника, продвигались вперед, пытаясь ударами с севера и юга охватить его харьковскую группировку.

Генерал Паулюс в течение первого же дня нашего наступления выдвинул из Харькова в район сел Приволье, Зарожное 3-ю и 23-ю танковые дивизии и до 3-х полков пехоты...

...Наступило утро 16 мая, как оказалось потом, последнего для нашего наступления. Встретили мы его настороженно, т. к. сопротивление противника все нарастало, крайне необходимо было знать, как ведут себя гитлеровцы перед Южным фронтом. Мы запросили сведения об обстановке. Ответ из штаба фронта поступил утешительный: Клейст под Славянском неподвижен.

Штаб Южного фронта не уделил должного внимания разведке и не смог правильно оценить южную группировку противника и его намерения.

Наконец, и это, пожалуй, главное, по инициативе генерала Ф. М. Харитонов, одобренной командующим фронтом, без разрешения главнокомандующего войсками направления в период с 7 по 15 мая была проведена не отвечающая обстановке частная операция в полосе 9-й армии, целью которой было

овладение сильно укрепленным узлом сопротивления в районе Маяков. Для ее осуществления были привлечены значительные силы, в том числе почти все армейские резервы и 5-й кавалерийский корпус, составлявший резерв фронта.

Все эти резервы, прежде всего, предназначались для отражения возможного прорыва противником обороны 9-й армии на Барвенковском направлении. Операция в районе Маяков оказалась безуспешной, привлеченные для ее проведения резервы понесли большие потери и к началу перехода группы Клейста в наступление не успели перегруппироваться и занять место в оперативном построении армии для обороны.

В штабе Юго-Западного направления о предпринятой 9-й армией частной операции мы узнали лишь после того, как началось наступление Юго-Западного фронта на Харьковском направлении. Весть об этом была настолько неожиданной и неприятной, что мы восприняли ее с большой тревогой. Надо прямо признать, что операторы-направленцы нашего штаба по Южному фронту просмотрели этот факт, а Военный совет и штаб Южного фронта почему-то не посчитали необходимым доложить военному совету Юго-Западного направления о предпринятой операции.

Поняв сразу же опасные последствия действий в направлении Маяков, я немедленно доложил об этом Военному совету направления и просил принять безотлагательное решение о прекращении наступления и возвращения всех частей и соединений резерва Южного фронта в район Барвенково.

Главкомандующий маршал С. К. Тимошенко и член Военного совета Н. С. Хрущев, выслушав и обсудив мое предложение, пришли к выводу, что поскольку операция уже ведется и, по всей вероятности, притягивает к району Маяков оперативные резервы противника, вряд ли целесообразно ее прекращать. Хрущев при этом заметил, что нельзя ограничивать свободу

действий командования войсками Южного фронта, которые возглавляют такие грамотные в военном деле и опытные боевые генералы, как Р. Я. Малиновский и А. И. Антонов.

Я поручил своему заместителю генерал-майору Л. В. Ветошникову срочно связаться по прямому проводу с Антоновым, чтобы выяснить сложившуюся в районе Маяков обстановку. А. И. Антонов сообщил, что решение овладеть Маяками является в сложившейся обстановке целесообразным и что ослабление резервов в районе Барвенково произведено с разрешения командующего фронтом.

Генерал А. И. Антонов сообщил также:

– Я считаю, что если в течение сегодняшнего дня и ночи удастся овладеть районом лесничества, то это даст нам возможность выйти из леса на высоты южнее Маяков и отрезать их от Славянска, что в дальнейшем позволит полностью ликвидировать гарнизон, находящийся в Маяках – для нас это было бы очень важно. Если дело с лесничеством быстро разрешить не удастся, то придется все это предприятие прекратить. Таким образом, решение этого вопроса прошу отложить до завтрашнего утра.

* * *

Каков же был план врага по срыву нашего удара на Харьков?

Поскольку нам удалось предупредить противника в открытии наступательных действий, командующий группой армий «Юг» фон Бок вынужден был почти все силы из состава 6-й немецкой армии, которые намечалось сосредоточить в качестве ударного кулака в районе Чугуево, направить на парирование удара по Харькову северной и южной ударных групп Юго-Западного фронта. На северном и западном флангах Барвенковского выступа, у него на оборону не оказалось свободных сил. После войны

стало известно, что фон Бок, опасаясь поражения 6-й армии, 14 мая хотел взять у Клейста 3-4 дивизии и перебросить их с Юга. Такой оборот дела был нам выгоден, поскольку это существенно ослабило бы состав армейской группы генерала Клейста, предназначенной для того, чтобы, продолжая обороняться ограниченными силами на Ростовском и Ворошиловградском направлениях, нанести два концентрических удара в направлении Изюма с юга: один из района Александровка, Андреевка через Барвенково, а второй из района Славянска через Долгенькое. Словом, немецко-фашистское командование стремилось рассечь оборону 9-й армии, выйти к Северскому Донцу, форсировать его и, развивая наступление на Балаклею, добиться соединения танковой армии Клейста с 6-й армией Паулюса. При таком развитии событий все советские войска, находящиеся на Барвенковском плацдарме, могли оказаться в плотном кольце окружения.

В итоге проведенной гитлеровским командованием перегруппировки с 13 по 16 мая в полосу действий 57-й и 9-й армии Южного фронта были выдвинуты дополнительно еще 3 пехотных и 16-я танковая дивизии.

44-й армейский корпус в составе 4-х пехотных и 16-й танковой дивизий главными силами сосредоточился на 11-километровом участке в районе Былбасовки, Соболевки. 1-я танковая дивизия (170 танков), образуя второй эшелон корпуса, имела задачу развить успех после прорыва нашей обороны. 52-й армейский корпус главными силами занял исходное положение на 9-километровом участке Соболевка, Маяки. Таким образом, на участках прорыва у противника было создано громадное превосходство, особенно в танках и артиллерии.

При этом следует помнить, что оборона нашей 9-й армии еще до перехода противника в наступление была очень серьезно ослаблена, о чем уже говорилось выше.

Теперь обратимся к событиям, которые произошли 17 мая на правом крыле Южного фронта и имели столь тяжелые последствия.

На рассвете этого дня началась артиллерийская и авиационная подготовка в полосе обороны 9-й армии. Она длилась полтора-два часа. После этого пехота и танки противника ринулись в атаку при поддержке 400 самолетов (небо потемнело от самолетов) на двух направлениях: из Андреевки на Барвенково и со стороны Славянска на Долгенькое.

Обходя опорные пункты и заграждения, вражеские подвижные группы устремились на фланги и тылы частей и соединений 9-й армии. К 8.00 ее оборона на обоих направлениях была прорвана: на Барвенковском на глубину 6-10 километров, на Славянском – на 4-6 километра.

Авиация противника разбомбила вспомогательный пункт управления и узел связи 9-й армии, находившиеся в Долгеньком. Во время одной из жесточайших бомбежек был ранен начальник штаба армии генерал-майор Ф. К. Корденевич. Непрекращающиеся в течение дня налеты авиации серьезно нарушили управление войсками.

К полудню командарм генерал Ф. М. Харитонов со штабом приехал на основной командный пункт в Каменку, откуда возможность руководить войсками была весьма ограничена. В силу сложившейся обстановки вскоре командующий и штаб перебравшись в район Песков (на левом берегу Северского Донца), не согласовав этот переход с командующим фронтом генералом Р. Я. Малиновским. Штаб армии остался фактически без управления, т. к. радиосредств не хватало.

Несмотря на героическое сопротивление обороняющихся, вражеские войска, пользуясь громадным превосходством в танках, артиллерии и авиации, уже к полудню продвинулись вглубь нашей обороны на Изюмском и Барвенковском направлениях на 20 км, проникнув на южную окраину Барвенкова и в район Голой Долины.

Гитлеровские летчики, поддерживая наземные войска, проявили в этот день большую активность, совершив около 200 самолетовылетов. Авиация же Южного фронта смогла осуще-

ствить всего только 67 самолетовылетов.

В этих условиях части и соединения 9-й армии вынуждены были вести бои изолированно, без взаимодействия между собой и с резервами армии и фронта.

Фашисты рвались к Барвенково. На левом фланге 9-й армии танковые части врага к 14.00 вышли в район Долгенькое, Голая Долина. Группы немецких танков и пехоты, посаженной на броню и автомашины стали распространяться в западном и восточном направлениях, охватывая части 5-го кавалерийского корпуса генерал-майора Л. П. Плиева в районе Ильичевка, Курульки, Дубровка. Они стремились выйти к переправам через Северский Донец у Богородичного и Банного, но эти намерения гитлеровцам не удалось. Части 5-го кавалерийского корпуса по собственной инициативе двинулись в бой и дерзкими контратаками приостановил немецко-фашистские войска, наносившие удар из Долгенького.

Между Барвенково и Ильичевкой зияла большая брешь. Затем фронт проходил по линии Григоровка, Соленый, Долгенькое, Голая Долина, Пришиб. Правый фланг соединений 57-й армии оставался на прежних позициях, а на стыке 9-й армии ее войска отошли к северу на рубеж Доброполье, Ново-Пригожая. Таким образом, на стыке этих двух армий Южного фронта между Ново-Пригожей и Барвенково образовался второй прорыв шириной 20 км.

При внимательной оценке обстановки, сложившейся к вечеру 17 мая, стало совершенно очевидным, что для отражения мощного неприятельского удара по 9-й армии мы на стыке 2-х фронтов необходимыми резервами не обладали. Естественным было ожидать, что наступление противника с целью выхода на коммуникации 6-й и 57-й армий и армейской группы генерала Бобкина в последующие дни будет развиваться довольно высокими темпами.

...Ситуация настоятельно требовала принять решительные меры, чтобы избежать назревшей угрозы, а именно – срочно

прекратить дальнейшее наступление Южной ударной группировки нашего фронта на Харьков и привлечь основную массу ее сил для ликвидации совместно с Южным фронтом и резервами главкома, прорвавшиеся в район Барвенкова вражеских войск. К большому сожалению мне не удалось убедить маршала С. К. Тимошенко в необходимости срочно принять это кардинальное решение.

Несмотря на все доводы, главком ограничился тем, что приказал перебросить из полосы 6-й армии генерала А. М. Городнянского дополнительно еще 21-й танковый корпус, а вслед за ним 248-ю стрелковую дивизию. С. К. Тимошенко полагал, что достаточно будет этих сил для восстановления положения в полосе обороны 9-й армии.

...Я все еще находился под впечатлением развернувшегося в последние дни крупного наступления противника на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов, хотя, конечно, не мог тогда знать, что именно это наступление в сочетании с последующим ударом 1-й танковой армии немцев из района Славянска против Южного фронта приведет гитлеровские войска к стенам Сталинграда у Волги и в пределы Северного Кавказа.

* * *

В Изюмско-Барвенковской операции, в боях за Харьков, в окружении погибли генералы А. Ф. Акимов, П. В. Бобкин., А. И. Власов, А. М. Городнянский, Ф. Я. Костенко, К. П. Подлас и др.

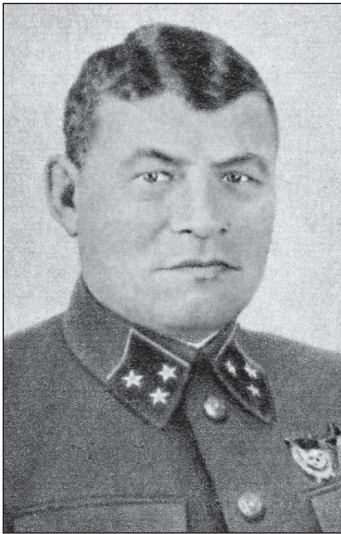
Печатается по: Чуйко А.Н. Славянск 700 дней и ночей. Исторические зарисовки 1941-1943 гг. ч. 2 – Донецк: «Лебедь», 1995, с.149-160; 194-204

К. П. Подлас

Р. Я. Малиновский

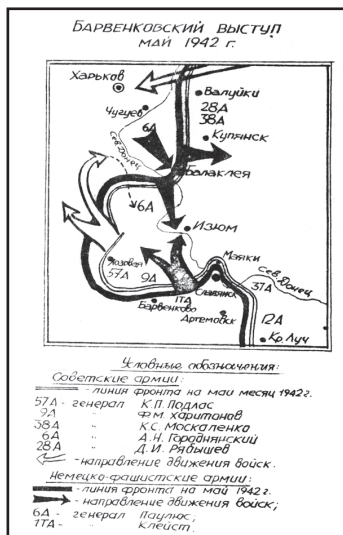
Ф. Я. Костенко

Ф. М. Харитонов

Городнянский А.М.- генерал,
командующий 6-й армией

Барвенковский выступ,
май 1942 г.

Трофеи после 1-го этапа Изюмско-Барвенковской
наступательной операции, февраль 1942 г.

**ИЗ ИТОВОЙ
ОПЕРСВОДКИ
5-ГО КАВАЛЕРИЙСКОГО
КОРПУСА
ЗА ПЕРИОД БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ
С 17 ПО 29 МАЯ 1942 Г.**

...Противник ударной группой в составе 14 - 16 танковых дивизий, 97, 100, 101, 257 п.д. (пехотные дивизии), до 2-х полков конницы, при поддержке до 200 самолетов разных видов и систем с рассветом 17 мая перешел в наступление со стороны Славянска в общем направлении на Изюм.

В направлении Славянск – Никольское – Голая Долина – Студенок насчитывалось: пехотная дивизия с группировками танков 40-60 шт., авиация.

Не обращая внимания на потери и оставляя наши войска в своем тылу, стремительно продвигаясь вперед, нарушая связь наших частей, к исходу дня 17 мая 1942 г. вышел на рубеж Голая Долина – Долгенькая.

Части 5-го кавалерийского корпуса, таким образом, были разрезаны на две части и продолжали вести бой, оставаясь в своих районах в окружении.

С утра 18 мая противник крупными силами танков, мотопехоты и пехоты со стороны с. Долгенькое перешел в наступление на Каменку.

С рассветом 19 мая противник танками и автоматчиками овладевает заводами (Заводской) и, сочетая огонь наземных войск со штурмовой и бомбардировочной авиацией, рас-

стреливает отходящие в беспорядке части 9-й армии, направляющиеся в большинстве без оружия и материальной части, на левый берег Северского Донца.

В течение 20-25 мая Славянская группа противника устремляет главные силы в направлении Петровское - Барвенково, которыми и овладевают, выходят на Северский Донец и таким образом отрезают наши войска на Изюмско - Барвенковском выступе.

Части корпуса, совместно со стрелковыми частями 9-й армии вплавь и на случайных лодках, плотинах (паромная переправа разбита) переправляются на левый берег. Часть оружия и транспорта частей корпуса были оставлены на правом берегу Северского Донца. Общие потери корпуса – 5432 человек.

*Архив МО СССР, ф. 3471,
оп.1, д.10, л. 15-25.*

Наступление немецких танков в мае 1942 г.

Части 5-го кавалерийского корпуса на переправе, 1942 г.

**ИЗ ОТЧЕТА СТАЛИНСКОГО
ОБКОМА КП(Б)У ОТ 10 АПРЕЛЯ 1945 Г.
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЛАВЯНСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО
ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
М.И. КАРНАУХОВА**

22 октября 1941 г. – январь 1943 г.

...24 октября отряд сосредоточился в Лиманском лесу. На совещании командиров и политруков групп было принято решение о дислокации каждой группы. Размещение групп было таким, что они охватывали значительную часть района. Штаб отряда разместился в Славянской балке Теплинского леса, где были заложены склады продовольствия и боеприпасов.

Отсюда группа партизан под командованием Деренского нанесла первый удар по немцам. Устроив засаду на дороге Изюм–Славянск, она забросала гранатами легковой штабной автомобиль противника, истребив при этом шофера, двух солдат и офицера. Захватив их оружие, документы и почту, группа благополучно вернулась на базу.

Второй удар отсюда же был нанесен группой партизан по лагерю немцев, расположенному за лесом по дороге Славянск – Изюм. 5 партизан совместно с двумя разведчиками Красной Армии, пробравшимися в тыл противника, забросали палатки немцев гранатами, истребив при этом свыше 50 гитлеровцев и захватив одного «языка». Подлинный героизм в этой дерзкой операции проявил партизан Дмитрий Хмелевой.

Так началась боевая жизнь отряда.

Уже спустя несколько дней партизанам пришлось принять серьезное боевое крещение. Немецкое командование, обеспокоенное непрерывными, друг за другом следующими налетами

партизан на обозы, отдельные автомашины, мелкие подразделения, решило одним ударом уничтожить отряд.

Партизаны - разведчики установили, что немцы готовят крупную облаву и стягивают к месту дислокации партизан карательные отряды.

Партизаны решили принять бой. Усиленно шло укрепление лагеря. 3 ноября большой отряд немцев подковой охватил партизанский лагерь. Завязался неравный смертный бой. Партизан было всего 58 человек (в этом лагере), немцев свыше 350. Усилия партизан были направлены на то, чтобы не дать противнику замкнуть кольцо. Они сражались стойко, мужественно, умело. Бой длился весь день. Много раз партизаны бросались на фашистов в рукопашную, и те, не принимая штыкового боя, откатывались. Геройски дрался старик-партизан Иван Цыба. Он бил фашистов на выбор, каждый его выстрел попадал в цель. В одном бою он уничтожил 7 немцев. Высокую доблесть и боевую смекалку показал боец Токарев. Заметив немецкий пулемет, особенно мешавший перегруппировке партизан, он обошел фашистских пулеметчиков и гранатой уничтожил их.

Комиссар отряда Ходаков появлялся в самых опасных местах и своей храбростью, отвагой вдохновлял бойцов, вселял в них мужество.

Только к вечеру стих бой. Немцы с наступлением темноты начали отходить от леса. Попытка окружения и ликвидации партизан провалилась. Противник понес при этом чувствительные потери. Одними только убитыми он потерял 127 человек.

Смертью храбрых в этом бою пали партизаны Емчицкий, Ковальчук, Кравцов, Кладько и Добижа. Были ранены Козачок, Старостенко и комиссар отряда Ходаков.

После этого боя стало ясно, что враг, озлобленный неудачей, вновь обрушится на партизан и что им необходимо менять лагерь.

Новым местом дислокации штаба отряда и группы при шта-

бе было решено избрать сосновую рощу Святогорского леса.

Но на другой день новое расположение отряда было подвергнуто немцами ураганному артиллерийскому и минометному обстрелу. При обстреле пострадали 2 человека.

Задачей штаба было установить связь с группами и наладить оперативное руководство ими. С большим трудом эта связь была установлена, и действия групп начали координироваться штабом отряда. Карнаухов давал боевые задания группам, иногда объединяя их для проведения крупных операций.

Такой операцией, в частности, был разгром немецкого гарнизона в с. Пришиб. Участвовали в нем две группы – Карманова и Русинова. Партизаны, уничтожив до 50 гитлеровцев, вышибли противника из села, создали сельский совет, восстановили Советскую власть в селе.

Этот успех окрылил партизан. Было принято решение совершить еще более крупный налет на с. Маяки, где располагался довольно сильный гарнизон врага. В налете участвовали три группы под общим руководством командира отряда Карнаухова. Гарнизон врага в селе был разгромлен. Партизаны уничтожили более 30 фашистов и несколько огневых точек. Налет следовал за налетом. Немецкие гарнизоны в населенных пунктах района были буквально терроризированы. Они не знали ни дня, ни часа, когда на них обрушится карающая рука народных мстителей.

Фронт пролегал от района действий партизан совсем недалеко, и собранные партизанами разведывательные данные о противнике регулярно переправлялись на другую сторону фронта и помогали регулярным частям Красной Армии наносить врагу чувствительные удары.

Особенную активность проявляла группа Русинова. Члены ее были неутомимы в борьбе с захватчиками. Наиболее дерзкие, смелые налеты проводились этой группой. Во время одного из

таких налетов группа наскочила на штабной обоз противника, следовавший в Славянск. Разгромив этот обоз, партизаны захватили документы, в которых оказались весьма ценные данные о противнике. Получив их, командование 9-й армии объявило партизанам благодарность.

Эта же группа вместе с частями Красной Армии участвовала в освобождении с. Сидорово от оккупантов. В завязавшемся бою партизаны перехватили большой обоз немцев, отступивший из села по балке, и уничтожили его, захватив при этом трофеи: миномет, 3 пулемета, десятки ящиков пулеметных лент, 178 ящиков мин, 102 ящика снарядов, медикаменты, телефонное имущество, 2 автомашины, 12 повозок и т. д.

Часть этих трофеев была передана регулярным частям Красной Армии, часть осталась на вооружении группы. Село Сидорово было очищено от немцев. Партизаны выловили в нем несколько изменников и предателей Родины, которые были переданы особому отделу воинской части.

Оборона освобожденного села была возложена на партизан. Противник неоднократно пытался овладеть селом, но безуспешно. Партизаны стойко удерживали оборону. Сидорово стало партизанским селом. Сюда были стянуты и другие группы отряда.

Более 5 месяцев партизаны удерживали его. Все попытки немцев овладеть селом кончились крахом. В мае 1942 г. фашисты обрушили на партизан большие силы, авиацию. Немецкие «юнкерсы» непрерывно бомбили село. В нем возникали пожары. Когда стало ясно, что дальнейшая оборона села невозможна, партизаны оставили его и отошли в Дробышевский лес, не переставая вести наблюдение за движением противника. Он стремился в направлении сел Богородичное, Пришиб, Татьянавка. По приказу командования отряда группы Русинова и Карманова заняли в этом направлении оборону и удерживали

ее до прихода регулярных частей Красной Армии. Когда те подошли, партизаны передали им оборону этого участка.

Измотанный непрерывными боями, поредевший отряд нуждался в отдыхе. Он был отведен в с. Дробышево, где партизаны получили крайне необходимый недельный отдых.

В июне 1942 г. отряд организовал первую глубокую разведку вражеского тыла. Была создана специальная группа в составе Золотаревой, Шалашной и Пархоменко. Они, переправившись через фронт, побывали в Славянске, Барвенково, Андреевке, на ст. Бантышево и других пунктах, собрали весьма ценные данные о противнике и благополучно вернулись в свой отряд. Сведения, доставленные ими, позволили нашей авиации нанести ряд бомбовых ударов по вражескому аэродрому, складам, огневым точкам.

Высокой боевой активностью отличалась также группа Деренского. Она специализировалась на разведке. Ее вылазки в расположение противника поражали своей дерзостью и неоднократно отмечались командованием регулярных частей Красной Армии, которые получали от партизан исчерпывающую информацию о намерениях немцев, их силах и т. д.

27 ноября 1941 г. эта группа совершила налет на занятое немцами с. Большая Еремовка. В короткой, но ожесточенной схватке партизаны рассеяли вражеский гарнизон, убили 10 фашистов, захватили 2 «языка» и без потерь вернулись на свою базу. «Языки», переданные командованию 270-го стрелкового полка, при допросе дали весьма важные показания.

Через несколько дней партизаны обнаружили в с. Красный Яр наблюдательный пункт противника с находящимися в нем артиллерийскими корректировщиками. В ту же ночь наблюдательный пункт был уничтожен, причем партизаны захватили два пулемета, много гранат, винтовки и другие трофеи.

1–2 декабря 1941 г. группа по заданию штаба 255-го стрел-

кового полка провела глубокую разведку сил противника в предместьях г. Изюма и прилегающих сел. Во время этой операции партизаны уничтожили свыше 35 гитлеровцев и собрали подробные сведения о силах противника в районе г. Изюма.

Неподалеку от с. Красный Яр немцы отрезали одно из подразделений Красной Армии. Группе Деренского был дан приказ проникнуть в расположение немцев и нанести удар с тыла, чтобы разорвать кольцо, в котором находились красноармейцы. Используя лес, партизаны вышли в тыл к фашистам и внезапно атаковали их. Кольцо было прорвано, и окруженное красноармейское подразделение вырвалось из него...

За период с 22 октября 1941 г. по 6 июля 1942 г. отрядом убито 1240 фашистских солдат, 12 офицеров, задержано 62 предателя Родины, порвано 54 километр связи противника, взорван 1 мост, взорвано и сожжено 3 склада с боеприпасами, уничтожено 7 обозов, взорвано 35 блиндажей, захвачено 20 пулеметов, захвачено 670 винтовок, захвачено 2 миномета.

Кроме того, партизаны захватили большое количество боеприпасов, военного имущества и снаряжения.

За это же время отряд потерял убитыми 14 человек, ранеными 2 человека и пропавшими без вести 11 человек.

За отвагу и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, правительство наградило 33 человека из отряда орденами и медалями СССР.

Большую помощь отряду во всей его боевой работе оказывали Центральный Комитет КП(б)У и лично товарищ Коротченко, а также Сталинский обком КП(б)У и лично товарищ Мельников.

Последний неоднократно посещал отряд и давал ему конкретные указания.

В отряде велась большая политико-массовая работа, регулярно выходили боевые листовки. Не прекращалась и не зами-

рала и партийная жизнь. Партийные организации групп приняли кандидатами в члены ВКП(б) 34 наиболее отличившихся в боях партизан и из кандидатов в члены ВКП(б) приняли 7 человек.

В июле 1942 г. обстановка на фронте резко изменилась. Немцы прорвали нашу оборону. Части Красной Армии начали отходить к Ворошиловграду. Вместе с ними отступил и отряд.

В августе того же года штаб партизанского движения в Украине предложил командиру отряда Карнаухову переукомплектовать отряд и направиться с ним в тыл противника для действий в районе Славянск – Красный Лиман.

В сентябре группа партизан из 22-х человек под командованием Карнаухова перешла линию фронта и углубилась в тыл противника. Более трех месяцев она успешно оперировала в районе Славянска и Красного Лимана, нанося оккупантам чувствительные удары. В декабре группа партизан во главе с Карнауховым была захвачена немцами. В январе 1943 г. немцы расстреляли Карнаухова и его боевых товарищей в одном из сел Краснолиманского района...

Печатается по: Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сб. документов и материалов. - Донецк «Донбасс», 1982, с. 70-75.

Партизаны отряда М. И. Карнаухова в боях
за освобождение села Маяки Славянского района

Группа партизан из отряда М. И. Карнаухова

**ОБРАЩЕНИЕ
КОМАНДИРА СЛАВЯНСКОГО
ПАРТИЗАНСКОГО
ОТРЯДА М. И. КАРНАУХОВА
К ПАРТИЗАНАМ УКРАИНЫ
С ПРИЗЫВОМ УСИЛИТЬ БОРЬБУ
ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ
ЗАХВАТЧИКОВ**

Не ранее января 1942 г.

Немецкие разбойники вероломно напали на нашу социалистическую Родину, рассчитывая на то, что после первого же удара наша доблестная Красная Армия будет рассеяна, а наша страна покорена. Но враг жестоко просчитался. Весь советский народ поднялся против фашистских захватчиков. Во временно занятых фашистами советских районах остались партизанские отряды.

Сейчас в тылу врага действует не одна сотня партизанских отрядов. Полны глубокой любви к Родине, черпая силы в поддержке всего советского народа и его Красной Армии, советские патриоты – народные мстители, действующие во вражеском тылу, показывают фашистским людоедам, как страшен гнев советского народа.

Наш отряд Славянского района Сталинской области создавался под непосредственным руководством Славянского горкома партии. В состав отряда вошли лучшие люди райо-

на, показывавшие образцы работы на заводах и в колхозах. Внимательный подбор бойцов и командиров отряда дал положительный результат при выполнении боевых операций. Неоднократные внезапные нападения партизан на места расположения фашистских бандитов взбесили германское командование.

3 ноября 1941 г. свыше 300 фашистов решили прочистить лес, в котором находилась небольшая группа нашего отряда. Фашисты начали окружать группу. Тактика «клещей» и «психической атаки» не удалась. Фашистские автоматчики и минометчики встретили сокрушительный огонь партизан. Бой длился 5 часов. Потеряв 52 убитыми, из них 2 офицеров, 27 раненых, фашисты поспешно удрали из леса, оставив 2 пулемета, один автомат, много винтовок и другого военного снаряжения. После вышеуказанного боя партизаны нашего отряда еще раз убедились в трусости фашистских вояк, которые боятся открытого боя. На протяжении ноября-декабря малочисленные по своему составу группы нашего отряда, совершая неожиданные нападения на населенные пункты, в которых располагались фашисты, своими смелыми действиями наводили на немецких вояк ужас и страх. Фашисты в панике оставляли свои места, бросая оружие, шинели, гимнастерки и другое имущество. По убегающим в панике фашистам партизаны вели меткий огонь, от которого многие из фашистов нашли себе могилу на земле Украины. На счету нашего партизанского отряда записано свыше 400 убитых немецких солдат и офицеров.

Вся боевая работа групп и отряда в целом тесно увязывается с действующей Рабоче-Крестьянской Красной Армией, в результате чего обеспечиваются успехи боевых действий воинских частей и групп партизанского отряда в выполнении отдельных задач по уничтожению фашистских гадов.

Патриоты-партизаны Славянского района Сталинской области обращаются ко всем партизанским отрядам Украины с призывом еще больше усилить борьбу по истреблению фашистских захватчиков и своими боевыми действиями, помогая Красной Армии, на деле обеспечить полный разгром и уничтожение гитлеровской банды.

Наше дело правое, враг будет уничтожен!

Да здравствует наша социалистическая Родина!

Карнаухов

Печатается по: Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Сб. документов и материалов. - Донецк: «Донбасс», 1982, с. 139-141.

**ИЗ ОТЧЕТА СТАЛИНСКОГО ОБКОМА КП(Б)У
ОТ 10 АПРЕЛЯ 1945 Г. О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КРАСНОЛИМАНСКОГО ПАРТИЗАНСКОГО
ОТРЯДА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ
Г. А. ИЩЕНКО (ГАЛАЙДЫ)**

4 ноября 1941 г.– февраль 1943 г.

...Боевую деятельность партизанский отряд начал с ноября 1941 г. в районах: Краснолиманском Сталинской области, Боровском, Изюмском, Балаклейском и Савинском Харьковской области, а также Кременском, Сватовском и Новоастраханском районах Ворошиловградской области.

До июля 1942 г. в связи с тем, что немецкие войска были остановлены Красной Армией и линия фронта проходила по реке Северский Донец, партизанский отряд действовал совместно с частями Красной Армии.

4 ноября 1941 г. в районе Студенецкого леса Краснолиманского района отряд проводил тактические занятия вблизи землянок. В 16 часов были замечены 2 человека, двигавшиеся по линии фронта. Неизвестные были задержаны отрядом. При обыске у них обнаружили схему расположения наших воинских частей. В вещевых сумках был обнаружен большой запас продуктов.

При сопровождении в штаб 139-го кавалерийского полка через лес неизвестные пытались бежать и были расстреляны сопровождавшими партизанами Шафирко, Юрченко и Сапрыкиным.

Документы и схемы, которые были отображены у расстрелянных, сданы в штаб 139-го кавалерийского полка.

5 ноября в районе Студенецкого леса была обнаружена сброшенная с парашютом с немецкого самолета промежуточная ра-

диостанция, которая по всем признакам была предназначена для убитых неизвестных лиц.

11 ноября 1941 г. партизанский отряд под руководством Ищенко Г. А. получил задание от командира 139-го кавалерийского полка разведать силы противника в районе с. Синичино Изюмского района. При подходе к с. Синичино отряд заметил, что по лесу навстречу отряду движется конная группа противника в количестве 20 всадников. Командир отряда Ищенко принял решение организовать засаду. Партизаны допустили немцев на 150 м, открыли по ним массированный огонь из винтовок и автоматов. В результате боя было убито 19 гитлеровцев, взято 9 винтовок и 400 патронов.

С 12 по 20 декабря 1941 г. по заданию командира 970-го стрелкового полка 6-й армии группа разведчиков в количестве 10 человек под командованием Ежова установила расположение огневых точек и минных полей противника. В районе каменоломни, в 3 километрах от с. Большая Еремовка, группа встретилась с 13 немецкими разведчиками, завязался бой. Было убито 11 немцев.

Вторая группа разведчиков в количестве 10 человек под руководством Шафирко организовала засаду в районе каменоломни – около с. Большая Еремовка. По направлению к с. Красный Яр на подводах с соломой ехали немцы; это была немецкая разведка. Партизаны открыли по ним огонь, 2 немца были убиты.

Партизанский отряд под командованием Ищенко Г. А. совместно с бойцами 970-го стрелкового полка с 31 декабря 1941 г. по 1 января 1942 г. предприняли наступление против немецких захватчиков, находившихся в с. Красный Яр Краснолиманского района. Была поставлена задача выбить немцев и овладеть селом.

Партизаны и бойцы Красной Армии недалеко от села заметили колонну противника в количестве до 50 человек. Ее быст-

ро уничтожили. Противник, засевший в селе, открыл минометный огонь. Завязался ожесточенный бой. Партизаны и бойцы Красной Армии отошли на исходные позиции. В результате боя было уничтожено до 150 немецких солдат и офицеров.

С января по апрель 1942 г. партизанский отряд под командованием Ищенко Г. А. выполнял задание командира 255-й стрелковой дивизии, неоднократно заходил в тыл противника на участке Балаклеи. Партизаны нарушали связь противника и приносили важные сведения. Кроме того, они проводили самостоятельные боевые операции по уничтожению живой силы врага.

С апреля по июль 1942 г. партизанский отряд занимался подготовкой продовольственных и боевых баз на территории Краснолиманского района.

8 июля 1942 г. в период временного отхода частей Красной Армии партизанский отряд остался в Краснолиманском лесу в тылу противника для проведения боевых действий против немецких захватчиков.

Отряд начал боевые действия в тылу противника 24 июля 1942 г. В этот день, разделившись на 3 группы по 6–7 человек, партизаны отправились для выполнения задания.

Первая группа в составе Ежова, Землянского и др. была послана для организации диверсии на железнодорожном транспорте на участке Славянск – Краматорск.

Вторая группа под руководством Шафирко получила задание направиться в район Святогорска для уничтожения немецких обозов. Партизаны уничтожили 4 повозки с боеприпасами и возвратились в назначенное место.

Третья группа под руководством командира отряда Ищенко направилась для проведения диверсий на шоссейной дороге Славянск – Закотное. Партизаны уничтожили две автомашины с горючим и убили 4-х немцев.

15 августа 1942 г. группа партизан в количестве 5 человек под руководством Землянского Л. С. организовала засаду на дороге Ямполь – Поповка Краснолиманского района. Уничтожив грузовую автомашину и 5 немецких солдат, партизаны возвратились в расположение отряда.

10 сентября 1942 г. группа партизан под руководством Ищенко организовала засаду на дороге Студенок – Александровка Краснолиманского района. Партизаны захватили подводу с оружием и боеприпасами, следовавшую для вооружения лиманской полиции, взяли 37 винтовок, 20 тыс. патронов, один велосипед, расстреляли двух полицейских и одного взяли в плен, после допроса его тоже расстреляли.

Немецкие власти предпринимали меры, чтобы восстановить железную дорогу и пустить поезда на участках Красный Лиман – Яма, Красный Лиман – Славянск, Красный Лиман – Купянск через Святогорск, где они пытались восстановить железнодорожные мосты через реку Северский Донец на 441-м и 7-м километрах.

Партизаны совершали неоднократные налеты на железнодорожные батальоны, которые рассеивались и по 2–3 недели боялись приступить к работе, ожидая воинских частей для охраны.

30 ноября 1942 г. был совершен налет на железнодорожный стройбатальон, работавший на восстановлении моста на 7-м километре. Было убито до 40 немецких солдат и ранен комендант г. Красный Лиман. Там же был убит комендант земельной управы Краснолиманского района.

Партизанский отряд систематически разрушал телефонную и телеграфную связь противника на участках Изюм – Артемовск, Купянск – Чугуев, Славянск – Барвенково. Всего было уничтожено более 20 км телефонных и телеграфных линий.

С ноября 1942 г. по 25 января 1943 г. партизанский отряд

Ищенко Г. А. входил в состав соединения и работал под руководством военного совета, он участвовал во всех боевых операциях.

За время проведения боевых операций с ноября 1941 г. по февраль 1943 г. партизанский отряд под командованием Ищенко Г. А. провел больше 50 боевых операций, в ходе которых уничтожено: немецких солдат и офицеров – 462, предателей Родины (старост, полицейских, нач. полиции, комендантов и др.) – 19, пущено под откос поездов – 2, взорвано железнодорожных мостов – 2, разрушено телефонной связи – больше 40 км, уничтожено автомашин с войсками и военными грузами – 8, распространено советских листовок – 23 тыс. штук, партизанской газеты «За Родину» – 5 тыс. экземпляров.

Кроме того, в период проведения боевых действий совместно с другими отрядами Сиворонова, Мележика, Карнаухова, Потирайло и Агафонова уничтожено немецких солдат и офицеров 280, полицейских – 60.

Партизанский отряд проводил большую массово-политическую работу среди населения г. Красный Лиман, сел Ямполь, Поповка и др. Население этих сел и г. Красный Лиман оказывало большую помощь партизанскому отряду.

*Печатается по: Донецкая область в годы
Великой Отечественной войны
(1941-1945 гг.). Сб. документов
и материалов. - Донецк: «Донбасс»,
1982, с. 104-107.*

Партизаны получают задание, 1941 г.

Минирование железной дороги партизанами

В. Ф. Белявец

Политрук Славянского партизанского отряда М. И. Карнаухова

ДОНЕЦКИЕ МСТИТЕЛИ

(отрывок из книги о партизанах-разведчиках)

По данным нашей разведки, в Славянске сосредоточилось много гитлеровских воинских частей. Надо было уточнить, какие это части, каковы их вооружение, численность, система расположения. Заметное оживление наблюдалось на участке Изюм – Славянск, дорогах Харьков–Ростов.

– Итак, товарищи, – сказал Карнаухов, – кого мы пошлем в разведку? Работать придется в самом Славянске...

– На дорогу, – задумчиво ответил Русинов, – лучше, чем старика Пархоменко, не найти. Иосиф Григорьевич сам маякский, в Маяках у него явочная квартира. Местность ему хорошо знакома, а почтенная борода да справки, которыми мы его в таких случаях снабжаем, помогут провести и немцев, и полицаев. Опыт таких походов у Иосифа Григорьевича солидный. Старик не раз ведь выполнял задание, и всегда благополучно... В Славянск... Надюшку и Шуру предлагаю. Золотарева смела, решительна, но горяча. Шалашная и смела, и решительна, однако, не рассудив и не обдумав, не станет действовать. На рожон не кинется...

Надю Золотареву и Шуру Шалашную в отряде все уважали. После окончания девяти классов Надя закончила Луганский техникум культпросветработников и работала в Святогорском доме отдыха физкультурником. Ее хвалили, премировали путевкой в Москву. Вместе с другими она была на приеме у Надежды Константиновны Крупской. Подаренную ею косынку Надя берегла, как драгоценность.

Перед войной девушка закончила курсы и водила трактор в колхозе «Дивизии Донбасса», мечтала стать агрономом.

Шура Шалашная – из села Пришиб. Окончила в 1941 году десять классов, поступила в Славянский педагогический институт. Очень хотела стать учительницей. Но не сбылись мечты Нади и Шуры. Пришлось им взять в руки оружие.

– Хорошо, – после некоторого раздумья согласился Карнаухов. – Пошлим их. – И обратился к Панюшкину, начальнику Славянского горотдела НКГБ: – Степан Семенович, помоги, пожалуйста, подготовиться девочкам проинструктируй. . .

Панюшкин кивнул. В таких случаях он был немногословен, как, впрочем, был немногословен и при разработке планов боевых операций, при подборе и подготовке партизан и командиров для переброски в глубокий тыл противника со специальными заданиями. Он прислушивался, сопоставлял, думал и высказывался тогда, когда все взвешивал. Зато против его предложений никто уже ничего не мог сказать.

Когда Наде и Шуре сообщили в штабе о предстоящем для них серьезном задании, Надины серые, бездонные, под густыми черными ресницами глаза радостно вспыхнули. Она была романтиком, эта трактористка с темно-русскими мягкими волосами и ослепительной детской улыбкой. Строгое милое лицо Шуры чуть порозовело, губы ее сжались плотнее, а за прищуренными веками посерьезнели карие глаза.

Карнаухов одобритительно посмотрел на Шуру и задержал

взгляд на Наде. Когда девушки уходили, он тихо окликнул Золотареву.

– Надя!

Девушка удивленно вскинула тонкие с изломом брови, остановилась, пропустив вперед подругу. Карнаухов подошел к ней, посмотрел в глаза.

– Ты, дочка, представляешь, на что тебя посылают?

– Не первый день в отряде, от немцев не бегала, – обиженно насупилась Надя.

– Не о том речь... Драться в бою – одно, перехитрить их, обвести вокруг пальца в самом их зверином логове, остаться живой и доставить в отряд нужные сведения – другое... Сведения! Любой ценой...

– Да разве я не понимаю! Вы... вы что, Батько, сомневаетесь во мне?

– Нет, не сомневаюсь. Только мне хочется, чтобы ты лучше представила, на что идешь... Тебе придется знакомиться с немецкими офицерами, выуживать у них сведения... Шура для таких знакомств не подходит... Она за расстрелянную мать немцу, первому же попавшемуся, горло перегрызет... А ты... понимаешь ли... Ты... должна... улыбаться им... Подумай. На такие задания надо отправляться, зная, что тебя ждет... Иди, дочка...

Несколько дней Надя и Шура тщательно готовились к разведке.

Кроме того, что им пришлось запомнить несколько легенд, сочиненных Панюшкиным и другими членами штаба, Надя тренировалась в стрельбе из подаренного ей Карнауховым маленького браунинга № 1. После стрельбы она застенчиво отворачивалась и моментально прятала пистолет на груди. Шура сказала, что ее вполне удовлетворит небольшая острая финка.

В это время Бороденко рыскал по селу и выискивал подходящее платье для Нади. Надя должна была одеться не кричаще,

но и не серо. Наконец Бороденко остановился на атласном, хорошо пошитом темно-синем платье. Впрочем, ничего другого более или менее подходящего найти было невозможно. Немцы изрядно пообчистили местное население...

Ночью 24 июня Панюшкин, я и наши разведчики переправились через Донец на резиновой лодке.

Где-то вдалеке раздавались глухие выстрелы, по небу за лесом с лихорадочной поспешностью шарили лучи прожекторов. Мы распрощались. Когда мы уже готовились оттолкнуться от берега, Надя вернулась к лодке и вполголоса сказала:

– Передайте Михаилу Ивановичу, что не подведем...

Ее стройная фигурка на секунду вырисовалась на фоне неба и исчезла. Мы оттолкнулись от берега и бесшумно заскользили по искрящейся реке...

Пока наши разведчики отсутствовали, не было дня, чтобы Карнаухов не вспоминал о них.

– Старик-то наш, Пархоменко, опытный. А вот как там девчата?..

Вскоре через явочные квартиры села Маяки стали поступать сведения от Пархоменко. Судя по всему, дела у разведчика шли хорошо. Мы не хуже самих немцев знали теперь, какие части и в каком количестве прошли за последние дни с Харьковского направления на Южное. По дороге непрерывным потоком двигались бронетанковые орды генерала Гудериана.

Возвратившись, Иосиф Григорьевич Пархоменко доложил о результатах разведки, а после официального доклада по нашей просьбе кое-что добавил:

– Один раз лишь полицай задержал. Тут я ему свою «психическую» справку в нос: на, говорю, на этой бумажке написано, что я за свои действия не отвечаю и могу быть невменяемым. Видали бы вы, как он чесанул от меня.

Пошел я дальше не спеша, вразвалочку. Неподалеку от до-

роги старик и мальчонка коров пасли. «Бог в помощь, – говорю, – примите в честную компанию». «Садись, – отвечают, – места не просидишь». Рассказал я им, что лежал в больнице, потом из больницы немцы выгнали, вот и иду после того куда глаза глядят, а что дальше будет – не знаю, не ведаю. Пастух слушал, кивал головой, а пастушонок – глазенки у него хитрые такие, умненькие, – смотрел-смотрел на меня и говорит: «Совсем не похоже, что ты из больницы, дед». Пастух на него шикнул: «Наш пострел всюду поспел. Помолчи, когда старшие говорят. Ты-то откуда знаешь – похож или не похож?..» В общем, остался я с ними. Утром собрался, сказал, что чужой хлеб не хочу есть, пойду свой доставать. «Да у нас хватит, – сказал пастушонок. – Где двое, там и третий не в тягость». «Помолчи! – рассердился пастух. – Не лезь не в свои дела. Пусть идет человек...» Так и ходил я, когда надо, сидел у дороги в кустах, подсчитывал, с явочными квартирами связался...

В Маяках сижу, значит, у верного человека в доме, вижу в окно, как немцы по улицам шныряют. Селяне все попрятались, выйти лишний раз боятся. А до войны, помню, парни с гармониями, девушки, смех кругом, песни. Жизнь была! Сколько радости и веселья, когда сдавать зерно обозом везли. По сто подвод. На передней голова колхоза Василий Меркулов, председатель сельсовета Никифор Рояко. Со знаменами через весь Славянск на пункт проезжали.

Сейчас смотрел и думал: мое это село или нет? Испоганили фрицы село... Вокруг укрепления, проволока колючая в два-три ряда, поля минные. В лесу возле села завалы. Вражья сила, ломать ее будем. А еще хуже врагов – предатели. Частенько я размышляю: откуда такая нечисть, как мы ей позволяли рядом с нами жить? Кто они такие?

Возьмем Якова Белоусова. Сачко его прозвище по-уличному. Работал кучером в Маякском лесничестве. Грубиян, всегда

чем-то недовольный был.

Матвей Гальченко и Иван Твердохлебов выдали гитлеровцам и сами же расстреляли старого большевика Ефима Захаровича Дороха, замучили в подвале Петра Любимого. Петр беспартийный был. Партийца Ефима Руденко тоже, выродки, убили...

Но самый лютый из них – Гаков Иосиф Романович. До войны он гаражом заведовал в колхозе «Красные Маяки», в нашем колхозе.

В октябре сорок первого, когда фашист к селу подходил, Василий Меркулов, Никифор Рояко, Ефим Дорох, Ефим Руденко, Василий Хмелевой, Андрей Нетименко – все коммунисты, словом, собрались уходить. И Гаков Иосиф вроде собрался. Загрузил трехтонную машину продуктами колхозными и колхозным добром. Никифор Рояко и говорит: «На первый раз, значит, продукты у нас будут, а там поглядим». Но как только люди за Донец ушли, Гаков Иосиф подогнал машину к своему дому и все сгрузил. Жадность одолела. За ним и раньше грехи водились. Дважды его за растрату и воровство судили, из партии прогнали. Он в Москву ездил к Ярославскому жаловаться, в партии восстановиться надеялся. Да не тут-то было, дали ему от ворот поворот, разглядели, что за птица... Вот он в своей подлой душонке и затаил злобу. Немцы его заведующим общиной сделали и помощником старосты, а за особые заслуги – старшим следователем СД. В Славянск часто, скотина, навевывается. Десятки ни в чем не повинных людей смерти предал...

Мы слушали, и сердца наши закипали от негодования. Впоследствии мы узнали, что грязный негодяй Иосиф Гаков был повинен и в гибели коммуниста Василия Хмелевого, жены председателя Маякского сельсовета Варвары Рояко, двух сестер председателя колхоза Меркулова, жены, председателя сельсовета села Никольское Криничной.

Дочь Варвары Рояко Анна Никитична, которой в дни окку-

пации было одиннадцать лет, вспоминает, что когда Гаков Иосиф пришел за матерью, она, Аня, поняла, зачем ее забирают, и умоляла оставить их в покое. Гаков плюнул и отбросил Аню ногой. Потом он сложил в мешок ценные вещи, в том числе отрез, из которого мать собиралась шить платья себе и дочери.

На второй день Варвару Рояко расстреляли, а вскоре жена Гакова Мавра Филипповна щеголяла в платье, сшитом из отреза, принадлежавшего убитой...

В Славянске Гаков арестовал работника Краматорского горторга Анатолия Васильевича Косолапова. Жена Косолапова Наталья Платоновна носила передачи в тюрьму. На третий день дежурный передачу не принял. Вдруг Наталья Платоновна вспомнила, что видела крытую машину, шедшую со стороны овощехранилищ Славторга. Отказ в принятии передачи и эта зловещая машина чем-то и как-то связались в ее сознании и породили смутное, тяжкое предчувствие. Она поспешила к овощехранилищу, и там рабочие рассказали ей, что, действительно, немцы привозили в закрытой машине несколько русских, а потом они слышали глухие выстрелы в овощехранилище.

Позже выяснилось, что там фашистские палачи казнили сотни гражданских лиц, а также военнопленных. К казням был причастен и Иосиф Гаков.

После возвращения Иосифа Григорьевича Пархоменко мы беспокоились уже только о Наде и Шуре. Что и как с ними произошло, через несколько дней девушки рассказали сами.

Шли они по дороге не скрываясь. Большинство полицейских останавливали лишь для того, чтобы отпустить сальные шуточки в их адрес. Шура тупо отмалчивалась, прикидывалась глухонемой, Надя хихикала, но на более настойчивые приставания давала по рукам и даже грозилась пожаловаться знакомому эсэсовскому офицеру в Славянске. Полицаи отставали: кто знает, что это за девки, еще попадешь в неприятную историю.

Зато немецкие солдаты документы проверяли тщательно и опрашивали дотошно. За документы девушки были спокойны – на справках стояли настоящие оккупационные печати.

В Славянск пришли под вечер. Прохожие на улицах попадались редко. Молчаливые и настороженные, они торопливо пробегали от дома к дому и скрывались за калитками. Несколько солдат, громко разговаривая, хохоча и размахивая руками, толкнули шедшую им навстречу старушку. Старушка ударилась о стену дома и опустилась на землю. Солдаты даже не оглянулись.

Надя и Шура были на другой стороне улицы и остались незамеченными.

– Звери, – скрипнула зубами Надя. – Идут, как хозяева, по нашему городу. Ну ничего, отходятся...

Девушки без особого труда отыскали улицу Калинина. Надя подошла к дому № 78, а Шура Шалашная осталась дежурить на перекрестке. Надя постучала в окно. С минуту никто не отвечал. Девушки ждали, и эта минута им показалась невероятно долгой. А вдруг явочная квартира провалена, вдруг хозяева ее арестованы, и это произошло за время, пока они шли сюда?

Наконец занавеска дрогнула и приоткрылась. Через несколько секунд в дверях показалась молодая хозяйка. Надя и Шура облегченно вздохнули.

Они узнали ее по описанию Русинова. Он сам перед уходом в лес устанавливал у Крыловых явочную квартиру.

– Тебе привет от Николая Васильевича, – сказала Надя.

– Заходите, девочки, – пригласила Лариса. – Пока вот тут располагайтесь, а я воды нагрее. Помоемся с дороги... Учтите, в том доме занял комнату старший полицейский. Смирнов его фамилия... Колчаковец бывший... Он недавно поселился, еще всех жильцов не знает, но все-таки на глаза ему попадаться не стоит...

Через полчаса Надя и Шура, помывшись и причесавшись,

сели за ужин, приготовленный матерью Ларисы Александрой Ивановной.

– Ох, девочки, – со вздохом призналась Лариса, – прямо-таки осточертело тут сидеть и каждый день видеть противные рожи. Бить их надо, а я – улыбайся, когда плюнуть прямо-таки в них хочется. Нет, что ни говори, а вы счастливые... Как там у вас в лесу? Как Николай Васильевич? Да что там «как»? Я бы согласилась по суткам в снегу лежать, недоедать...

– Ты здесь, Лариса, делаешь много полезного для нас, – попыталась утешить ее Шура.

– Знаю, – снова вздохнула Лариса. – Потому и сижу... Еще чаю? Нет? Ну, ладно... Я и полы Смирнову мою. Подзарабатываю, в общем. Он нашу семью надежной считает... Очень вовремя вы появились.

Надя и Шура с таким откровенным недоумением уставились на Ларису, что она расхохоталась.

– Милые, полицаи тоже иногда полезны, когда у них имеются кое-какие штампы. Немцы тут требуют, чтобы все отмечались в городской комендатуре. Раз отмечен, значит, проверен. Понимаете? Вот я вам завтра утром и поставлю отметку в документах... Я видела штамп в столе лежит, в левом верхнем ящике...

– Риск все-таки, – вырвалось у Нади.

– Ерунда, – сердито перебила Лариса. – Если это и риск, то от настоящего он отличается, как игрушечный тигр от живого... В бой идти – вот это риск. Мне здесь по-настоящему и рисковать не дают...

– Глупенькая, – ласково обняла ее Надя. – Ваша семья ежедневно рискует. По-настоящему... Мы-то там, в лесу, среди своих, а вы...

В это время в комнату вошла младшая сестра Ларисы Нина.

– Знакомьтесь, – ласково улыбнулась Лариса. – Это пионерская прослойка нашей семьи.

Нина покраснела, поздоровалась и начала убирать со стола стаканы, смахнула с клеенки крошки.

– Вы вот что, девочки, ложитесь сейчас отдыхать. Высыпайтесь... А документы давайте. Без штампа вам и в город показаться нельзя, – сказала Лариса. – Спать в эту ночь я положу вас на чердаке в летнем флигеле. А завтра в комнату перейдете.

Они прошли во флигель и поднялись на чердак.

– Ну, располагайтесь. Мне еще кое-что по хозяйству надо сделать... Одеяла здесь шерстяные, матрасы мягкие...

Девушки только сейчас почувствовали, как устали. Сказывалось и нервное напряжение, которое пришлось испытать за время пути. Однако пока все шло как нельзя лучше, и настроение у них было прекрасное. В этом доме они могли считать себя в безопасности. Перед тем как уснуть, договорились, что Надя свяжется завтра с теми людьми, которых приказал повидать Карнаухов, получит от них необходимые сведения и постарается, не теряя драгоценного времени, кое-что узнать сама. А послезавтра будет видно, что и как делать дальше.

Поговорив с полчаса, девушки заснули крепким сном. Рано утром их разбудила Лариса.

– Ну, уважаемые, полы у полиция вымыты, а вы – прошли проверку в комендатуре, и на ваших бумажках настоящие гитлеровские штампы. Получайте...

– Отчаянная, – с восхищением сказала Шура, когда Лариса выбежала на кухню кипятить чай.

Надя тщательно осмотрела свое платье и попросила возвратившуюся Ларису дать ей иглу, нитки, накалить утюг. Она зашила подпорвшийся шов, закрепила пуговицы, потом отгладила платье, почистила туфли. Довольно долго она занималась своими ногтями и прической, так долго, что Шура не выдержала:

– Чай остынет.

– Ничего, я очень горячий не люблю.

– А завивку и маникюр ты не собираешься делать?

– С завивкой-то терпимо, а вот маникюр, – Надя, прищурясь, спокойно и серьезно оглядела пальцы, – а вот маникюр не мешало бы... Однако невыполнимо. Придется довольствоваться тем, что есть...

Лариса и Нина с любопытством наблюдали за Надей.

– Как я выгляжу? – спросила Надя, оправляя на себе платье.

– Ты привлечешь внимание немцев, – сухо ответила Лариса.

– Правда? – оживилась Надя. – Хорошо бы, если офицеров.

Лариса наконец все поняла, сухость в ее тоне сменилась нотками тревоги.

– Смотри, будь осторожна. Они проверяют своих знакомых.

– Я – легкомысленная девица, – засмеялась Надя, припомнив легенду, сочиненную для нее Панюшкиным, – люблю жить, не задумываясь, мне не нужна Советская власть, потому что она заставляла меня думать и не хотела учитывать моих индивидуальных наклонностей и потребностей. Мои папа и мама тоже были не в ладах с Советской властью и пострадали от нее.

– А почему вы, фрейлин Надя, – подстраиваясь под ее тон, строго спросила Шура, – так спокойно говорите о несчастье, постигшем ваших родителей.

– Вначале я плакала, но потом поняла, что от слез дурнеет лицо, и заметила, что печальные девушки не нравятся многим мужчинам... Я – слабое существо и не в силах мстить, но от всей души приветствую доблестных солдат фюрера, которые мстят за меня и за моих бедных папу и маму... А теперь дайте мне остывшего чая и я пойду. Пора...

Надя возвратилась только к обеду. Шура и Крыловы волновались, то и дело выглядывали на улицу.

– Мы здесь не на отдыхе и не на увеселительной прогулке, – строго сказала Надя. – И я не школьница... Вечером ухожу опять и вернусь, наверно, к утру. А пока давай, запоминай...

Она села возле Шуры и не спеша, обстоятельно, повторяя цифры, начала рассказывать о том, что видела сама в городе, какие выводы сделала. Передала она и те сведения, которые получила на других явочных квартирах.

– Это на всякий случай, – закончила она, – если не вернусь... Запомнила?

– Запомнила, – кивнула Шура.

– Ну, а я теперь чуть посплю, отдохну... В семь разбудите...

В семь часов Шура разбудила ее. Надя оделась, тщательно причесалась и накрасила губы. Была она задумчива, печальна и неразговорчива. Шура ни о чем не расспрашивала.

– Да ты не бойся, – вдруг сказала Надя вполголоса. – Сегодня вечером ничего опасного не предвидится. Просто будет противно и придется выпить... А вот завтра девицы, видимо, пригласят меня на вечеринку с офицерами... Девицы, знаешь, какие? Просто черт знает откуда подобная мразь взялась. Не было среди нас таких, понимаешь!.. Впрочем, не всегда мы, наверное, умели разглядеть, кто с нами рядом живет, работает...

Неимоверно трудно было Наде Золотаревой показываться, хотя по возможности как можно реже, со своими новыми знакомыми на улицах Славянска. Всем существом ощущала девушка на себе взгляды, полные презрения и ненависти, и ее коробило от одной только мысли, что люди видят в ней предательницу, забывшую стыд, совесть и честь. Но надо было терпеть, улыбаться, произносить пустые фразы, танцевать и благосклонно относиться к ухаживанию офицеров. Один из них – оберлейтенант по имени Карл – ухаживал за Надей вежливо, но настой-

чиво, и она угадывала за этой вежливостью тот самый предел, перешагнув который однажды, Карл покажет свое истинное лицо завоевателя, ни в чем не терпящего отказа и привыкшего считать все на оккупированной территории своим. Он просто пока вел с Надей занимательную для себя игру, и она включилась в нее, напрягая волю и ум, инстинктивно чувствуя, где и как необходимо действовать. Она играла тонко, расчетливо, и оберлейтенант видел перед собой лишь привлекательную девушку, которой хочется пожить бездумно, повеселиться. Но однажды он открыл в ней новую черту характера, и это открытие чуть не стоило Нади слишком дорого.

На вечеринке Карл выпил коньяку больше, чем обычно. Он громко шутил, бил пластинки, а потом вдруг объявил, что желает танцевать, подхватил Надю, закружил ее в вальсе. Потом он грохнулся на диван, увлекая за собой Надю. Надя попыталась встать, но Карл удержал ее и, не обращая внимания на окружающих, поцеловал. Рука его скользнула в вырез Надиного платья на груди. Надя вырвалась из объятий оберлейтенанта, побледневшая от возмущения, и изо всей силы оттолкнула его. В комнате наступила зловещая тишина, все замерли. Лишь пластинка продолжала вертеться. Мгновенно отрезвевший Карл медленно и тяжело поднялся, в упор глядя на свою партнершу, прошел к патефону и ударом кулака разбил пластинку. Потом он резким, злым и властным голосом спросил:

– Что такое?

Надя поняла, что все может кончиться плохо, и приготовилась к этому, но один из друзей Карла сказал ему что-то по-немецки, и Карл постепенно успокоился. Видимо, никому не хотелось портить вечеринку.

На следующий день Карл встретил Надю на улице и как ни в чем не бывало спросил:

– Хотите покататься на мотоцикле?

– Катание безопасно?

– Я два года вожу эту милую машину и падал с нее не более десяти раз.

– О, если не каждый день, то я согласна.

– Отлично. Едем...

Больше часа мотоцикл носился по Славянску. Надя увидела столько, сколько не увидел бы ни один из партизанских разведчиков, не рискуя быть задержанным. Наконец Карл на окраине города остановился у обочины дороги.

– Чертовски захотелось курить.

Он уже достал было портсигар и зажигалку, но осмотрелся, что-то вспомнил и, не закурив, положил их назад в карман.

– Курите, я разрешаю, – игриво сказала Надя.

– Здесь, к сожалению, нельзя. Я чуть не забыл об этом... По-едем дальше.

Надя отметила, что где-то совсем рядом склад горючего или взрывчатки, но как ни всматривалась, ничего не увидела. Не было даже часовых или чего-либо говорившего о запретной зоне.

На одном из поворотов мотоцикл вильнул и чуть не опрокинулся набок. Карл выключил мотор.

– Придется идти пешком. Машину я поручу первым же встречным солдатам.

– Пешком? – спросила Надя. – Я все-таки предпочитаю ехать.

– Но как?

– Я вижу, соскочила тормозная цепь. Обождите...

Через несколько минут цепь была на месте. Карл с удивлением наблюдал, как ловко управилась с делом Надя.

– Я занималась в мотокружке. И у моего дяди был мотоцикл, – между прочим объяснила она. – Водить я тоже умею...

Вскоре оберлейтенант разрешил Наде пользоваться его

мотоциклом, а еще через день Надя попросила взять для нее разрешение на поездку в Краматорск, Дружковку, Гусаровку и Барвенково.

– Понимаете, дядя где-то здесь, если, конечно, его не расстреляли большевики... Поедем вместе на розыски... Я просто не могу быть спокойной, если не попытаюсь хотя бы отыскать моего бедного дядю...

– Я бы с удовольствием, но у нас приказ – не покидать пределов расположения своей части. Вы поезжайте... Только не задерживайтесь...

Так Надя получила возможность побывать в Краматорске, Дружковке, Гусаровке, Барвенково, заглянуть на станцию Бантышево. О такой удаче трудно даже было и мечтать. После каждой поездки она подробно рассказывала Шуре о виденном и слышанном. Записей не делали никаких.

Однажды утром девушки с тямками в руках (тогда многие из городских жителей ходили на огороды) ушли из Славянска и возвратились в партизанский отряд.

Карнаухов остался очень доволен результатами разведки и приказал Наде и Шуре отдыхать. Но через несколько дней Надя упросила его разрешить ей участвовать в операции.

Разведка сводной группы партизан и бойцов войсковой части готовилась проникнуть в село Райгородок. Партизаны под руководством Сакулина из группы Карманова получили задание уничтожить огневую точку противника на высоте 158,6.

– Я знаю подходы к этой высоте, – сказала Надя. – Разрешите, Михаил Иванович.

Карнаухов дал разрешение, но сделал это неохотно.

Ранним утром партизаны подобрались к холму, поросшему кустарником. Холм возвышался на открытом месте, и основная трудность заключалась в том, чтобы суметь прорваться туда, где начинались заросли. Скрытое продвижение не удалось.

Гитлеровцы открыли шквальный пулеметный огонь, и партизаны были вынуждены отойти на исходные позиции. Завязалась перестрелка. Бой грозил стать затяжным, что совершенно не входило в расчеты партизан. К гитлеровцам могло подойти сильное подкрепление. Операция была под угрозой срыва.

Приготовив гранату, Сакулин стремительно бросился через поляну. Обгоняя его, вперед вырвалась Надя. Сакулин видел, как она успела швырнуть гранату и потом вдруг исчезла из поля его зрения. Пулемет на холме захлебнулся. Воспользовавшись замешательством, партизаны ворвались на высотку. Ни один из защищавших ее не ушел.

– Где Золотарева? – с тревогой спросил Сакулин.

– Ранена...

Сакулин опустил голову.

Ему вспомнились слова Карнаухова: «Смотри мне, береги девушку».

В стороне Райгородка вспыхнула и очень быстро потухла перестрелка.

Партизаны бережно уложили потерявшую сознание Надю на плащ-палатку и отправились в войсковой медсанбат. Ранение у нее оказалось тяжелым: в брюшную полость и в плечо. Не приходя в сознание, к вечеру Надя скончалась...

Шура Шалашная опять ушла в район Славянска и о гибели подруги не знала. Она должна была разведать перегруппировку скопившихся под Славянском войск. Возле самого города усиленно передвигались эсэсовские части. Шура вновь имела не вызывающие подозрений документы на чужое имя, и даже проверявшие их эсэсовцы не придирались.

Вдруг она почувствовала на себе подозрительный взгляд и, еще не зная, в чем дело, интуитивно поняла, что сейчас произойдет непоправимое. Не оборачиваясь, Шура зашагала вперед.

– Шалашная! – раздался негромкий голос.

Она заставила себя не вздрогнуть и продолжала идти. Кто-то догнал ее и, сильно дыша, повторил: «Шалашная!» На девичье плечо легла жесткая, грубая ладонь. Обернувшись, она хотела разыграть возмущение, но осеклась. Теперь уже было совершенно бесполезно что-либо отрицать. Перед ней стоял полицай Мацегора, по дороге приближались Т. Н. Пасоха и А. А. Онищенко. Все знали ее еще до войны как комсомолку и студентку первого курса пединститута.

– Значит, по подложным документам гуляешь? – криво усмехнулся Мацегора.

– А, старая знакомая, – захохотал подошедший Онищенко.

Шура молчала. Вся ее сила воли в этот момент сосредоточилась на одном: лишь бы не показать своего смятения, лишь бы не показать, как тяжело и тоскливо ей от того, что не увидит, наверное, больше Батьку и других боевых товарищей, не отомстит уже за мать...

– Чего же молчишь, не здороваешься? – с издевкой спросил Пасоха.

– Я когда еще не знала, что ты паскудник и предатель, и то с тобой не здоровалась.

Пасоха размахнулся для удара. В руке Шуры сверкнуло узкое короткое лезвие финки. Мацегора успел перехватить руку и крутнул ее. Хрустнул сустав. Шура слабо вскрикнула. Финка упала в дорожную пыль.

– Кусаешься, ишь ты, – прохрипел Мацегора. – А ну, иди вперед.

В Славянске Шуру сдали в гестапо. Там ее раздели догола, били плетями, потом выворачивали руки, жгли раскаленными шомполами, рвали кожу плоскогубцами. Она молчала. Стонала, теряла сознание, приходила в себя и молчала. За три дня допросов и пыток гестаповцы не смогли заставить говорить партизанскую разведчицу.

Шура отрицала все.

– Фамилия Шалашная?

Нет.

– Партизанка?

– Нет...

– Где сейчас расположен отряд?

– Не знаю...

На четвертый день в кабинет Дахневского вошла Надежда Иваницкая. С наигранной улыбкой она бросилась к Шуре.

– Шурочка? Здравствуй...

Шура выжидающе молчала.

– О, вы знаете друг друга, – осклабился начальник полиции.

Шура продолжала молчать.

– Брось ты этот отряд, – сказала Иваницкая, – перебьют их всех. Погибать в твои годы...

– Тварь, – сказала Шура, – негодная тварь, – и плюнула в лицо бывшей подруги.

Иваницкая трусливо отступила, вытерла лицо.

– Клеймо предательское ничем не сотрешь. Даже кровью своей...

Шуру продержали в гестапо два месяца, два месяца пытали и морили голодом.

Расстреляли ее на рассвете. В последнюю минуту своей короткой и прекрасной жизни она видела, как восходит солнце и начинается день...

Печатается по: В.Ф. Белявец.

Донецкие мстители. Записки партизана.

– Донецк: Донбасс, 1969, с. 123-138.

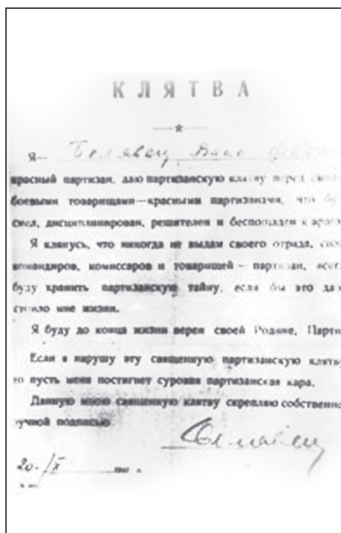
М. И. Карнаухов
и В.Ф. Белявец

Партизанка
Н. Золотарева

Партизанка
А. Шалашная

Клятва красного партизана
В.Ф. Белявца

**КЛЯТВА ПАРТИЗАНА
И. П. ЧЕРТЕНКО
ИЗ ОТРЯДА М. И. КАРНАУХОВА**

30 декабря 1941 г.

Я, Чертенко Иван Прокофьевич, красный партизан, даю партизанскую клятву перед своими боевыми товарищами – красными партизанами, что буду смел, дисциплинирован, решителен и беспощаден к врагам.

Я клянусь, что никогда не выдам своего отряда, своих командиров, комиссаров и товарищей – партизан, всегда буду хранить партизанскую тайну, если бы это даже стоило мне жизни.

Я буду до конца жизни верен своей Родине, партии.

Если я нарушу эту священную партизанскую клятву, то пусть меня постигнет суровая партизанская кара.

Данную мною священную клятву скрепляю собственноручной подписью.

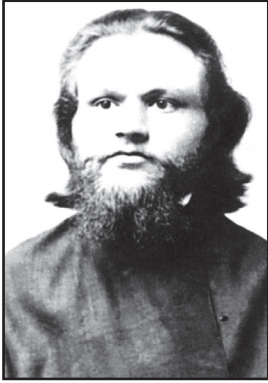
(подпись)

30 декабря 1941 г.

*Печатается по: Донецкая область в годы
Великой Отечественной войны
(1941-1945 гг.). Сб. документов
и материалов. - Донецк: «Донбасс»,
1982, с. 136*

Архидиакон Авраамий

ОТРЫВОК ИЗ ЛИЧНОГО ДНЕВНИКА

Июля 1 1942 г. ...Состоялось в городском Троицком соборе г. Славянска заседание... монашествующих (находящихся в г. Славянске) под председательством благочинного прот. Константина Ружицкого... о восстановлении святой Святогорской обители. Восстановили пока как приход, и организовали из числа братии 4 человека для начала там богослужения... При сем был указан заочно заместителем настоятеля игумен Михаил.

Июля 4 1942 г. Переступив порог матери, святой обители, мы нашли ее в полном беспорядке: так как последнее время тревожно; наспех хозяйствовал и эвакуировался Дом отдыха, а затем Красная Советская Армия и, наконец, немецкое пребывание военных частей, которые ушли лишь за день до нашего прихода. Мы изумились: так как все корпуса и храмы были открыты... царили мертвая тишина, повсюду разбросаны столы, стулья, койки и прочие военные принадлежности обеих сторон - снаряды и патроны; все валялось под ногами. Прежде всего мы посетили Божии храмы, которые сохранили лишь наружный свой вид (хотя и не вполне), в некоторых местах они были контужены снарядами Красной Армии. В каждом храме мы пели храмовый тропарь. Голоса наши дрожали, чувства радости и печали давили наше сознание, и мы с трудом, сквозь слезы, оканчивали Богу

хвалебную песнь... Облюбовав храмы Божии, мы нашли более всего подходящим бывшую трапезную церковь. По прибытии вскоре иеромонахов Мелитона и Севастиана навели некий там порядок и на третий день служили обедницу... и начали неупустительно богослужение.

Сентябрь 12 1942 г. ... Все аллеи и дорожки позаросли бурьяном, да не каким-нибудь, а в рост человека... водится всякая нечистота, всюду мусор, разруха, пустота. В храмах и корпусах, где все раскрыто, сломано, разбито, днем и ночью хозяйствует злодейская рука. Жители близлежащих сел довершают разруху до конца, унося все: мебель, полы, двери, окна, все, что только можно поднять. Мы являемся только зрителями наглых действий преступников, и остановить все сие не в нашей силе.

Декабрь 19 1942 г. ...Живем, везде неустройство, всюду пустошь, многое требует приспособления к существованию, а поэтому каждому из нас приходится работать за троих, а в особенности много время тратится на устройство нашего храма, ибо в нем нет ничего: ни икон, ни иконостаса, престола, жертвенника и прочего благопотребного для богослужения. Все это при помощи Божией мы сами своими силами, при старании особенно иеродиакона Дамиана и при посильной помощи прихожан мы почти как нашли возможным закончить... При всем этом не опуская еще ежедневного богослужения. И так тяжело, утомительно и неудобно. Проходя работы и спеша на все богослужения, а также случающиеся на стороне требы [чувствую], совсем теряется молитвенное настроение, с усталостью физической и моральной.

Январь 19 1943 г. В сей святой день праздника Святого Крещения... после Божественной Литургии, которая закончилась в 11 ч. дня, обычным порядком вышли на реку Донец, где прекрасно был изготовлен вырубленный крест, ибо

лед был очень толстый. Во время погружения креста гражданские власти в виде охранявших рот сделали из винтовок много кратких залпов - подобающий празднику салют. Таким образом, более 20 лет налетающего зде Сатану и все его действия ныне попрали под нозе. Молящихся было довольно...

Март 17 1943 г. По прибытии сего числа нашей боевой Красной Армии немцы оставили свои позиции, т.е. монастырь, будучи вытеснены нашими бойцами, но неделки через три они снова оправились и вновь заняли старые позиции. Завязались сильные жестокие бои. Немцы сидели на опушке верха гор, а наши жестоко отбивались, находясь в самом монастыре, скрываясь в его крепких стенах. Таким образом, мы очутились между двух нестерпимых огней. Не было промежутков, чтобы не бухали разнокалиберные орудия, не трещали пулеметы с обеих сторон... В таком безвыходном положении мы пробыли более 2-х недель... Наконец, в 12 ч. ночи к нам постучались трое вооруженных военных и повелительно сказали: «Сейчас же как стоите, уходите отсюда!»... утром дали нам 15 минут для сбора, что мы могли с собой взять? Что на себе, то и взяли, а остальное осталось там, на разграбление - как наши пожитки, так и все церковное вместе... Мы взяли, что могли, и немедленно под обстрелом стали переходить Донец. Переправы никакой не было, лед снарядами... по всему Донцу пробитый, вода уже выступила в берегах, и лед подняло, идти нельзя было. Нас толкали; некоторые братья посмелее, попробовали и выкупались, я, сообразив, что только благополучно можно пройти берега по доскам, наскоро их устроил, и благодаря этому я только не скупался. Таким образом, мы очутились все на льду, под ногами была бездна пучины глубокого Донца, а сверху рвались снаряды и свистели немецкие пули. Таким

образом, мы очутились между небом и водой, градом пуль и снарядов. Но милосердие Божие, не желающее смерти грешника, пощадило нас от лютой и позорной смерти... Вскоре мы с трудом... можно сказать, благополучно пробрались в с. Банное. Таким образом, кончилось страдание и наша оседлость, началось странствование... Как только отодвинулся фронт, я первым делом навестил мать, святую обитель. Что она представляет ныне собой, трудно описать, это надо видеть ее, израненную, бедную, опустошенную, видеть сгоревшие корпуса, груды кирпича, зияющие пробоины стен, храмов. Судьба играет на ней свою потеху. Бедная, и вид неузнаваем носит она на себе, кажется, само здание жалуется: «Посмотрите, терплю все, и не знаю, оправлюсь ли когда от этого недуга». Такое безгласное заявление в настоящее время справедливо; только свыше что может быть, ибо еще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущий».

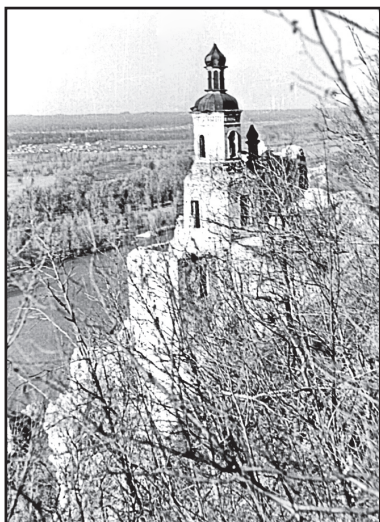
*Печатается по: Свято-Успенская
Святогорская Лавра, 2004, с. 85-87.*

Дневник архидиакона
Авраамия.

Разрушенное здание гостиницы и Успенский собор. 1943 г.

Состояние Николаевской церкви после войны

Разрушенный архитектурный комплекс монастыря после освобождения Святогорска

Раздел II

ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА ПЛАЦДАРМЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В 1943 ГОДУ

А. М. Василевский

**Дважды Герой Советского Союза,
маршал Советского Союза**

В период подготовки и осуществления операции по освобождению Донбасса в августе – сентябре 1943 г. координировал действия Юго-Западного и Южного фронтов в качестве полномочного представителя Ставки Верховного Главнокомандования и начальника Генерального штаба.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ (отрывки из книги)

...Советское Верховное Главнокомандование, претворяя в жизнь разработанный ранее и принятый на летне-осеннюю кампанию 1943 года стратегический план, используя благоприятную обстановку, сложившуюся под Курском, решило незамедлительно расширить фронт наступления наших войск на Юго-Западном направлении. Перед Центральным, Воронежским, Степным, Юго-Западным и Южным фронтами были поставлены задачи разгромить главные силы врага на одном из центральных участков и на всем южном крыле советско-германского фронта освободить Донбасс, Левобережную Украину и Крым, выйти на Днепр и захватить плацдарм на его правом берегу...

6 августа, то есть буквально на второй день после того, как

Родина отпраздновала освобождение Орла и Белгорода, мы с Г. К. Жуковым, на которого была возложена координация действий войск Воронежского и Степного фронтов, получили из Ставки директиву, в которой говорилось, что представленный Г. К. Жуковым план действий Воронежского и Степного фронтов по разгрому врага в районе Харькова утвержден. При этом правофланговая 57-я армия Юго-Западного фронта передавалась Степному фронту, чтобы ударом в обход Харькова с юга помочь главной группировке овладеть Харьковом. Тем временем Юго-Западный и Южный фронты обязаны были подготовить, а затем и провести операции по освобождению Донбасса. Первый из них должен был нанести удар в направлении Горловки и Сталино от берегов Северского Донца на юг, второй – от Ворошиловграда и реки Миус на запад, соединяясь в районе Сталино (Донецк) с соседом. Готовность этих двух фронтов к выполнению задачи устанавливалась 13–14 августа. Я должен был 10 августа дать Ставке на утверждение план их действий. На меня же возлагалась и дальнейшая их координация.

Мы встретились с Г. К. Жуковым возле старинного городка Корочи и договорились о том, как будем увязывать работу Степного и Юго-Западного фронтов. На следующий день мы с Р. Я. Малиновским обсуждали задачи войск Юго-Западного фронта по освобождению Донбасса действиями с севера.

Донбасс фашисты стремились удержать в своих руках во что бы то ни стало, а потому делали все возможное, чтобы превратить его в хорошо укрепленный оборонительный район. Фашистское руководство считало, что оставление Донбасса и Центральной Украины повлечет за собой утрату важнейших аэродромов, большие потери в продуктах питания, угле, энергетических ресурсах, сырье. Передний край главной оборонительной полосы немцев, прикрытый рядами проволочных заграждений и минными полями, проходил по Северскому Донцу

и Миусу. В глубине противник имел оборонительные рубежи по рекам Крынка, Мокрый Еланчик, Конка, Берда, Кальмиус, Волчья и Самара. На переднем крае и в глубине укрепленного района было построено много деревоземляных и железобетонных сооружений.

11 августа 1943 года Гитлер отдал дополнительный приказ о строительстве стратегического рубежа обороны, который стал известен у немцев под названием Восточного вала, от Утлюкского лимана через горько-соленое Молочное озеро и далее по линии реки Молочной, среднего течения Днепра, реки Сож, через Оршу, Витебск, Псков и реке Нарве.

Оборону Донбасского района гитлеровское командование возложило на 1-ю танковую и 6-ю полевую армии, входившие в группу армий «Юг» и насчитывавшие до 22 дивизий. Ими командовали опытные военачальники, генерал-полковники Макензен и Холлидт...

Приступая к разработке плана наступательной операции, мы с генералом армии Малиновским отлично сознавали, что войска встретят серьезное сопротивление. Предельно сжатые сроки подготовки операции обязывали нас считаться с уже сложившейся к тому времени группировкой войск на фронте. В результате многочасовой работы, в которой приняли участие член военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов и руководящие работники штаба фронта, было принято окончательное решение нанести главный удар южнее города Изюм через Барвенково на Лозовую, Павлоград и Синельниково, используя в качестве исходного положения захваченные ранее плацдармы на западном берегу Северского Донца. К участию в операции привлекались армии: 6-я генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина, 12-я генерал-майора А. И. Данилова, 8-я гвардейская генерал-лейтенанта В. И. Чуйкова, 23-й танковый, 1-й гвардейский механизированный и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса, а

также вся фронтовая авиация 17-й воздушной армии, которой командовал генерал-лейтенант В. А. Судец. Совместно с концентрическим ударом главных сил Южного фронта эти армии должны были отрезать донбасской группировке врага путь отхода на запад, к Нижнему Днепру. Правофланговую на этом фронте 46-ю армию генерал-майора В. В. Глаголева, занимавшую фронт южнее Харькова, мы намеревались вывести к началу операции в район Сватова, чтобы использовать ее в ходе операции под городом Сталино (Донецк) для завершения разгрома группировки противника. Но по требованию Ставки мы вынуждены были использовать ее вместе с войсками 1-й гвардейской армии генерал-полковника В. И. Кузнецова и во взаимодействии с войсками 57-й армии генерал-лейтенанта Н. А. Гагена (Степного фронта) для удара на Змиев, чтобы обеспечить этому фронту маневр по обходу Харькова с юга и юго-запада...

В ночь на 10 августа Ставка ответила, что предложения о действиях фронтов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина утверждаются. Разрешалось также в случае необходимости прибавить к намечаемым нами срокам наступления два дня...¹

Какая же вырисовывалась картина в целом? В ночь на 11 августа в разговоре по телефону Верховный Главнокомандующий сказал о ней примерно следующее: есть все основания полагать, что задача разгрома харьковской группировки противника и овладения Харьковом войсками Воронежского и Степного фронтов в ближайшее время будет решена. Но при этом им необходима будет серьезная помощь со стороны Юго-Западного фронта. Фронт Малиновского (особенно его правое крыло) обязан будет не только прочно обеспечить удар войск Конева по Харькову с юга и юго-востока, но и своими до предела активными действиями способствовать тому.

Верховный потребовал от меня, чтобы вплоть до решения

1 Архив МО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34.л. 184.

этой задачи, являвшейся на ближайшее время для Юго-Западного направления основной, я все свое внимание сосредоточил на Юго-Западном фронте. Мне было разрешено провести вместе с командующим Южным фронтом уже назначенное на 11 августа инструктивное совещание с командованием армий, корпусов и начальниками родов войск. Однако не позднее 12 августа я должен был явиться на Юго-Западный фронт. И тогда же войскам Южного фронта было разрешено начать операцию по прорыву обороны врага на реке Миус 18 августа.

Поздним вечером 11 августа я нашел Р. Я. Малиновского на КП его фронта, организованном как раз на направлении главного удара (участок 12-й армии), и узнал, что на правом крыле фронта, в армиях В. В. Глаголева и В. И. Кузнецова, делается все, чтобы начать форсирование Северского Донца не позже чем через двое суток, и что подготовка к переходу 16 августа в наступление главной группировки фронта к югу от Изюма тоже идет полным ходом. Решили, немного отдохнув, на рассвете отправиться на правое крыло фронта и 13 августа провести там, понаблюдать за тем, как наши войска будут выходить на железную дорогу Харьков – Лозовая и к истокам Орели. Затем командующий фронтом должен был вернуться на главное направление, а я остаться на правом крыле и поддерживать контакт со Степным фронтом...

Усиленно работая вместе с Р. Я. Малиновским в войсках правого крыла Юго-Западного фронта, я тогда вплотную познакомился со стилем руководства командующего 46-й армией В. В. Глаголева. Опытный военачальник, он тщательно готовил свои соединения к выполнению поставленной перед ними задачи. Малиновский сообщил мне, что в 1-й гвардейской армии – тоже все в порядке. Я доложил Верховному о возможности начать операцию в установленный срок.

С первого же дня наступления бои приняли напряженный

кровопролитный характер. Форсировав Северский Донец, войска Юго-Западного фронта завязали упорные бои за город Змиев, установив локтевую связь с 57-й армией Степного фронта. Затяжные и упорные бои вели в те дни войска И. С. Конева за Харьков. 16 августа, как намечалось планом, перешла в наступление главная группировка Юго-Западного фронта. Но она встретила ожесточенное сопротивление врага. Противник сосредоточил здесь значительное количество танков, артиллерии и авиации, и хотя советские войска вклинились в фашистскую оборону, прорвать ее они сразу не смогли.

Прежде чем продолжить рассказ о ходе проведения операций на Харьковском направлении и по освобождению Донбасса, сделаю небольшое отступление с одним неприятным для меня эпизодом.

Рано утром 17 августа, находясь на передовом КП 46-й армии, я получил от И. В. Сталина следующий документ:

«Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки. Я давно уже обязал Вас как уполномоченного Ставки обязательно присылать в Ставку к исходу каждого дня операции специальные донесения.

Вы почти каждый раз забывали об этой своей обязанности и не присылали в Ставку донесений...

Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите забыть о своем долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта...

И. Сталин».

Эта телеграмма потрясла меня. За все годы своей военной службы я не получал ни одного даже мелкого замечания или упрека в свой адрес. Вся моя вина в данном случае состояла в

том, что 16 августа, находясь в войсках армии В. В. Глаголева в качестве представителя Ставки, я действительно на несколько часов задержал очередное донесение. На протяжении всей своей работы с И. В. Сталиным, особенно в период Великой Отечественной войны, я неизменно чувствовал его внимание, я бы даже сказал, чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные. Что же произошло? По возвращении на КП фронта я тотчас связался по телефону со своим первым заместителем по Генштабу А. И. Антоновым. Чувствовалось, что тот был тоже взволнован происшедшим и стремился всячески успокоить меня. Он сказал, что мое донесение, за которое на меня обрушился Сталин, было Генштабом получено и доложено в Ставку. Однако это было уже после того, как мне направили послание Сталина. Антонов, успокаивая меня, добавил, что получил указание Сталина никого с этим письмом не знакомить и хранить его у себя. Доложил он мне также и то, что слабое развертывание наступления на Воронежском, Степном и Юго-Западном фронтах очень беспокоило Верховного. Не получив донесения, Сталин попытался связаться со мной по телефону, но и это сделать не удалось. И тогда он продиктовал Антонову процитированный выше документ.

Добавлю лишь, что Сталин был так категоричен не только в отношении меня. Подобную дисциплину он требовал от каждого представителя Ставки. Нам было разрешено передвигаться по своему усмотрению только в пределах фронтов, координировать действия которых мы были обязаны. Для выезда на другие нужна была специальная санкция Верховного. Считаю, что отсутствие какой-либо снисходительности к представителю Ставки было оправдано интересами оперативного руководства вооруженной борьбой. Верховный Главнокомандующий очень внимательно следил за ходом фронтовых событий, быстро реагировал на все изменения в них и твердо держал управление

войсками в своих руках...

Вернусь к Донбасской операции. 18 августа я прибыл на КП Юго-Западного фронта, расположенный непосредственно на западном берегу Северского Донца. Обсудив с Малиновским создавшуюся обстановку, мы решили подготовить 19 августа повторную атаку, усилив ударную группировку фронта всем, чем только можно было, за счет второстепенных участков и сократив до минимума ширину прорыва вражеской обороны. Но и эта атака желаемого успеха не принесла. Нам было известно, что противник в свою очередь тоже подтянул к атакуемому участку все, что мог, до предела оголив соседние зоны. Поэтому мы приняли решение использовать это, прекратить здесь бесполезные атаки и скрытно перегруппировать необходимые силы несколько южнее. Правда, здесь нам предстояло форсировать Северский Донец. Основную роль мы отводили при этом 8-й гвардейской армии.

По нашим подсчетам, на перегруппировку войск и на подготовку нового удара требовалось пять-шесть суток. С таким предложением от себя лично и командования фронта я обратился к И. В. Сталину во время доклада по телефону о сложившейся обстановке. А она не радовала: Степной фронт все еще вел затяжные бои за Харьков, а Воронежский, действовавший севернее, не только не добился успеха, но и подвергся довольно чувствительным контрударам в районе Ахтырки. Сталин был неудовлетворен, разговаривал весьма нелюбезно, сделал ряд справедливых, а отчасти и не совсем обоснованных упреков и мне, и в адрес фронтового командования. Все же наше предложение было принято, и мы получили разрешение начать операцию на новом участке 27 августа.

Затем речь перешла к событиям на Южном фронте. Здесь дела были куда успешнее. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки 5-я ударная армия генерал-лейтенанта

В. Д. Цветаева в первый же день наступления сломила сопротивление противника, прорвала его оборону и продвинулась на 10 километров. В ночь на 19 августа в прорыв был введен 4-й гвардейский мехкорпус Т. И. Танасчишина, который за сутки продвинулся на 20 километров, вышел на реку Крынка, захватил там плацдарм и создал угрозу перехвата железной дороги Амвросиевка – Сталино (Донецк). В течение двух следующих дней ударная группировка фронта не только успешно отражала многократные контратаки фашистов, но и продолжала развивать наступление, расширяя прорыв. В результате силы противника, действовавшие против Южного фронта, уже в первые дни операции оказались расчлененными на две части с обнаженными флангами в месте прорыва...

...Этот двойной прорыв фашистского фронта обороны по реке Миус и на севере Украины резко осложнил положение немецкой группы армий «Юг». Вспоминая ожесточенные августовские бои в районе Харькова и в Донбассе, ее бывший командующий Манштейн писал: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявляла в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы вырастали две новые... К концу августа только наша группа потеряла 7 командиров дивизии, 38 командиров полков и 252 командира батальонов... Наши ресурсы иссякли...»

Катастрофически осложнившаяся к концу августа стратегическая обстановка на фронте группы фашистских армий «Юг» вынудила Гитлера 27 августа прибыть из Восточной Пруссии в Винницу, где находилась его полевая ставка. Манштейн пишет, что там, на совещании руководящего состава его группы, он «поставил перед Гитлером ясную альтернативу: или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также за-

менить наши ослабленные части частями с других, спокойных участков фронта; или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы. Гитлер... обещал, что даст нам с фронтов групп «Север» и «Центр» все соединения, какие можно только оттуда взять...

Уже в ближайшие дни нам стало ясно, что дальше этих обещаний дело не пойдет. Советы атаковали левый фланг группы «Центр» (2-ю армию) и осуществили частный прорыв, в результате которого эта армия была вынуждена отойти на запад. В полосе 4-й армии этой группы в результате успешного наступления противника также возникло критическое положение. 28 августа фельдмаршал фон Клюге прибыл в ставку фюрера и доложил, что не может быть и речи о снятии сил с его участка фронта. Группа «Север» также не могла выделить ни одной дивизии».

В то же время Советское Верховное Главнокомандование продолжало наращивать силу наших ударов по врагу. В частности, 2 сентября И. В. Сталин сообщил мне по телефону, что в связи с крупным успехом войск Южного фронта он отдал указание направить туда 20-й танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск И. Г. Лазарева и 11-й танковый корпус генерал-майора танковых войск Н. Н. Радкевича. Мы договорились использовать танки Лазарева вместе с 5-м гвардейским кавалерийским корпусом А. Г. Селиванова, а в дальнейшем и Радкевича для удара через Волноваху в обход города Сталино (Донецк) с юго-запада, навстречу Юго-Западному фронту. Появления войск последнего на реке Волчьей мы ждали в те дни с большим нетерпением, но так и не дождались. Начатое в сентябре 6-й и 8-й гвардейскими армиями наступление, в связи с сильной огневой насыщенностью обороны противника, использованием им в обороне танков, успеха не имело. Мы с Р. Я. Малиновским наблюдали в течение дня ход боев на участке

фронта между Изюмом и Славянском и пришли к выводу, что в ближайшее время рассчитывать на успех здесь не приходится. Между тем левофланговая на этом фронте 3-я гвардейская армия Д. Д. Лелюшенко добилась значительного успеха, продвинувшись только 3 сентября на 20–30 км, и захватила Пролетарск, Камышеваху, Попасную, Первомайск и через истоки Лугани продвигалась к Артемовску.

Большого успеха добился и Южный фронт. Его 51-я 5-я ударная при содействии 2-й гвардейской армии, освободив Дебальцево, Орджоникидзе, вышли к Харцызску и Иловайску. 28-я и 44-я армии, вклинившись в оборону противника на западном берегу реки Еланчик, расширяли прорыв с тем, чтобы пропустить 4-й гвардейский кавалерийский и 4-й гвардейский механизированный корпуса. Сюда же решением Ф. И. Толбухина выдвигалась прибывшая к нему на фронт 26-я артиллерийская дивизия. Чтобы не нести напрасных потерь, мы с Малиновским решили дальнейшее наступление центральной группировки Юго-Западного фронта прекратить, а для развития наступления использовать успех армии Лелюшенко, усилив ее немедленной переброской 1-го гвардейского механизированного, 23-го танкового и 33-го стрелкового корпусов из армии И. Т. Шлемина. Армию же Чуйкова предполагали вывести в резерв фронта, чтобы использовать ее в дальнейшем, смотря по обстановке. По нашим подсчетам, 1-й гвардейский механизированный и 23-й танковый корпуса должны были прибыть к Лелюшенко не позже 6 сентября, и мы полагали, что удар этих корпусов от Артемовска через Константиновну, Красноармейское в обход Сталино (Донецка) с северо-запада будет оперативно увязан с действиями 11-го и 20-го танковых и 5-го гвардейского корпусов, которые нанесут одновременный удар от Амвросиевки, тоже в обход Сталино, но уже с юго-запада.

Верховный Главнокомандующий одобрил наши предложе-

ния, кроме вывода в резерв 8-й гвардейской армии Чуйкова.² 4 сентября я отправился в 3-ю гвардейскую армию. Выяснилось, что вот уже сутки, как начальник штаба армии генерал-майор Г. И. Хетагуров не знал, где находится командарм. Лишь в ночь на 5 сентября Дмитрий Данилович появился на своем командном пункте в Мирной Долине. Оказалось, он сформировал подвижной отряд, используя для него трофейные автомашины, часть танков 243-го танкового полка и 293-й стрелковый полк успешно наступавшей 259-й стрелковой дивизии, и лично повел его в бой. Не без участия передовых частей 51-й армии соседнего Южного фронта отряд разгромил гитлеровцев возле Никитовки, захватив город, большие трофеи, Лелюшенко затем оказал помощь войскам Южного фронта в борьбе за Горловку, расположенную далеко за пределами полосы, установленной для его армии...

От пленных нам стало известно, что фашистское командование стремится остановить наступление советских войск на рубеже Славянск, Краматорск, Константиновка и далее по реке Кальмиус, прикрывая подступы к центру Донбасса. Но уже 6 сентября Юго-Западный и Южный фронты, успешно развивая наступление, сорвали этот план, освободив от захватчиков свыше 100 населенных пунктов, в том числе Макеевку, Константиновку, Краматорск, Славянск, Дружковку. 7 сентября начался заключительный этап боев за освобождение Донбасса, а через день 5-я ударная армия при содействии войск 2-й гвардейской армии овладела городом Сталино (Донецк). 10 сентября войска Юго-Западного фронта освободили железнодорожный узел Барвенково, а Южного – Волноваху и во взаимодействии с десантом Азовской военной флотилии – важный центр металлургической промышленности Мариуполь.

Гитлеровцы не хотели примириться с утратой Донбасса. 11

2 Архив МО СССР, ф. 48-А, оп. 2290, д. 9, лл. 80-82.

и 12 сентября они не раз переходили в сильные контратаки и на некоторое время вновь захватывали отдельные населенные пункты. Для отражения контратак Р. Я. Малиновский вынужден был передать в 3-ю гвардейскую армию свой последний фронтовой резерв – 33-й стрелковый корпус. Полностью израсходовал фронтовые резервы и Ф. И. Толбухин. Теперь поневоле пришлось вернуться к мысли о временном резервировании 8-й гвардейской армии Чуйкова, а также 44-й армии Хоменко. И все же к 15 сентября мы вышли на линию Лозовая – Чаплино – Гуляй-Поле – Урзуф. Только после этого враг убедился, что не удержит Донбасс, и начал отводить войска к Мелитополю, Пологам и Синельниково.

Печатается с сокращениями по: Донбасс. Год 1943. Воспоминания участников Донбасской наступательной операции. – Донецк: Донбасс, 1980, с. 5-17.

В. И. Кузнецов –
генерал, командую-
щий 1-й гвардейской
армией

В. И. Чуйков – генерал,
командующий 8-й гвардейской армией

Центральная часть мемориала Великой Отечественной войны на горе Артема с памятной плитой об освобождении Святогорского плацдарма воинами 1-й и 8-й гвардейскими армиями и 12-й армией в 1943 году

Р. Я. Малиновский

**Дважды Герой Советского Союза,
маршал Советского Союза**

Участник гражданской войны 1918–1920 гг. В 1941–1942 гг. в качестве командующего 6-й армией Южного фронта организовывал оборону Донбасса, в т.ч. плацдарма на Северском Донце.

В 1943 году в должности командующего Юго-Западным фронтом освобождал от немецко-фашистских захватчиков территорию Донецкого бассейна.

ДОРОГОЙ ПОБЕД (отрывки из книги)

В славной летописи Великой Отечественной войны много ярких и незабываемых страниц. Одной из них является героическая борьба советского народа и его армии за освобождение Донбасса.

Осенью 1941 года немецко-фашистские захватчики оккупировали большую часть Донбасса. Гитлеровцы приложили все силы, чтобы использовать огромные экономические ресурсы этого края для нужд войны. Однако трудящиеся Донбасса по призыву Коммунистической партии развернули решительную борьбу с врагом. Они не желали работать на немцев, выводили из строя шахты, заводы, механизмы.

Особенно труден был первый период войны. Под натиском превосходящих сил противника Советская Армия вынуждена

была с боями отходить в глубь страны. Но советский народ не дрогнул перед суровыми испытаниями. Уже зимой 1941–1942 годов Советская Армия разгромила немецко-фашистские полчища под Ростовом-на-Дону, под Тихвином и, наконец, под Москвой. Это были первые крупные поражения фашистской Германии во Второй мировой войне, ознаменовавшие полное крушение авантюристического плана «молниеносной войны».

В ходе зимнего наступления 1942–1943 гг. Советская Армия добилась новых выдающихся успехов. Наши войска отбросили врага от Волги и Терека на 600–700 километров и освободили важнейшие в экономическом отношении области юга.

По долгу службы мне пришлось принимать непосредственное участие в освобождении Донбасса сначала в должности командующего войсками Южного фронта, а затем командующего войсками Юго-Западного фронта.

Ожесточенными были бои за Донбасс. Любой ценой противник стремился удержать в своих руках этот важнейший экономический район нашей Родины. Для сохранения Донбасса гитлеровское командование создало сильную оборону по Северскому Донцу и Миусу. Особенно интенсивно укреплялись эти рубежи после поражения немецко-фашистских войск на Волге.

17 июля 1943 года войска Юго-Западного фронта перешли в наступление с форсированием Северского Донца, где был подготовлен сильно укрепленный оборонительный рубеж врага. Бои носили ожесточенный и упорный характер. В это же время перешли в наступление войска Южного фронта с целью прорыва обороны на Миусе. Несмотря на то, что соединения имели незначительный успех, они сковали крупные силы врага и лишили его возможности перебрасывать свои соединения

на курское направление, что облегчило выполнение задач нашими войсками в битве под Курском.

В первой половине августа 1943 года создалась благоприятная обстановка для полного освобождения Донбасса. Советские войска, измотав противника в оборонительных боях, перешли в решительное наступление на Орел и Харьков. Войска Воронежского и Степного фронтов, сломив сопротивление врага, выходили к Харькову. Над донбасской группировкой немецко-фашистских войск нависла угроза флангового удара с севера.

Советское Верховное Главнокомандование отдало приказ Юго-Западному и Южному фронтам разгромить противостоящую вражескую группировку и полностью освободить Донбасс.

К предстоящим боям войска и штабы готовились тщательно. Мы внимательно изучили тактику врага, систему его обороны. В этом значительно помог нам опыт июльских боев. Главное внимание было уделено обучению войск действиям при прорыве сильной, заблаговременно подготовленной обороны противника, ведении боя в траншеях, отражении контратак врага, форсировании водных рубежей, боев в населенных пунктах.

13 августа начались боевые действия войск правого крыла Юго-Западного фронта, а 16 августа – и ударной группировки, созданной в центре фронта. 18 августа перешли в наступление и войска Южного фронта.

Непосредственно за Донбасс из состава Юго-Западного фронта вели бои войска 3-й гвардейской армии под командованием генерал-лейтенанта Д. Д. Лелюшенко. Она форсировала реку Северский Донец и в ночь на 2 сентября силами 32-го стрелкового корпуса овладела Лисичанском, а затем, обойдя многочисленные опорные пункты врага, 5 сентября заняла

Артемовск, а днем позже – Краматорск и Константиновку. В это время войска Южного фронта развивали наступление в направлении Сталино. Противник оказался в полуокружении. Немецко-фашистские войска в панике бросали оружие и технику и поспешно начали отступать на запад. Войска Юго-Западного фронта, ломая сопротивление арьергардов врага, подвижными соединениями быстро продвигались к Красноармейску. Это облегчило войскам Южного фронта выполнение задачи по освобождению Сталино.

Под угрозой окружения немецко-фашистское командование стремилось быстрее отвести свои войска на запад и юго-запад. Командующий группой армий «Юг» Манштейн отдал приказ, в котором требовал от войск вести подвижную оборону, повысить стойкость соединений, чтобы организованно отойти к Днепру. Одновременно командование группы армий «Юг» издало совершенно секретную директиву «Об эвакуации, разрушении и вывозке имущества», в которой поставило перед войсками задачу полного разрушения оставляемых районов.

Я, как очевидец и участник событий видел эту страшную картину гитлеровских злодеяний. Мы тогда обратили внимание на то, что противник отходил глухими полевыми дорогами, а не шоссейными и улучшенными полевыми. Гитлеровцы заминировали шоссе, взрывали мосты, населенные пункты, промышленные центры, заводы, фабрики, оборудование, сжигали и уничтожали хлеб, сельскохозяйственный инвентарь, затопляли шахты. Противник осуществлял «тактику выжженной земли».

Отход врага прикрывался сильными арьергардами, состоявшими из танков и мотопехоты. Однако противнику не удалось осуществить планомерный отвод своих частей. Соединения 6-й и 1-й танковых армий врага, спасаясь от полного

разгрома, в беспорядке бежали. Активную помощь советским войскам в освобождении Донбасса оказали славные партизаны и подпольщики, которые вели борьбу в тылу врага.

Освобождение Донбасса имело огромное военно-политическое значение. Нашей Родине была возвращена важнейшая угольно-металлургическая база юга. С выходом советских войск на рубеж рек Днепр и Молочная создавались условия для наступления в Правобережной Украине и в Северной Таврии.

Многое уже рассказано о героических победах советского народа над гитлеровскими захватчиками. Выход в свет новой книги, посвященной разгрому фашистских войск в Донбассе, значительно дополнит освещение патриотического подвига нашего народа и его армии в Великой Отечественной войне...

Печатается по: Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания. Изд. 3. – Донецк: «Донбасс», 1971, с. 13-16.

От Советского Информбюро

ОПЕРАТИВНАЯ СВОДКА ЗА 6 СЕНТЯБРЯ

В течение 6 сентября в Донбассе наши войска продолжали успешно развивать наступление и, продвинувшись вперед от 15 до 25 километров, заняли свыше 100 населенных пунктов, в том числе город Маньковка, город Константиновка, город и железнодорожный узел Краматорская, город и железнодорожный узел Славянка, город Дружковка, город Часов Яр, крупные населенные пункты Николаевка, Рай-Александровка, Алексеево-Дружковка, Ниняфоровка, Щербиновка, Петровка, Новобажмутовка, Новоселовка, Ханженково и крупные железнодорожные станции Вальязовка, Воролюбовка, Дылевка, Кривой Торец, Фанольная.

Сводка Совинформбюро об освобождении основной части территории Донбасса к 6.09.43 г. (фрагмент)

Командующий Юго-Западным фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский, член военсовета генерал-лейтенант А. С. Желтов, член военсовета Южного фронта генерал-лейтенант К. А. Гуров, лето 1943 г.

НАКАЗ

Верховного Головнокомандуючого

Генерал-полковнику **ТОЛБУХІНУ**

Генералові армії **МАЛИНОВСЬКОМУ**

Війська Південного і Південно-Західного фронту, в результаті вмілого маневру і навального наступу здобули крупну перемогу в Донецькому басейні над німецькими загарбниками. Зломивши опір ворога, наші війська протягом шести днів з боєм оволоділи містами Дебальцево, Ізюмське, Лисчанськ, Єнакієве, Горлівка, Чистякове, Слов'янськ, Артемівськ, Краматорськ, Костянтинівка, Макіївка, Червоноармійське, Ясинувата і обласним центром ДОНБАСА—містом СТАЛІНО.

Таки чиним, війська Південного і Південно-Західного фронту відбили у німців і повернули нашій Батьківщині **ДОНЕЦЬКИЙ БАСЕЙН**—наблизившись вугільний і промисловий район країни.

В бою за ДОНБАС відзначилися війська генерал-лейтенанта **ЦВЕТАСЕВА**, генерал-лейтенанта **КРЕЙЗЕРА**, генерал-лейтенанта **ДЕЛЮШЕНКА**, генерал-лейтенанта **ЗАХАРОВА**, генерал-майора **ЖЕРЕБІНА**, генерал-майора **МАІОВЧУК**, генерал-майора **БЕЛОВА**, генерал-майора **РОСЛОГО**, льотчини генерал-лейтенанта авіації **СЛУЦЬ**, генерал-лейтенанта авіації **ХРОКІНА** і особливо 128-та стрілецька дивізія полковника **КАЗАРЦЕВА**, 127-а стрілецька дивізія полковника **КРИМОВА**, 271-а стрілецька дивізія полковника **ГОГОРОВА**, 346-а стрілецька дивізія генерал-майора **СТАНКЕВСЬКОГО**, 266-а стрілецька дивізія полковника **РЕБІКОВА**, 279-а стрілецька дивізія генерал-майора **ПОТАПЕНКА**, 259-а стрілецька дивізія полковника **ВЛАСЕНКА**, 50-та гвардійська стрілецька дивізія полковника **ВЛАДИЧАНСЬКОГО**, 301-а стрілецька дивізія полковника **АНТОНОВА**, 230-а стрілецька дивізія полковника **УКРАЇНСЬКОГО**, 54-а гвардійська стрілецька дивізія генерал-майора **ДАНІЛОВА**, 217-а стрілецька дивізія полковника **МАТВЕЄВА**, 61-а гвардійська стрілецька дивізія полковника **ЛАЗАНОВИЧА**, 59-а гвардійська стрілецька дивізія генерал-майора **КАРАМИШЕВА**, 34-а гвардійська стрілецька дивізія полковника **БРАЙДІЯ**, 40-а гвардійська стрілецька дивізія полковника **ПОНОМАРЬОВА**, 320-а стрілецька дивізія генерал-майора **ШВИГНА**, 96-а гвардійська стрілецька дивізія

полковника **ЛЕВИНА**, 5-а гвардійська окрема моторстрілецька бригада полковника **БУТАЮОВА**, 135-а танкова бригада підполковника **БЕЗІЮЩЕНКА**, 179-й винищувальний протитанковий артилерійський полк майора **САВЧЕНКА**, 243-й окремий танковий полк майора **ПОДЛЕСНОГО**.

В ознаменування здобутої перемоги з'єднання і частини, які відзначилися в бою за оволодіння ДОНБАСОМ, присвоїли найменування:

„СТАЛІНСЬКИХ“:
50-й гвардійський стрілецький дивізія,
301-й стрілецький дивізія,
230-й стрілецький дивізія.
„ЕНАКІВСЬКИХ“:
34-й гвардійський стрілецький дивізія,
40-й гвардійський стрілецький дивізія,
320-й стрілецький дивізія.
„ІЗЮМІНСЬКОЇ“:
96-й гвардійський стрілецький дивізія.
„ЧИСТЯКОВСЬКОЇ“:
127-й стрілецький дивізія.
„ГОРЛІВСЬКИХ“:
128-й стрілецький дивізія,
271-й стрілецький дивізія.
„ДЕБАЛЬЦЕВСЬКОЇ“:
346-й стрілецький дивізія.
„АРТЕМІВСЬКИХ“:
266-й стрілецький дивізія,
259-й стрілецький дивізія.
„ЛИСЧАНСЬКОЇ“:
279-й стрілецький дивізія.
„КОСТЯНТИНСЬКИХ“:
135-й танковий бригаді,
179-му винищувальному протитанковому артилерійському полку.
„МАКІЙСЬКОЇ“:
54-й гвардійський стрілецький дивізія.
„СЛОВ'ЯНСЬКИХ“:
61-й гвардійський стрілецький дивізія,
297-й стрілецький дивізія.
„КРАМАТОРСЬКИХ“:
59-й гвардійський стрілецький дивізія,
5-й гвардійський окремий моторстрілецький бригаді,
243-му окремому танковому полку—

і віддалі ці з'єднання й частини йменувати:
50-а гвардійська Сталінська стрілецька дивізія,
301-а Сталінська стрілецька дивізія,
230-а Сталінська стрілецька дивізія,
304-а гвардійська Єнакієвська стрілецька дивізія,
40-а гвардійська Єнакієвська стрілецька дивізія,
320-а Єнакієвська стрілецька дивізія,
96-а гвардійська Ізюмська стрілецька дивізія,
127-а Чистяковська стрілецька дивізія,
128-а Горлівська стрілецька дивізія,
271-а Горлівська стрілецька дивізія,
346-а Дебальцевська стрілецька дивізія,
266-а Артемівська стрілецька дивізія,
279-а Артемівська стрілецька дивізія,
135-а Костянтинівська танкова бригада,
179-й Костянтинівський винищувальний протитанковий артилерійський полк,
54-а гвардійська Макіївська стрілецька дивізія,
61-а гвардійська Слов'янська стрілецька дивізія,
297-а Слов'янська стрілецька дивізія,
59-а гвардійська Краматорська стрілецька дивізія,
5-а гвардійська Краматорська окрема моторстрілецька бригада,
243-й окремий Краматорський танковий полк.

На ознаку торжества з нагоди крупної перемоги в ДОНБАСІ сьогодні, 8 вересня, о 20 годині столиці нашої Батьківщини **МОСКВА** від імені Батьківщини салютує нашим доблесним військам, які визволили ДОНБАС від німецьких загарбників.—двадцятьма артилерійськими залпами з двохсот двадцяти чотирьох гармат.

За відміни бойові дії **ОГОЛОШУЮ ПОДЯКУ** всім керівникам Вами військам, які брали участь у визволенні Донбаса.

Вічна слава героям, які полягли в боротьбі за свободу і незалежність нашої Батьківщини! Смерть німецьким загарбникам!

Верховний Головнокомандуючий
Маршал Радянського Союзу **Й. СТАЛІН.**

8 вересня 1943 р.

Відбито в редакції «Східноукраїнського Фронта».

В. И. Чуйков

Дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза

В 1943 году командующий 8-й гвардейской армией, освобождавшей плацдарм на правом берегу Северского Донца. Службу в Красной Армии начал добровольцем в 1918 году. В 19 лет командовал полком. За участие в гражданской войне награжден двумя орденами Боевого Красного Знамени.

До 1941 года командовал механизированной бригадой, стрелковым корпусом, армейской группой.

С 1942 года – командующий 62 армией, отстоявшей Сталинград. (В 1943 г. - переименована в 8 гвардейскую армию).

«ГВАРДЕЙЦЫ СТАЛИНГРАДА ИДУТ НА ЗАПАД» (отрывки из книги)

Оборонительный рубеж по берегу Северного Донца противник начал сооружать со второй половины марта, и к началу нашего наступления немцами были подготовлены две позиции, по две траншеи в каждой.

Траншеи, в свою очередь, были оборудованы подбрустверными блиндажами с различными по прочности покрытиями.

Часть огневых точек располагалась под подбитыми в зимних боях танками, станковые пулеметы в дзотах и на открытых площадках. Имелось несколько бронированных огневых точек

с цепями, которыми немецкие пулеметчики приковывались к броневым колпакам. Пехота была снабжена броневыми щитами. Многие огневые точки обеспечивали косопрямый огонь вдоль зеркала воды.

Траншеи были связаны развитой сетью ходов сообщения и прикрывались с фронта противотанковыми и противопехотными минными полями.

Средняя плотность фортификационного оборудования на километр местности составляла: дзотов – 4, открытых пулеметных площадок – 13, траншей и ходов сообщения – около 2000 погонных метров, противопехотных препятствий – около полутора тысяч погонных метров, блиндажей и землянок – 9.

В глубине, на командных высотах, в населенных пунктах и опушках лесов имелись опорные пункты и узлы сопротивления, приспособленные к круговой обороне и находящиеся между собой в огневой связи.

Правый берег Северного Донца на участке, намечавшемся для форсирования, господствовал над левым берегом, что значительно затрудняло наблюдение с нашей стороны. Мы должны были так подготовить наблюдательные пункты, чтобы во время форсирования реки не потерять управления боем. Наши саперы излазили весь берег в поисках удобных позиций для наблюдательных пунктов, откуда можно было бы просматривать местность в глубине обороны противника во время боя...

К началу наступления и форсирования Северного Донца систему обороны противника изучили мы неплохо. Мы установили также, что в полосе действий Юго-Западного фронта противник противопоставляет нам и Южному фронту 1-ю танковую и 6-ю армии из группы армий «Юг».

Считаю необходимым обратить внимание читателя на то, что в печати частенько, перечисляя те или иные войсковые соединения немецкой армии, забывают дать одно разъяснение.

Как же так, спросит недоумевающий читатель, незнакомый со структурой немецкой армии и исходящий в своих сравнениях из структуры Красной Армии военных лет, как же так - двум фронтам противостояли всего лишь несколько немецких армий, а потребовалось и время, и жертвы, чтобы сбить их с позиций, прорвать их оборону и погнать с нашей земли? Чем это объяснить? Объясняется это различным насыщением армейских единиц. Так, 6-я полевая армия Паулюса подходила к Сталинграду, имея в своем составе около 20 дивизий, в том числе три танковые и две моторизованные, в то время как 62-я армия, защищавшая город, имела лишь восемь стрелковых дивизий и три бригады неполного состава. Немецкий корпус доходил, как правило, до шести пехотных дивизий, что равнялось нашим двум корпусам, да и то по формальному признаку. Численность укомплектованной немецкой дивизии была намного выше численности нашей полностью укомплектованной дивизии.

Перед Военным советом армии встала задача разработать план первой наступательной операции, которая должна была начаться форсированием водной преграды.

Мы обратили внимание на Военном совете прежде всего на подготовку форсирования Северного Донца, на обеспечение десантных переправ. Представлялось при этом необходимым всю операцию разделить на два этапа. На первом этапе надо было передвинуть армию к исходным рубежам для атаки, подготовить переправочные средства, произвести тщательную разведку, рекогносцировку, пристрелять цели, привязать боевые порядки артиллерии к местности и т. п. На втором этапе должно было начаться форсирование и прорыв оборонительной полосы корпусами первой линии. Мы подсчитали возможности армейской артиллерии. Нам удалось сосредоточить для стрельбы прямой наводкой до 19 орудий на один километр фронта и 75- 90 стволов - с закрытых позиций.

Исходя из установок Военного совета армии, штаб армии разработал подробный план операции, разбив ее на подготовительный этап в шесть суток и на этап форсирования Северного Донца и прорыва обороны противника - в двое суток. Третий этап планировался на трое суток. На третьем этапе перед армией ставилась задача выйти главными силами на рубеж Красноармейск, Константиновка и окружить донбасскую группировку противника в районе Сталино (Донецк).

Противник до сих пор мог считать, что войска Юго-Западного фронта готовятся к активной обороне и только. Слово «наступление» в оперативных документах, в радиопереговорах, в устных указаниях командиров всех подразделений не употреблялось. Оборона, оборона... Это давало нам возможность подготовить наступление и с расчетом на фактор внезапности. Передвижений крупных воинских подразделений из глубокого тыла в это время не предусматривалось. Предстояла только передислокация сил в оперативных целях, незаметное сосредоточение частей на исходных рубежах для атаки. В районе дислокации 8-й гвардейской армии природные условия были благоприятны для скрытых передвижений. Наш, левый берег Северного Донца, его поймы были покрыты густым лесом. Леса эти пересекались грунтовыми дорогами. В ночное время мы имели возможность совершать незаметные для врага перегруппировки.

В старых районах расквартирования оставались войска вторых эшелонов и тыловые части. Перед ними была поставлена задача имитировать подготовку крупных войсковых соединений к обороне.

И вот мелочь, совсем как будто бы незначительный фронтовой эпизод...

Два наших бойца ночью пошли купаться. Заблудились и вышли к берегу Северного Донца. Полезли в воду и были схвачены разведкой противника.

Обстановка была крайне напряженной. Враг опасался нашего наступления. Два наших солдата были находкой. Можно себе представить, что обрушилось на них на допросе у следователей абвера или гестапо. Мне докладывали, что одного из них нашли с переломанными костями, другого... Словом, допрос был коротким и жестоким.

В отчете разведывательной группы немецкого батальона, захваченном нами в первые часы наступления, говорилось:

«Закончив допрос пленных и узнав от них о подготовке наступления русских, мы тут же сообщили в штабы батальонов и рот нашего полка о данных допроса. Тут же была объявлена боевая тревога. А через несколько минут началась артиллерийская подготовка русских».

Нам удалось установить, что наши бойцы и под пытками не указали точный час начала нашего наступления. Предупреждение немецкому командованию, как мы видим, поступило за несколько минут до начала артиллерийской подготовки. И все же это было предупреждением. Противник получил ориентировку.

В 4 часа 50 минут 17 июля началась авиационная и артиллерийская подготовка на участках 1-й гвардейской и 8-й гвардейской армий. Артиллерийская подготовка длилась 1 час 30 минут.

Она расчленялась на различные периоды и по времени строилась таким образом: пятиминутный огневой налет по целям на переднем крае и в глубине обороны, тридцать восемь минут прицельно-методический огонь по дотам, дзотам, по уничтожению живой силы противника в узлах сопротивления, артиллерийских и минометных батарей, оживших во время артиллерийской подготовки. Затем вновь двухминутный повторный огневой налет по целям на переднем крае и в ближайшей глубине. И снова двадцать три минуты прицельного методического

огня по дотам, дзотам, блиндажам и живой силе противника, по его артиллерийским и минометным батареям.

Для наступательной операции при 8-й гвардейской армии были созданы две артиллерийские группы: армейская группа прорыва и армейская группа артиллерии дальнего действия. В задачи группы артиллерии дальнего действия входило не только уничтожение и подавление артиллерийских и минометных батарей противника, но воспреещение подхода резервов противника для организации контратак. 29-й гвардейский и 33-й стрелковый корпуса на главном направлении удара на один километр фронта сосредоточили около 105 единиц орудий и минометов.

Тогда такая насыщенность артиллерийскими средствами могла показаться достаточной. Нам до этого приходилось вести и оборону, и совершать контрудары со значительно меньшей артиллерией. Однако опыт крупных наступательных операций с прорывом сильных оборонительных рубежей противника показал, что такая насыщенность артиллерийскими средствами недостаточна для нанесения решающего удара. Но в те дни основные силы и резервы были сосредоточены в районе Курской дуги. Недостаток в насыщенности стволами командование фронта пыталось возместить длительностью артподготовки. Но при длительной артиллерийской подготовке терялись последние элементы внезапности. Противник по сосредоточению огня точно определял направление главного удара и получал возможность перегруппировать силы во втором эшелоне для контрудара. Кроме того, мы не имели достаточного количества снарядов и мин для повторения артиллерийской подготовки или сосредоточения массированного огня. Известно, что длительная артиллерийская подготовка часто применялась в Первой мировой войне, особенно для прорывов фронта. Но тогда наступающие войска не располагали подвижными средствами, танками и бронированными автомобилями и бронетранспорте-

рами. Длительная артиллерийская подготовка не приводила и в Первую мировую войну к прорыву оборонительных линий, а достигала только тактических вмятин.

Наш удар поддержала авиация. Не могу сказать, чтобы эта поддержка оказалась решающей. Бомбардировщики и штурмовики подвергли обработке оборонительные рубежи противника, помогли нам во время переправы, но господства в воздухе получить не могли.

В начале артиллерийской подготовки на наблюдательный пункт армии прибыли командующий фронтом Р. Я. Малиновский и член Военного совета генерал-лейтенант А. С. Желтов.

На правом южном берегу поднялись черные столбы земли и пыли, поползли клубы черного, копотного дыма.

Солнце еще не всходило. Светлела, разгоралась над степью знойная июльская заря с ее яркими оранжевыми красками. Били слепящими залпами гвардейские минометы. Над рекой, над камышом, над кустарником, по берегам потянулась густым туманом и окутала все непроницаемая дымовая завеса.

Из зарослей, из прибрежных лесов по-пластунски или бегом, пригибаясь к земле, спускались к воде передовые батальоны пехоты. Под дымовой защитой отчалили одна за другой весельные лодки.

Ветер минутами срывал дымовую завесу с реки. На том берегу оживали огневые точки. Но они тут же гасились прицельным артиллерийским огнем.

Первые лодки причалили к противоположному берегу. Гвардейцы коротким броском достигли первого ряда траншей, завязался жестокий рукопашный бой. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника, а от нашего берега отчаливала новая партия весельных лодок.

К 8 часам утра наши батальоны захватили первую и вторую траншеи, закрепились там. Под их прикрытием мы подвели к

берегу понтонные парки и приступили к наводке переправы для артиллерии и танков.

Переправившиеся войска получили приказ продвигаться вперед, расширяя плацдарм на вражеском берегу. Но результаты атак на удалении от берега не были столь успешными, как переправа. Нарастало сопротивление противника, действующего теперь вдаль от линии, на которую могла воздействовать наша артиллерия. На темпах наступления сказывался и недостаток в боеприпасах. Активизировала свои действия вражеская авиация, нанося удары по нашей переправе. Поминутно над рекой вспыхивали ожесточенные воздушные бои. Нашим истребителям не всегда удавалось отогнать пикирующие бомбардировщики.

План операции начал нарушаться по срокам.

К наступлению темноты 17 июля части 8-й и гвардейской армии закрепились на правом берегу реки Северский Донец.

В первом эшелоне шел 29-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Якова Степановича Фоканова. Его дивизии вклинились в оборону противника на полосе протяженностью 15 километров, протаранив ее в глубину на 3–5 километров. 82-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Ивана Алексеевича Макаренко овладела восточной окраиной большого поселка Каменка, южной окраиной села Шевченко, северной окраиной Сухой Каменки.

74-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Василия Павловича Соколова, действуя плечом к плечу с 82-й гвардейской стрелковой дивизией, продвинулась к северной окраине Сухой Каменки и охватила северную окраину населенного пункта Тихоцкое.

27-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Виктора Сергеевича Глебова овладела высотой с отметкой 199,4 и населенным пунктом Студенок.

Корпусу генерала Фоканова противостояла 333-я пехотная дивизия противника. Под ударами гвардейцев она оставила первые линии траншей и с большими потерями откатилась от берега реки на вторые позиции. Укрепления из железобетона, гофрированного железа, бронеколпаки дали ей возможность устоять против начавшегося удара на второй позиции, потому что этот удар не был достаточно поддержан нашей артиллерией.

33-й стрелковый корпус генерала Алексея Ивановича Семенова, развернув 230, 50 и 243-ю стрелковые дивизии, к концу дня овладел поселком Банное и лесом южнее поселка, поселком Пришиб и, переправившись частью сил через Северский Донец, завязал бои за Сидорово.

Наши армейские танковые части и части 1-го гвардейского механизированного корпуса в бой введены не были. Они запоздали с переправой, рубеж ввода их в бой не был захвачен войсками первого эшелона армии.

Надвинулась короткая июльская ночь. Тревожная ночь. Местами еще не утихли бои. Начали ночную обработку позиций противника наши ночные бомбардировщики. Штабы корпусов и дивизий готовились к новому бою на рассвете.

Для меня лично это были трудные часы. Первое наступление нашей армии после сталинградских боев. Ни одна из поставленных задач не решена. Конечно, ставить задачи, расчерчивая карту стрелами легче, чем вести бой, да еще к тому же с сильным и опытным противником.

Было над чем задуматься. Что случилось? Почему к середине дня наши атаки повсеместно захлебнулись, несмотря на то, что враг нес больше потери?

Из допроса пленного начинала слегка приоткрываться загадка столь сильного и активного сопротивления врага.

Пленные немецкие офицеры на допросах показывали, что им было известно о готовящемся наступлении нашего фронта

примерно с 12 июля, то есть за пять дней до его начала. Известны были приблизительно и направления ударов прорыва.

Внезапности не получилось, хотя, казалось, были соблюдены все меры предосторожности. Работа наземной агентуры, авиаразведка, аэрофотосъемка, радиоперехват... Век техники.

Противник создал на участках прорыва глубокоэшелонированную оборону. Подбросил новые части. Наутро, как стало ясно из показаний немецких офицеров, нас ожидали крупные силы противника. К частям, расположенным на нашем участке фронта, подходили на подмогу соединения двух танковых дивизий – 17-й и СС «Викинг».

Этой же ночью нам передали через командование фронта, что гитлеровское наступление на Курской дуге потерпело полный провал, что наступление войск Западного, Брянского и Центрального фронтов успешно развивается, что наши войска взломали оборону противника, что в прорыв вводятся значительные силы. Враг, отчаянно обороняясь, начал отступление...

Получить полную информацию о битве на Курской дуге было трудно. В те дни мы не могли получить и достоверного представления о масштабах выигранного нами сражения. Теперь, зная весь ход операций наших фронтов в июле сорок третьего года после оборонительных сражений на Курской дуге, можно сказать с уверенностью: в ожидании удара на нашем участке фронта, командующий группой армий «Юг» Манштейн не мог перебросить на Курское направление и под Харьков резервы из Донбасса.

Нашим наступлением в Донбассе мы ослабляли немецкий фронт под Курском и под Харьковом. Стало быть, уже одно то, что противник из-за удара на нашем участке фронта вынужден был расплывать свои силы, оправдывало наши действия. Вместе с тем, когда фронт в одном месте тронулся и враг понес значительное поражение от наших соседей, надо было наступать,

чтобы лишить его возможности маневрировать войсками.

Мы досадовали, что не удается расширить наступление в то время, как сам факт наступления нашего Юго-Западного фронта и захват нами оперативной инициативы у противника были уже немалым успехом в стратегическом замысле огромного масштаба.

Ночью я принял решение с утра 18 июля ввести в бой второй эшелон армии: 28-й гвардейский стрелковый корпус, его 79-ю и 88-ю дивизии и танковую группу М. Г. Вайнруба в составе двух танковых и самоходно-артиллерийского полков. Танки и самоходные орудия группы М. Г. Вайнруба были переправлены на правый берег Северского Донца.

Всю ночь напряженно работали переправы. Надо было пропустить не только войска, но и перевезти массу грузов, артиллерию, танки, боеприпасы, кухни. Но и ночью не прекращались удары авиации противника по переправам. Фашистские летчики освещали переправы световыми бомбами. По этой активности можно было судить не только о том, что противник встревожен нашим наступлением, но и о том, что на нашем участке фронта наращиваются авиационные силы противника.

К рассвету начали поступать в штаб армии сообщения авиаразведки о движении гитлеровских войск к нашему участку фронта. По дорогам двигались немецкие танки, артиллерия, самоходные орудия. Наши самолеты, вылетавшие на бомбежку этих движущихся колонн, встречали мощное воздушное прикрытие. Эти данные авиаразведки совпадали с показаниями пленных немецких офицеров. Мы установили, что командующий группой армий «Юг» Эрих фон Манштейн перебросил 24-й танковый корпус из-под Харькова и ввел в бой против нашей армии 17-ю танковую дивизию. Вслед за 24-м танковым корпусом из Белгорода и Харькова перебрасывалась в Донбасс срочным порядком 3-я танковая дивизия 2-го танкового корпуса СС со средствами усиления.

В районе Макеевки на защиту Донбасса от ударов Южного фронта немецким командованием были также сосредоточены танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх» и «Мертвая голова», переброшенные из района Белгород – Харьков.

В разные времена по-разному человек воспринимает те или иные известия. Прямо скажу, когда меня ознакомили с донесениями наших летчиков о широком передвижении немецких войск, о подходе к противнику на помощь крупных резервов, мне стало не по себе. Наши силы в наступлении таяли, противостоящие нам на правом берегу Северного Донца силы противника возрастали. Мы отчетливо осознавали, что такие дивизии 24-го танкового корпуса, какой они обладают маневренностью, как значительна их огневая мощь.

Становилось очевидным, что мы втягиваемся в ожесточенные и затяжные бои, что Гитлер идет на все, лишь бы удержать Донбасс. Он держался из последних сил за донецкий коксующийся уголек.

Тяжелое впечатление от донесений наших летчиков проходило по мере того, как мы расчерчивали карту соответственно их донесениям.

Спасая Донбасс, Гитлер и Манштейн оголяли свой фронт под Харьковом, там, где на них надвигались силы наших фронтов: Воронежского и резервного Степного.

Гитлер и Манштейн недооценили возможности наших войск после тяжелых оборонительных боев на Курской дуге перейти в широкое, обеспеченное всеми средствами наступление.

В те часы, когда против армии Юго-Западного фронта появились немецкие танковые дивизии, переброшенные из-под Харькова, мы понимали, что это облегчит наступление Воронежского и Степного фронтов – Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева. Об этом мне говорил Маршал Советского Союза А. М. Василевский.

Наступление войск Н. Ф. Ватутина и И. С. Конева задержалось. Оно началось лишь 3 августа, когда удары Юго-Западного фронта уже начали ослабевать, когда мы убедились, что развить наступление нашему фронту не удастся.

Для нас наступление Воронежского и Степного фронтов как бы затянулось, но для немцев оно началось в какой-то мере внезапно. Они еще не успели вновь укрепить ослабленный фронт. Уже развернулось наше наступление под Харьковом, когда немецкое командование в спешном порядке вынуждено было перебрасывать из Донбасса на белгородско-харьковское направление (переброска шла с 3 по 9 августа) пять танковых дивизий – 3-ю и 7-ю, дивизии СС «Викинг», «Райх», «Мертвая голова» и управления 24-го и 47-го танковых корпусов.

Да, нам предстоял трудный день, занимался он в тревоге. Сталинградцам предстояло новое и трудное испытание: опять неравные бои.

Прежде всего значительно усилилось воздействие авиации противника. Группы «юнкерсов» по 20–30 самолетов под прикрытием истребителей непрерывно бомбили переправы. Некоторые наши части, получив приказ переправиться на южный, правый берег Северского Донца, выполняли его с запозданием.

Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса поднимались несколько раз в атаки, но их встречал массированный огонь противника. Повсеместно противник вводил в бой танки. Заметно усилилась его артиллерия. Части 29-го гвардейского стрелкового корпуса смогли продвинуться лишь на 1–2 километра, неся большие потери. По нашим предварительным данным, этот участок фронта оборонялся 333-й пехотной дивизией противника. Но еще 17 июля она понесла большие потери. Значит, 333-я дивизия получила очень сильное подкрепление.

Решительно и напористо действовал в этот день 33-й стрелковый корпус. Его части овладели с. Богородичное, балкой Вис-

ла, населенным пунктом Сидорово. Возросшее сопротивление в течение дня 387-й немецкой пехотной дивизии утвердило нас в предположении, что и эта дивизия противника получила усиление.

Активной бомбежкой противник помешал 28-му гвардейскому стрелковому корпусу переправиться. 79-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием генерал-майора Н. Ф. Батюка удалось переправиться и сосредоточиться в районе Банное – Пришиб.

88-я гвардейская стрелковая дивизия (командир дивизии генерал-майор Г. И. Вехин) успела лишь сосредоточиться для переправы. Танковая группа М. Г. Вайнруба переправилась слишком поздно, и я задержал ее ввод в действие.

К вечеру бои начали затухать. Армия испытывала недостаток в боеприпасах. Штаб армии получил сообщения о нарастающих перебросках войск противника из-под Харькова.

Генерал-фельдмаршал Манштейн об этих боях пишет так: «На участке 1-й танковой армии противнику удалось форсировать Донец юго-восточнее Изюма в полосе до 30 километров. Но благодаря вводу в бой обеих дивизий 24-го танкового корпуса, подошедших из Харькова, мы приостановили дальнейшее продвижение противника южнее реки...»

Наступила вторая ночь...

Ставка Верховного Главнокомандования требовала наступления. Мы в армейских звеньях ощущали, что наступление идет медленно, противник подбрасывает новые силы. В то же время нельзя было ослабить давление хотя бы на одно мгновение. Севернее шли напряженнейшие сражения войск Западного, Брянского, Центрального фронтов. Они ломали тщательно продуманную и построенную по всем правилам фортификационного искусства оборону противника. Поэтому и на 19 июля штаб армии снова ставил задачи войскам на наступление.

Приказ есть приказ, но главное во всех сражениях решалось солдатом. Если солдат был внутренне убежден, что те или иные действия, предписываемые ему командованием, правильны, если они соответствовали велению его сердца, то он мужественно действовал в труднейших условиях.

Я должен сказать о большой роли политработников, партийных и комсомольских организаций армии.

Агитировать солдата, чтобы он бил врага, не нужно было, тем более сталинградца, гвардейца. Ненависть к врагу достигла в то время огромного накала. На политработников ложилась задача – разъяснить смысл и значение тех боев, которые развернулись по берегам реки Северский Донец на нашем участке фронта. Надо было разъяснить в частях, что наши удары по противнику оттягивают крупные немецкие силы от Харькова, где развивается главное наступление других фронтов, что каждый километр отвоеванной здесь земли оборачивается километрами продвижения наших войск на направлении главного удара.

19 июля с утра бои приобрели встречный характер. Противник непрерывно переходил в контратаки, поддерживаемые десятками танков. В 10 часов противник бросил в контратаку против правого фланга 82-й гвардейской стрелковой дивизии со стороны Каменки пехотный полк в сопровождении 48 танков, а со стороны Сухая Каменка – полк пехоты с 50 танками. Враг пытался расчленил дивизию и уничтожить ее, прижав к берегу Северского Донца.

Сначала последовал хотя и короткий, но мощный артиллерийский удар по позициям нашей дивизии. Затем над ней зависли немецкие бомбардировщики и в боевые порядки устремились танковые клинья. Впереди шли мощные тяжелые танки – «тигры». За ними следовали легкие танки и самоходные орудия. Под прикрытием этих броневых щитов поднялась в рост немецкая пехота. Гитлеровцы шли пьяные, поливая на-

право и налево огнем из автоматов. Сотня танков двигалась на позиции одной нашей дивизии. Бывали времена, и не так давно, когда таким вот ударом гитлеровцы прошивали насквозь значительные силы обороны.

Однако все это было в прошлом, и только немецкая настойчивость и упрямство искали возврата к прошлому.

Они шли на сталинградцев. Гвардейцы поднялись навстречу и ринулись на сближение. Им нужно было сближение, чтобы нейтрализовать удары авиации. Залегли, встречая танки в наскоро вырытых неглубоких окопах.

Танки рвались вперед, к основному рубежу обороны, через мелкие траншеи. А им вслед из траншей в боковую броню летели гранаты, бутылки с горючей смесью, били противотанковые ружья. Строй сломался, клин притупился. Передовые танки достигли траншей основной линии нашей обороны. Их встретил орудийный огонь. Артиллеристы били прямой наводкой. Ближний бой, навязанный нашими гвардейцами, лишал авиацию противника возможности сбрасывать бомбы и выходить на обстрел наших боевых порядков.

Автоматчики и пулеметчики открыли огонь по немецкой пехоте и отсекали ее от танков. Танки развернулись, чтобы выручить свою пехоту. Но они имели дело с гвардейцами, которые не боялись ни огня, ни железа. Опять перед танками пустое, казалось бы, вымершее поле. Танки подтянули за собой пехоту. Двинулись вперед. Но все эти маневры происходили под нашим артиллерийским огнем. Тянулся над полем боя черный чад. Горели немецкие танки...

Гвардейцы пропустили их мимо еще раз и опять открыли отсечный огонь по пехоте.

Да, никакая ярость, никакая ненависть к врагу не смогли бы заменить сталинградской выучки, хладнокровия и выдержки.

Два полка немецкой пехоты, поддержанные сотней танков,

смяли и потеснили лишь батальон стрелковой дивизии. И захлебнулись... Устилая поле трупами, отхлынули назад. На поле осталось 16 подбитых и сожженных танков.

Не менее ожесточенные бои разгорелись в полосе 79-й гвардейской стрелковой дивизии. 20 июля дивизия овладела поселком Голая Долина. Однако развить наступление не смогла. Подошли и были с ходу введены в бой противником части 17-й танковой дивизии, усиленные штурмовыми орудиями. Перед гвардейцами встала задача остановить бронированный клин врага, перемолоть его живую силу и технику. Это сражение не ошеломляло масштабами введенных сил, оно, конечно, было местного значения, но оно было ожесточеннейшим. Голая Долина в войсках получила другое название – «Мертвая Долина».

Завязались ожесточенные бои в поселке. По несколько раз одни и те же строения переходили из рук в руки. Домов в поселке не осталось. Под ударами танков рушились глинобитные стены, что не смогли сгореть в огне пожаров. Переходили из рук в руки подвалы, печные остовы, груды кирпича.

В уличных боях сталинградцы не имели себе равных. Горела техника, горели солдаты, но противник как бы сам шел на собственное уничтожение.

Последний удар в тот день по частям 79-й гвардейской дивизии в поселке Голая Долина последовал вечером. В атаку ринулась мотопехота противника и до шестидесяти танков. Они потеснили гвардейцев, но выбить полностью из поселка не смогли. Гвардейцы обосновались на высоте с отметкой 199,5 и на северной окраине поселка.

Земля в поселке, казалось, была перепажана. И если мы сегодня посмотрим на карту или проедем к поселку Голая Долина, то на месте, где когда-то стояло цветущее село, найдем лишь поле. Поселок Голая Долина со времени тех боев пере-

стал существовать. Вырос поблизости новый поселок, отстроенный заново, и называется он теперь Долина.

Ожесточенные бои шли и за вторую позицию противника. Эта линия проходила через Сухую Каменку, Тихоцкое, Голую Долину, балку Вислу, Сидорово. Сюда были брошены резервы пехотных дивизий 333-й и 387-й, а также танковые части. 20 июля наша разведка отметила появление на этом участке подразделений танковой дивизии СС «Мертвая голова».

Фашистское командование явно спешило усилить те участки фронта, где наше наступление создавало угрозу прорыва на всю тактическую глубину и выхода наших подвижных резервов на оперативный простор.

И 20 июля, и 21 июля Голая Долина оставалась полем ожесточенного сражения.

В садах поселка и в зарослях ручья засели и окопались наши бронейщики и стрелки 220-го гвардейского полка. Они отбивали одну танковую атаку за другой, отсекая от вражеских танков пехоту.

Вспоминается мне история с сержантом Александром Ивановичем Чижиковым, одним из тех героев, о которых не написано громких репортажей, но благодаря которым враг был изгнан с нашей земли.

Сержант Чижиков командовал расчетом противотанкового орудия. Его расчет подбил три танка противника. Орудие было отлично замаскировано, но гитлеровцы открыли по нему прицельный огонь из минометов. Это насторожило сержанта. В минуту короткой паузы между атаками противника он внимательно осмотрел окрестности и вдруг заметил на крыше сарая странно торчащую проволоку, которая никак не могла быть связана ни с кровлей, ни со строением. Чижиков доложил об этом своему командиру старшему лейтенанту С. Титову. Они вдвоем, замаскировавшись кустарником и высокой травой, подползли к

сарая. Конец проволоки оказался антенной полевой радиции.

Что бы это могло быть? Неужели радист-лазутчик? Осторожно открыли дверь в сарай, держа наготове автоматы. В сарае груды прошлогодней соломы, в беспорядке разбросана всякая рухлядь. Ни души. Они осмотрели завал и в разошедшейся бочке нашли немецкую радицию, соединенную с антенной.

Можно было предположить, что здесь размещалась радиция, когда немцы владели поселком, и, отступая, не успели прихватить ее с собой. Но могло быть и иначе... Старший лейтенант Титов оставил Чижикова в засаде. Чижиков, изготовившись к бою, с двумя ручными гранатами и автоматом затаился в темном углу.

В населенном пункте и на его окраинах шел, не умолкая, ожесточенный бой. Стены сарая содрогались от взрывов. Чижиков терпеливо ждал, придет ли к радиции радист. Не отсюда ли корректируется огонь и по его батарее? Такой разведчик в иных случаях опаснее танковой роты противника. Прошло около двух часов...

И вдруг солома зашевелилась. Кто-то внутри соломенной кучи завозился, высунулась рука, и перед Чижиковым возникла человеческая фигура. Чижиков замер. Человек лет тридцати, в красноармейской форме с кавалерийскими петлицами, в синих шароварах. Поблизости, это Чижиков точно знал, не было наших кавалерийских частей. Незнакомец, оглядевшись, направился к бочке с радицией. Чижиков скомандовал:

– Руки вверх!

Незнакомец резко обернулся и, выхватив из-за голенища нож, кинулся на Чижикова. Чижиков отступил в сторону и ударил знакомого автоматом по голове. Тот сунулся головой в солому. Чижиков обезоружил знакомого, связал ему руки и ноги, вызвал Титова и двух солдат-артиллеристов на подмогу. Допросили «кавалериста». Сначала он попытался отмолчать-

ся, потом начал сочинять истории, что отстал от кавалерийской части. Пришлось, наконец, ему сознаться, что был заслан в расположение наших войск с задачей вести наблюдение за передвижением наших частей и корректировать огонь немецкой артиллерии.

Изменник оказался жителем этих мест, той самой Голой Долины, за которую шли бои.

В сорок первом году он сдался в плен. Трусость, растерянность, паника? Нет, этот изменник не был трусом! Он сдался в плен, вступил в армию изменника Власова и с оружием в руках пошел против своей Родины. Это не трус. Трус не забрался бы в расположение наших войск, чтобы передавать агентурные сведения немецким хозяевам.

Этот предатель действительно был опаснее целой танковой роты противника.

Впервые пришлось мне столкнуться с власовцами именно здесь, на Северском Донце. Сопротивлялись они упорно, отчаянно. Я не назвал бы это мужеством, это была вынужденная жесточенность висельников. Они обязаны были отработать хлеб у немцев, и им, в случае если бы они дрогнули и отступили, грозила расправа от рук гестаповцев. Нам они в плен сдаваться не могли, страшась возмездия за измену.

Наступило 21 июля. Это был самый тяжелый день для воинов 79-й гвардейской дивизии и в особенности для 220-го гвардейского стрелкового полка. Противник с раннего утра стремился во что бы то ни стало вернуть поселок Голоя Долина.

Ничего нового в организации контратаки противник не применил. Короткий артиллерийский налет, за ним налет авиации и танковый клин. Под прикрытием танков наступала пехота.

Первая контратака со стороны села Долгенькое была погашена артиллерийским огнем. Как факелы вспыхнули четыре танка противника. С укрытых позиций пулеметный огонь

гвардейцев заставил немецких стрелков и автоматчиков залечь. Фланкирующим огнем автоматчики расстреливались на земле. Противник отступил.

Затем гитлеровцы предприняли контратаку с другой стороны, пытаясь отыскать в нашей обороне слабое место. На этот раз удар последовал из поселка Хрестище. На наши позиции в поселке Голая Долина устремились танки, поддержанные штурмовой авиацией противника и самоходными штурмовыми орудиями. Атака была жестокой и развивалась в благоприятной для немцев обстановке. Вражеская авиация внесла беспорядок на наших переправах, были порушены понтоны. Саперы под бомбежкой чинили разрушения. Прервался подвоз боеприпасов. Да и от переправы доставить боеприпасы в Голую Долину было не так-то просто. Подъездные пути бомбила авиация противника и простреливалась его артиллерией.

Противник понес тяжелые потери, но из-за недостатка в боеприпасах погибали и наши артиллеристы-бронбойщики. Более половины орудий и орудийных расчетов вышло из строя.

В расчете у противотанкового орудия сержанта Александра Ивановича Чижикова осталось три человека. Сам Чижиков был ранен в руку осколком снаряда. Санинструктор Н. К. Редькина перевязала ему рану, попыталась отправить в медсанбат, но Чижиков категорически отказался.

Через два часа атака противника повторилась. Опять шли немецкие танки, за ними пехота. Расчет Чижикова сразу подбил два танка. Соседние батареи подбили пять танков. Танки остановились, немецкая пехота залегла.

Стояла июльская жара. Противник же не унимался. Все новые и новые подразделения кидал он в пекло. Раскалились орудийные стволы, раскалились стволы пулеметов и автоматов. Гвардейцы навязывали танкистам противника ближний бой. В ход шли противотанковые гранаты и бутылки с горючей сме-

сю. Догорали последние строения в поселке, горели сады, горела степь за околицей. Черным дымом и смрадом заволокло поле боя так, что к концу дня в Голой Долине ни мы, ни противник не могли применить авиации.

Мы видели немецких солдат в наступлении, когда они, упоенные надеждой на победу, надеждой разгромить Красную Армию и овладеть жизненным пространством, рвались к Сталинграду. Это было время их уверенности в своем превосходстве, время головокружения от временных успехов, когда еще мало кто в немецкой армии осознавал, что успехи у них действительно временные. Я видел агонию трехсоттридцатитысячной армии в Сталинграде, немецких солдат, которые были преданы гитлеровским командованием и генералитетом, преданы и обмануты. Они сражались в окружении, как затравленные звери. Кое-кто из немецких мемуаристов и историков пытается сегодня изобразить их как сражавшихся мужественно до последнего патрона.

Да, немцы не капитулировали, но сражаться... Сражаться им особенно не приходилось.

Под ударами наших войск в конце января так называемая «сталинградская крепость» рассыпалась.

Но я понимал и солдат 6-й армии, находившейся в агонии. Они боялись возмездия. Что же здесь, на Северном Донце, под сокрушительными ударами наших войск заставляло немецкого солдата проливать кровь, отдавать жизнь ни за что, когда каждому здравомыслящему становилось ясно, что война проиграна, что рассчитывать после Сталинградской битвы и поражения на Курской дуге уже не на что?

Наступает вечер. В который уже раз немецкие офицеры поднимают своих солдат в контратаку, бросая с ходу в бой прибывающие из-под Харькова резервы. Бросают в бой на позиции, которые занимает 8-я гвардейская, бывшая 62-я, известная каж-

дому немецкому, офицеру и солдату армия. Нет надежды. Победа уже не манит, пора уходить с чужой земли, а их поднимают и кидают в жерло огромной мясорубки. Каждая контратака – это сотни и даже тысячи убитых только на одном участке возле Голлой Долины. Стало быть, еще не сбита спесь немецкой армии, приобретенная ею в годы предшествовавших побед, во время походов по Европе. Еще бить и бить нам врага, пока он осознает, что все его надежды рухнули...

Наши войска не отошли ни на одном участке фронта.

Наступил вечер. Наступила недолгая, как и летняя ночь, передышка. Мне сообщили из штаба армии, что опять весь день наша авиация наблюдала переброску крупных немецких соединений из-под Харькова.

Наутро ожидались новые ожесточенные контратаки.

Я поехал по войскам ознакомиться с обстановкой по всей линии фронта 8-й гвардейской армии. Задачи наутро ставил при личной встрече с командирами корпусов и дивизий. Задачи для всех были одинаковы. Держаться, не отступать под ударами вводившихся в бой резервов противника. В 29-й гвардейский стрелковый корпус генерала Я. С. Фоканова поехать не успел, приказ передал через начальника штаба генерала В. Я. Владимирова. На поле боя встретил командующего бронетанковыми и механизированными войсками армии полковника М. Г. Вайнруба. Он пригласил меня к себе на КП перекусить и отдохнуть.

Заскочили в какой-то двор, обнесенный кирпичной стеной. Похоже, что это были остатки монастырской стены. Вышли из машин, и вдруг артиллерийский налет противника. Пришлось залечь за стенами и пролежать минут пять-десять, пока противник не перенес огонь на другие цели. Во время обстрела наши шоферы укрыли машины.

Заходим в первый попавшийся дом. На столе появляются консервы, хлеб, фляжки. Темнеет. Огня не зажигаем, ужинаем

в сумерках, но на фронте кусок хлеба и стопку водки еще никто мимо рта не пронесил.

За дверью топот. Вернулись шоферы. Они с адъютантами поймали в соседнем доме немца. Рассказ в такой обстановке выглядит комично. Они наперебой, друг друга поправляя и уточняя, рассказывают:

– Входим... Большая комната, горница или светелка. Даже камин у степы. Наверное, бывший поповский дом. Камин затопить недолго. На огне можно разогреть консервы. Положили дров, огонь не горит. Весь дым обратно идет. Неужели, думаем, трубу сшибло снарядом? Поглядели, стоит труба. Не должно быть такого, чтобы дым обратно шел. Плеснули на поленья бензинчику. Бензин вспыхнул, поленья загорелись, а дым в комнату валит. Мы еще бензину. Слышим в каминной трубе словно бы шорох. И шорох не шорох, возня! Кто-то протискивается сквозь дымоход. Заглянули, а там, ботюшки мои, торчат ноги в ботинках с обмотками. И ботинки, и обмотки не наши, немецкие. Схватили за ботинки и потянули вниз. Вытянули – немец. Худой, весь в саже, как трубочист. От страха и переживании, что чуть было живьем не сторел, у него зуб на зуб не попадает...

Пленный годится. Я дал указание отправить его к нашим разведчикам. Снимаемся с Вайнрубом с этого пристрелянного немецкой артиллерией места.

По пути в поселок Пришиб встретились с командующим воздушной армией В. А. Судец. Пока договаривались о взаимодействии, к кургану, где мы расположились, подали телефонную связь со штабами армии и фронта. Провел необходимые переговоры, ехать к себе было поздно. Решили заночевать на кургане. Улеглись спать рядом с Владимиром Александровичем на моей бурке. Ночь теплая, сон крепкий до самой зорьки.

Проснулись от залпа наших «катюш». Пора! Шоферы уби-

рают постели, а Владимир Александрович обращает мое внимание на человека, с которым мы спали рядом, не приметив его в темноте. Немец! Каюм Калимулин, мой шофер, подходит к нему, расталкивает. Бесполезно. Немец мертв.

Да, куда ни ткнись, всюду следы страшного побоища...

С восходом солнца бой опять разгорелся по всему фронту. И опять центром самых ожесточенных контратак противника становится Голая Долина. Но на этот раз противник не торопится штурмовать наши позиции. Видимо, ночью подошли к фронту из-под Харькова новые значительные артиллерийские резервы. Он обрушивает на поселок Голая Долина и на наши позиции ураганный артиллерийский и минометный огонь. К поселку прорываются сквозь строй наших истребителей немецкие самолеты. Они бомбят наши боевые порядки и по 30–40 самолетов заходят на бомбежку наших переправ.

Положение становится сложным. В середине дня подразделения 220-го гвардейского стрелкового полка, оборонявшие поселок Голая Долина, подверглись атаке сразу с трех сторон: с юго-востока, с юга и с запада. Пришлось начать отход на Богородичное во второй эшелон дивизии.

Из этого боя не вышли и сержант Александр Иванович Чижиков, и старший лейтенант С. Титов. Сталинградцы С. Титов и А. И. Чижиков похоронены в братской могиле в поселке Голая Долина...

Вокруг поселка Голая Долина было сожжено 30 танков противника, поле было устлано сотнями немецких трупов. Дорого им обошлись контратаки.

Но мы тоже понесли тяжелые потери. Много полегло тех, кто выдержал даже и сталинградский ад. Потеряли мы и славного боевого товарища, командира дивизии, генерала Николая Филипповича Батюка.

Вот оно, переменчивое фронтовое счастье... Все выдержал,

все прошел. Мужественно отстаивал вместе со своими солдатами Мамаев курган в Сталинграде. Какие бои! Казалось, что самое трудное позади. Но только казалось...

Похоронили генерала Николая Филипповича Батюка на донецкой земле, возле памятника Артему на Северском Донце.

Мы, ветераны 62-й армии, вспоминая своего боевого товарища, не раз высказывали пожелания перенести его прах в Сталинград на Мамаев курган, к памятнику защитникам Сталинграда, к общей могиле сталинградцев. Наши желания сбылись. Батюк спит вечным сном среди своих бойцов на Мамаевом кургане...

Бои не прекращались ни на один час. Мы с трудом расширяли плацдарм, отражая контратаки противника, но уже было очевидно, что наступление наше захлебнулось.

1-й гвардейский механизированный корпус генерала И. Н. Руссиянова в бой не вводился. Я был склонен считать это решение командующего фронтом Р. Я. Малиновского правильным, оправданным оперативно-тактическими соображениями. Противодействие противника, подбросившего значительные резервы, не дало возможности 8-й гвардейской армии создать условия для ввода в прорыв механизированных соединений. Как мне стало известно, Р. Я. Малиновский на участке наступления 1-й гвардейской армии генерала В. И. Кузнецова ввел в бой по существу за первую позицию противника 23-й танковый корпус генерала Пушкина. Но наступление этого корпуса, как и всей 1-й гвардейской армии, быстро захлебнулось. Надо было подкрепить 1-м гвардейским механизированным корпусом 23-й танковый корпус генерала Пушкина, введенный в бой в зоне действия 1-й гвардейской армии Кузнецова, или, наоборот, ввести в бой оба корпуса на участке наступления 8-й гвардейской армии, не распыляя силы на широком фронте.

Силы и средства 8-й гвардейской армии были на исходе, особенно ощущался недостаток в боеприпасах из-за расстранных вражеской авиацией переправ. Командующий фронтом с одобрения представителя Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевского приказал 8-й гвардейской армии временно прекратить наступление и закрепиться на достигнутых рубежах. Первый этап сражений за плацдарм на западном берегу реки Северский Донец закончился.

Можно было подвести и некоторые итоги, проанализировать, что помешало по-настоящему развить успех, что достигнуто за эти несколько дней упорных боев.

8-я гвардейская армия перешла к обороне на захваченном ею плацдарме шириной по фронту до 30 километров и глубиной до 8 километров. Передний край проходил от села Шевченко через Колесово, северной окраиной Сухой Каменки на Тихоцкий, село Пасека, по дороге, идущей от села Пасека на поселок Голая Долина до ее восточной окраины, садами Голой Долины, балкой Висла, на поселок Сидорове. Переправы в это время работали у Студенок, Богородичного, Банного и Пришиб.

Частная задача по созданию плацдарма на правом берегу реки Северский Донец, который мог быть в дальнейшем использован для наступления без потери сил и времени на форсирование водного рубежа, была решена.

Наше наступление началось, как уже говорилось, 17 июля, когда определился исход немецкого наступления на Курск в зоне действия наших Центрального и Воронежского фронтов, когда развивалось наступление Брянского и Западного фронтов, начатое 12 июля.

В ходе боев нам стало известно из опроса военнопленных, из данных фронтовой разведки, что из-под Харькова противник с 17 по 23 июля перебросил для защиты Донбасса пять танковых и одну пехотную дивизии. Шесть дивизий, снятых с Бел-

городско-Харьковского направления перед наступлением Воронежского и Степного фронтов, разрядили обстановку и под Белгородом и под Харьковом.

Теперь мы располагаем и признанием Манштейна, который сетует на то, что попал в ловушку, расставленную советским командованием, предпринявшим наступление силами Юго-Западного и Южного фронтов на Донбасс. Он пишет:

«После того как операция «Цитадель» по приказу Гитлера 17 июля была окончательно прекращена также и группой армий «Юг», командование группы (т. е. сам Манштейн) решило снять временно с этого фланга крупные танковые силы, чтобы с помощью этих частей восстановить положение в Донбассе. Мы надеялись в ходе операции «Цитадель» разбить противника настолько, чтобы рассчитывать на этом фронте на определенную передышку. Однако эта надежда оказалась потом роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем мы ожидали».

Все это, конечно, могло быть занесено в актив нашему Юго-Западному фронту.

Командующий фронтом Родион Яковлевич Малиновский вскоре поставил перед 8-й гвардейской армией частную задачу: сковать силы противника в Донбассе и пресечь маневр противника. Командование армией разработало план частной операции в деталях.

Мы начали атаки на противника 3 августа. Этот срок был приурочен к переходу войск Воронежского и Степного фронтов в решительное наступление против Белгородско-Харьковской группировки, когда была восстановлена линия фронта после июльских боев.

5 августа, когда 8-я армия вела бои на правобережном плацдарме Северного Донца, войска Брянского фронта освободили Орел, а войска Степного фронта освободили город Белгород.

Впервые в истории Великой Отечественной войны столица нашей Родины Москва салютовала нашим войскам, отмечая начало победоносного наступления Красной Армии. Отныне уже ни разу и ни на одном участке фронта вплоть до своего конца гитлеровские войска не смогли ни подготовить, ни развернуть стратегического наступления. Все их контратаки и контрудары носили лишь местный характер.

И 5, и 6, и 7 августа войска 8-й гвардейской армии вели изнурительные бои, не ослабляя давления на позиции противника, не давая ему передышки и возможности снять с этого участка фронта хотя бы одно соединение для переброски под Белгород и Харьков.

10 августа армия приступила к сдаче позиций 6-й и 12-й армиям, 12 августа мы ушли в районы расположения второго эшелона фронта, на северный берег реки Северский Донец.

Р. Я. Малиновский поставил меня в известность, что фронт готовится к новому наступлению, уже с плацдарма на правом берегу Северского Донца. Удар на этот раз наносился силами 6-й и 12-й армий на том же участке фронта, где наступала 8-я гвардейская армия. В 6-й и 12-й армиях силы сосредоточились внушительные.

Сосредоточивалось на участке прорыва до 120 артиллерийских стволов на один километр фронта.

Сроки подготовки наступления были сжатыми.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский разрешил мне присутствовать при организации наступления и взаимодействия 6-й и 12-й армий. Я имел возможность как бы со стороны наблюдать за всеми этапами наступления этих армий.

Мне интересно было посмотреть развивающееся наступление и для приобретения личного опыта. Во втором эшелоне 6-й и 12-й армий стояли: 1-й гвардейский механизированный

корпус, имевший в своем составе 165 танков (в ходе подготовки к наступлению его состав доводился до 200 танков); 23-й танковый корпус в составе 220 танков и 1-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала В. К. Баранова. Все эти силы предстояло ввести, как только наметился бы успех двух армий. 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса планировалось бросить в прорыв в первый же день наступления, как только войска 6-й и 12-й армий достигли бы линии Викино – Долгенькое – Краснополье.

Спору нет, операция была спланирована грамотно. Танковый, механизированный и кавалерийский корпуса, развивая наступление, имели все возможности создать для противника критическую ситуацию и совместно с войсками Южного фронта окружить и уничтожить части 1-й танковой и 6-й полевой армии противника в Донбассе.

Очевидец событий, выступающий в мемуарном жанре, использует боевые и оперативные документы, как канву, заполняя ее фактами, которые остались у него в памяти. Иной раз эти факты не зафиксированы в документах. И это понятно. Не всегда и не все документы исполнялись так, как они были написаны. Что-то не успевали сделать, где-то в дороге задерживались те или иные части, что-то в документе было написано на основе неточной информации, какое-то указание просто-напросто не могло быть выполнено. Историк труднее. Ему приходится иметь дело с документами, и он не вправе от них отступить.

По документам – по директивам Ставки, по переписке со Ставкой командования Юго-Западного фронта, по письмам в Ставку Василевского – никак нельзя полностью установить, что же мешало успешному наступлению.

Документы говорят также о том, что страна в 1943 году, благодаря героическому труду советских рабочих, обеспечила фронт в достаточной степени боевой техникой всех видов.

Наша военная промышленность в 1943 году выпустила около 35 тысяч самолетов, около 24 тысяч танков и самоходных орудий, в том числе 16,5 тысячи тяжелых и средних, около 130 тысяч орудий всех калибров и видов. В 1943 году производство боеприпасов возросло на 25,5% по сравнению с 1942 годом. К концу сорок третьего года выпуск боеприпасов превзошел на 18% их расход на фронте.

Но так все это выглядит при изучении документации историками. А на практике получалось и по-иному. Учитывая первоочередность и особую важность снабжения Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов, Ставка направляла вооружение прежде всего туда и в достатке, иначе решающая битва сорок третьего года не была бы выиграна.

Но что это такое в смысле доставки? Это не десятки, это сотни тысяч тонн грузов, которые надо было пропустить по разрушенным железнодорожным путям, по наведенным наспех мостам и переправам, мобилизуя потрепанный вагонный парк, проталкивая грузы на железнодорожных путях сквозь заторы на путях, загруженных сверх всякой меры и никак не приспособленных для такого масштаба перебросок. Не сомневаюсь, что если бы наши тылы справились со снабжением Юго-Западного фронта, мы не испытывали бы нужду в боеприпасах. Но они физически справиться с такой задачей не могли. Грузы к нам начинали свое движение по тем же путям, по которым шел подвоз к Центральному, Степному и Воронежскому фронтам.

Итак, на одном километре фронта сосредоточено до 120 орудийных стволов. Эта цифра фигурирует в документах Ставки Верховного Главнокомандования... Мне помнится другая цифра: 130–140 артиллерийских стволов на один километр фронта прорыва. С таким количеством стволов можно было бы превратить в прах вражеские укрепления, если бы мы имели достаточное количество боеприпасов.

...Для наблюдения я избрал командно-наблюдательный пункт 1-го гвардейского механизированного корпуса, который располагался юго-западнее села Студенок на высоте с отметкой 215,6. С этой высотки отлично просматривалась вся полоса, где велось наступление.

Наступление 6-й и 12-й армий началось 17 августа на рассвете. Первые залпы артиллерии были действительно мощными. Такой насыщенности нашего огня мне до той поры видеть еще не приходилось. Над траншеями противника земля встала дыбом. Не успевал осыпаться один фонтан земли, как рядом вздымался другой. Расположение артиллерийских батарей противника было разведано, разведаны были и огневые точки.

Но кто мог гарантировать, что в канун наступления противник не переменял позиций? Мы к нему готовились, но готовились к нему и противник.

Однако я уже на слух уловил, что после первых и насыщенных залпов огонь наших орудий поредел. Вступал в силу закон экономии боеприпасов.

Со мной на командно-наблюдательном пункте находились генералы Н. М. Пожарский, С. С. Гурьев и Я. С. Фоканов. Мы фактически расположились в центре наступления 6-й армии генерала И. Т. Шлемина.

Я не устаю повторять мудрейшее изречение Александра Васильевича Суворова, классика русского военного искусства: «Удивить – значит победить». Внезапность – это главное при такого рода сражениях. Перед моими глазами разыгрывалось трагическое подтверждение этого тезиса.

Войска встали и сделали рывок к позициям противника. Еще рокотала наша артиллерия, рвались снаряды во второй линии обороны, а по нашим войскам из надежных укрытий враг открыл уничтожающий пулеметный и орудийный огонь. Наша артиллерия не подавила его огневых средств.

Трудно было достигнуть внезапности при весьма широких возможностях современной разведки. Все же в нашем распоряжении оставались для этого некоторые средства:

а) выбор места удара, где противник не ожидал активных действий. Этому могли бы способствовать отвлекающие действия на других участках фронта;

б) тщательно организованная разведка обязательно на широком фронте, чтобы сама разведка не давала противнику возможности определить район, который нас особенно интересует;

в) скрытая подготовка и сосредоточение сил и средств для наступления дисциплиной марша, особенно ночью, наступлением с ходу и т. п.;

г) время перехода в наступление, чтобы противник был ошеломлен ударом и не мог произвести контрподготовку и помешать плановому развитию наступления.

Были ли соблюдены условия для внезапности при наступлении 17 августа 6-й и 12-й армии? Нет. Это наступление велось с захваченного плацдарма, противник не мог не ожидать развития событий с вводом свежих сил, так как удар через Барвенково на юг для него был смертельно опасен.

Подход к Северскому Донцу 6-й и 12-й армий был несомненно обнаружен противником, а их переправа через реку Северский Донец и замена войск 8-й гвардейской армии указывали приблизительно и время наступления. Определение часа атаки при таких условиях существенной роли не играет. Здесь противника во многом выручал установившийся шаблон – начало артиллерийской подготовки.

Мне тяжело вспоминать картину боя. К середине дня наступление 6-й армии уже захлебнулось. Ценой тяжких потерь нашим войскам удалось продвинуться за восемь часов боя лишь на один–два километра.

На второй день наступающие цепи топтались на месте. Ата-

ка в лоб без каких-либо попыток сманеврировать, изменить направление удара была безуспешной.

В документе, отправленном А. М. Василевским в Ставку, высказывалось, что 8-я гвардейская армия должна была использоваться в августовском наступлении лишь с целью развития операции. Операция никакого развития не получила. Но уже 18 августа командующий фронтом приказал мне вводить армию в стык 6-й и 12-й армий.

Я был против ввода армии еще не подготовленной к наступлению после тяжких боев, ввода на том же направлении, в тех местах, где захлебнулись уже два наших наступления. Армии требовался отдых.

Александр Михайлович Василевский не мог не заметить моих сомнений. Он всячески пытался их развеять, как представитель Ставки Верховного Главнокомандования. Он доверительно мне говорил, что обстановка на севере от нас в зоне действий Воронежского и Степного фронтов, наше наступление на Харьков требуют от нас, чтобы мы, не теряя времени, применили все силы для того, чтобы оттянуть хотя бы несколько дивизий из-под Харькова, а если и не оттянуть, то хотя бы не дать возможности Манштейну снять с нашего участка фронта какие-либо свои части.

– Если, – говорил он, – вы притянете на себя одну-две танковые дивизии немцев, – это будет лучшим вкладом в разгром врага на юге.

Я теперь уже отказался от рассеивающих ударов по всей полосе фронта 8-й армии, считая, что важнее сосредоточить удар на узком участке, прошить немецкую оборону километров на 8–10 в глубину и создать предпосылку для ввода механизированного корпуса. В прорыв, если бы он нам удался, планировалось ввести 1-й гвардейский механизированный корпус Руссиянова, который стоял наготове уже более месяца. Итак, чем

мы могли располагать? Количество артиллерийских стволов на участке прорыва было достаточным. Для артподготовки недоставало снарядов. Так что «бог войны» и на этот раз не мог полностью поддержать «царицу полей» – пехоту. Однако в тесном взаимодействии пехоты, артиллерии, авиации своевременный ввод механизированного корпуса мог восполнить многое из того, что нам недоставало.

Я сообщил Р. Я. Малиновскому свои соображения. Он утвердил мои распоряжения. Просил его дать твердое указание Руссиянову быть готовым к вводу корпуса в прорыв.

Итак, 29-й гвардейский стрелковый корпус получил задачу – одним броском овладеть населенными пунктами Сулиговка и Долгенькое, а 28-й гвардейский стрелковый корпус – овладеть лесистым районом южнее Долгенькое.

По достижении этих рубежей было намечено ввести в бой 1-й гвардейский механизированный корпус.

Р. Я. Малиновский приехал в штаб армии. Он решил присутствовать на моем командно-наблюдательном пункте.

В ночь с 21 на 22 августа перед наступлением мы с ним проехали по всему расположению армии, посетив каждую дивизию. Все готовились к бою. В частях проводились партийные собрания. Многие воины вступили в эту ночь в партию. На партийных собраниях в повестке дня стояли задачи наступления. Говорилось о том, что гвардии топтаться на месте не положено, что пора нам ответить делом на высокую честь называться гвардейцами.

– С такими людьми, – говорил мне Родион Яковлевич, – и не опрокинуть врага?

Я понимал его настроение. Мы побывали на исходных позициях, откуда должно было начаться завтрашнее наступление. Ветром наносило на позиции смрад от разлагающихся трупов – немцы не убрали своих убитых.

Наблюдательный пункт мы выбрали на высоте с курганом с отметкой 217,4 севернее Голой Долины, на северо-западной окраине большого лесного массива.

Заночевать пришлось в лесу.

Бессонная ночь. Хочется еще и еще раз проверить, все ли готово.

Серьезно пришлось поработать командующему артиллерией армии генералу Н. П. Пожарскому. Он, как всегда, проявил находчивость, выдумку в распределении боеприпасов, сумел спланировать минометный огонь на три рубежа огневого вала на глубину до 600 метров. Но снарядов, в особенности калибра 122, едва хватало на артиллерийскую подготовку. Еще раз проверили взаимодействие с авиацией. Командующий воздушной армией В. А. Судец находился с нами на наблюдательном пункте. Сюда же были подтянуты и его средства связи.

А как же с внезапностью?

Противоречивая эта штука, внезапность. И плацдарм обстрелянный, и наступление на нем за наступлением, и все же я старался, чтобы армия занимала свои исходные позиции скрытно. На что расчет? Расчет лишь на то, что немецкое командование, отбивая атаки 6-й и 12-й армий, сочтет, что еще одну армию на этом плацдарме мы в сражение не введем. Расчет, конечно, не ахти какой, но все же некоторые надежды он нам подавал.

И самое интересное. Удар наш оказался для противника все же внезапным. Это позже подтвердили пленные немецкие офицеры, это подтвердили успехи наступления.

Рассвет... Артиллерия заговорила. В. А. Судец направил свои штурмующие звенья на позиции противника. Было слышно, как он переговаривался с ведущими эскадрилий, нацеливая их удары на обнаружившие себя цели в момент артиллерийской подготовки.

Вот огневой вал отодвинулся в глубину. Командиры полков и батальонов подняли солдат. Цепь за цепью уходила за артиллерийским валом в атаку. Пошли дружно. Уже гремел в первых траншеях противника огневой бой, рвались ручные гранаты, доносились до нас автоматные очереди. Прошло полчаса. Цепи ушли вперед. Только слышно, как разгорается бой во второй, а затем и в третьей траншее. Бьют прямой наводкой танки и самоходные орудия поддержки пехоты.

Вот уже поступают на командный пункт донесения, что гвардейцы завязали бои за село Долгенькое и Мазановка.

Успех! Успех впервые за месяц кровопролитных боев. Малиновский снимает трубку полевого телефона и дает команду И. Н. Руссиянову вводить 1-й мехкорпус в бой без паузы в общем направлении южнее Долгенькое и Долгий Яр, Барвенково, придерживаясь грунтовых дорог. Тут же он соединяется с командующим бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенантом Волохом и приказывает ему контролировать ввод корпуса Руссиянова.

Вот-вот из леса, что виден нам с нашей высотки, покажутся танковые колонны мехкорпуса, и бой оживет, удар наш обретет мощь и силу.

Идут ожесточенные бои в Долгеньком, враг выбит из Мазановки. Ворота для ввода мехкорпуса открыты. Но танки не появляются. Малиновский опять вызывает по телефону Руссиянова. Связь работает. Руссиянов отвечает, что сейчас, через несколько минут, пойдут в бой танки. Малиновский кладет трубку, я вопросительно смотрю на него.

– Сейчас! – повторяет он слова Руссиянова. – Сейчас! Что ты на меня смотришь? – вдруг кричит он. – Я что, не понимаю, что дорога каждая секунда?!

Я действительно на него смотрю, субординация не позволяет мне сказать, что кипит в душе. Вчера же все проверяли

вместе. Побывали во всех дивизиях 8-й армии, в мехкорпус не поехали. Там давно все готово...

Танков нет и нет!

Малиновский пытается соединиться с генерал-лейтенантом Волохом. Волох не берет трубку. Комфронтом отвечают, что генерал Волох у танкистов в лесу.

– Он с ними! – с надеждой восклицает Малиновский. – Он с ними, он сам вводит корпус в бой!

Руссиянов опять уверяет, что танки скоро двинутся в бой.

Я опять выразительно смотрю на командующего фронтом.

– Что смотришь? Что смотришь? – кричит он. – Иди и сам вводи! Заснули они, что ли?

Я не стал ждать повторения и помчался в лес на исходный рубеж ввода мехкорпуса. Командующий бронетанковыми и механизированными войсками фронта генерал-лейтенант Волох был убит осколками от шального снаряда. Руссиянов прямо мне заявил, что мехкорпус к вводу в бой не подготовлен, что он еще только сосредоточивается на исходных позициях. Естественно, что через голову командира корпуса я действовать не мог. На моих глазах танки только выходили на исходные рубежи. Все, что я мог сказать Руссиянову о необходимости ввода в бой корпуса, было сказано.

Мне казалось, он не поверил, что мы прорвали оборону противника, что нами подготовлен ввод корпуса.

А время шло, противник подбросил новые резервы, он оголял соседние участки фронта, пытаюсь закрыть образовавшийся прорыв до десяти километров в глубину и восьми километров по фронту. Его дальнобойная тяжелая артиллерия систематически обстреливала дороги, идущие с тыла к фронту.

Я доложил Малиновскому, что время для ввода корпуса в бой упущено... Противник, вероятно, подготовился к встрече наших вторых эшелонов. В воздухе к тому же появились вра-

жеские бомбардировщики, вызванные, видимо, с дальних аэродромов для удара по танковым частям, появление которых предусмотрел противник.

8-я гвардейская армия была вынуждена менять огневые позиции артиллерии, подтянуть ее ближе к наступающим войскам.

Командующий фронтом весь день провел на армейском наблюдательном пункте. Уезжая вечером в штаб фронта, он приказал мне и соседним 6-й и 12-й армиям с утра 23 августа продолжать наступление с прежней задачей. Он также подтвердил задачу и генералу Руссиянову вступить в бой на следующее утро.

На следующий день утром армия после короткой артиллерийской подготовки снова пошла в атаку, очистила полностью село Долгенькое и вышла на западную опушку леса, что южнее Долгенького. По приказу командующего фронтом корпус Руссиянова в густых боевых порядках пошел в атаку. Танки переправили высоту с отметкой 242,9, что южнее села Долгенькое, и тут же попали под огонь танков противника, закопанных в земле и хорошо замаскированных в кустарнике. Огонь противника велся прямой наводкой. Запылали наши танки.

Здесь впервые я увидел, как противник применил против наших танков противотанковые торпеды, которые запускались из окопов и управлялись по проводам. От удара торпеды танк разрывался на огромные куски металла, которые разлетались на 10–20 метров. Тяжело было нам смотреть на гибель танков, пока наша артиллерия не нанесла сильный огневой удар по танкам и окопам противника.

Все было ясно. Противник за ночь подтянул к опасному участку свои резервы. Мы опять натолкнулись на возросшее сопротивление. Прорыв к Барвенково враг закрывал трупами, бросая в бой все силы, которые были в Донбассе, ибо взятие

Барвенково означало бы для него в сложившейся обстановке катастрофу.

Наши войска, действующие правее Юго-Западного фронта, подходили к Харькову, а левее успешно развивали наступление войска Южного фронта. Войска 5-й ударной армии под командованием генерала Берзарина протаранили оборону противника на участке Куйбышево – Дмитриевка, продвинулись вперед, за ними устремились части 4-го гвардейского механизированного корпуса. Противник не знал, откуда брать резервы, как латать дыры.

«22 августа,— пишет Манштейн в своих мемуарах,— был явно днем кризиса. В Донбассе противник вновь атаковал нас. Хотя 6-я армия и смогла сдержать опасный прорыв противника, но ей не хватало сил вновь восстановить положение. На участке 1-й танковой армии новое крупное наступление противника было остановлено, но ее силы иссякли».

23 августа город Харьков был освобожден войсками Степного фронта при активном содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов.

Взаимодействие фронтов – сложная вещь, и не всегда она приметна для широкого обозрения.

Несомненно, наше наступление, хотя оно и не нашло развития в глубину, сковало значительные силы противника и дало возможность достичь успеха войскам Степного и Воронежского фронтов. Могло случиться и иначе. Не перебросив дивизии из-под Харькова, противник мог приостановить наступление наших войск. Но тогда войска Юго-Западного фронта сражались бы с противником, лишенным резервов, тогда наши старания на Барвенковском направлении увенчались бы успехом и разгром немецких войск начался бы под Барвенково, с выходом на Харьков и южнее в направлении на Запорожье. В основном задачи Ставки на Северском Донце были решены. Мы лишили

противника маневра, сковали его силы, притянули часть их на себя.

В августовских боях были созданы предпосылки не только для полного освобождения Донбасса, но и для дальнейшего освобождения всего юга страны.

Командующий группой армий «Юг» Манштейн срочно вылетел в Винницу, в бункер Гитлера. Он пишет: «Совещание в ставке Гитлера состоялось 27 августа. Я поставил перед Гитлером ясную альтернативу: или быстро выделить нам новые силы, не менее 12 дивизий, а также заменить наши ослабленные части частями с других, спокойных участков фронта, или отдать Донбасс, чтобы высвободить силы на фронте группы...»

Выделить 12 свежих дивизий для группы армий «Юг» Гитлер в то время уже был лишен возможности...

*Печатается по: Чуйков В. Н. Гвардейцы
Сталинграда идут на запад. –
М.: «Советская Россия», 1972, с. 56-90.*

Артподготовка перед наступлением 8-й гвардейской армии

М. М. Пожарский – командующий артиллерией 8-й гвардейской армии

М. Г. Вайнруб – командующий бронетанковыми механизированными войсками 8-й гвардейской армии

Н. Ф. Батюк – генерал, командир 79 гвардейской стрелковой дивизии

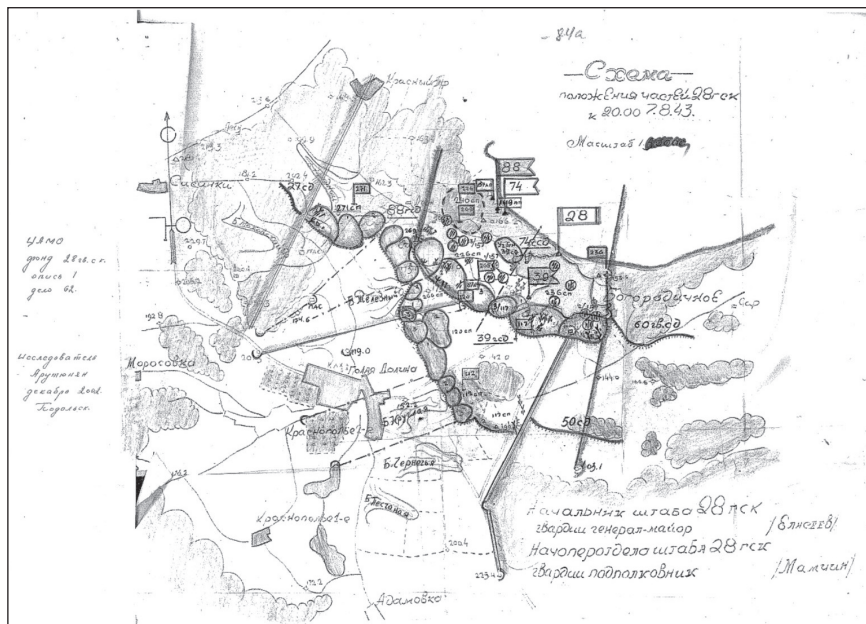

Схема положения частей 28 гвардейской стрелкового корпуса к 7.8.1943 г.

Н.И. Харламов

Подполковник, командир 49-го стрелкового полка 50-й стрелковой дивизии в период освободительных боев на Святогорском плацдарме в 1943 году

БОИ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ. 1943 г.

50-я стрелковая дивизия, в состав которой входили 2-й, 49-й, 359-й стрелковые полки, 202-й артиллерийский полк, 68-й саперный отдельный батальон, 10-й медико-санитарный батальон и другие боевые части и части боевого обеспечения, прибыла на Северский Донец в пределы Краснолиманского района в начале марта 1943 г. с Западного фронта.

Обстановка на этом участке Юго-Западного фронта в тот момент сложилась крайне тяжелая. Немцам удалось потеснить наши войска, форсировавшие Северский Донец в февралю. Ценой огромных потерь фашисты снова вернулись на его западный (правый) берег, предприняли попытку с ходу форсировать реку и вторгнуться в пределы Краснолиманского района. 50-я стрелковая дивизия сменила здесь обескровленную в февральских боях за Славянск и Краматорск 57-ю гвардейскую стрелковую дивизию генерал-майора А. П. Краснова, выведенную во второй эшелон.

Наш 49-й стрелковый полк вошел в поселок Яровая 4 марта и после длительного форсированного марша был введен в бой. В ночь на 8 марта силами 1-го стрелкового батальона была проведена разведка боем обороны противника на вы-

сотах между населенными пунктами Татьянаовка и Пришиб. Разведка установила передний край и группировку противника, характер его обороны и опорные пункты. Захваченные пленные подтвердили намерение противника форсировать Донец.

В этом бою батальон понес большие потери. Погиб и замечательный офицер - командир батальона капитан Дмитрий Пальгунов, потомственный шахтер Донбасса. Вместе с ним был убит и его ординарец Максотов, закрывший своим телом тяжелораненого комбата. С глубокой скорбью мы захоронили погибших в пос. Яровая.

Командир дивизии генерал-майор Н. Ф. Лебеденко приказал полку сорвать планы врага, немедленно форсировать Донец и овладеть высотами на западном берегу реки. Мы понимали исключительную важность этой задачи и в ночь на 9 марта успешно ее выполнили.

Установив накануне при разведке боем, что в лесу, южнее деревни Татьянаовка в обороне 333-й пехотной дивизии противника имеются слабые места, полк обходным маневром через этот лес, по глубокому снегу, взбираясь на отвесные кручи, скрытно вышел западнее Татьянаовки и занял высоту от памятника Артему до деревни Пришиб. Противник, спасаясь от окружения, бежал из Татьянаовки, оставив тяжелое вооружение и склады с имуществом. Одновременно мы выбили немцев и из санатория им. Артема, образовав плацдарм в пять километров по линии фронта и 2 км вглубь. Нужных сил для расширения плацдарма у нас не было.

Фашистское командование не желало мириться с потерей высот и отказываться от намерения вторгнуться на восточный берег Донца, поэтому в течение марта и начале апреля немецкие войска многократно атаквали наш полк, стремясь потеснить нас за Донец и овладеть плацдармом до

наступления весеннего разлива реки. С этой целью противник бросил против нашего полка, значительно поредевшего в предыдущий боях, целую пехотную дивизию с танками, большое количество артиллерии и авиации. В период с 6 по 10 апреля, четверо суток, ни днем, ни ночью на плацдарме не затихал ожесточенный бой. Фашисты, не считаясь с огромными потерями, рвались к реке. Мы стояли насмерть, но к Донцу их не пускали. С каждым часом нас становилось все меньше.

10 апреля Донец начал выходить из берегов, что поставило под угрозу обеспечение наших войск всем необходимым для ведения боя. Тогда командование отдало приказ остаткам полка отойти в пос. Яровая. На противоположный берег уцелевшими возвратились немногие. Большинство наших однополчан было ранено, около ста - убито. Мы похоронили своих боевых товарищей в деревне Татьянавка и пос. Яровая. В Красном Лимане похоронили погибшего в этом бою командующего артиллерией дивизии полковника М.Федорова. Он прибыл к нам в полк, чтобы руководить огнем артиллерии непосредственно с плацдарма. Вместе с ним погиб заместитель командира 202-го артполка майор Крячко. В пос. Дробышево захоронен лучший командир стрелковой роты полка лейтенант Шмаков, награжденный за мужество и героизм, проявленные в боях на плацдарме, орденом Красной Звезды. 9 апреля он был смертельно ранен и скончался в медсанбате.

В апреле-мае полк получил пополнение и в период разлива реки оборонял участок Яровая - Дробышево - Новоселовка - Дерилово. По мере вхождения реки в берега подразделения полка выдвинулись непосредственно на его восточный (левый) берег и окопались севернее Пришиба - Сидорово. На этом рубеже мы в течение двух месяцев вели разведку

и огневой бой, не давая покоя противнику. Наши снайперы уничтожили несколько сотен фашистских солдат и офицеров. В снайперской охоте особенно отличился лейтенант Н. Галушкин и его ученик и напарник сержант Т. Саджая.

17 июля войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. 49-му стрелковому полку было приказано форсировать Северский Донец на направлении главного удара 8-й гвардейской армии - в створе безымянных высот непосредственно севернее Пришиба и овладеть высотой 189,0, господствующей над окружающей местностью на многие километры вокруг и прикрывавшей подступы к городу Славянску.

На этом рубеже у противника были мощные укрепления с развитой системой траншей и ходов сообщения, с большим количеством дотов и дзотов, проволочными заграждениями и минными полями перед передним краем и в глубине. Владея господствующими высотами правого берега Донца, противник имел возможность просматривать и простреливать подходы к реке наших войск.

Скрытно и бесшумно, сосредоточившись накануне севернее Пришиба, на рассвете 17 июля под прикрытием мощной артиллерийской подготовки 49-й стрелковый полк первым в 8-й армии форсировал Донец и взломал вражескую оборону. 1-й стрелковый батальон под покровом сгустившегося над рекой тумана еще ночью на лодках переправился через Донец и затаился на окраине Пришиба. С началом артподготовки противник был выбит из села. Затем подразделения полка во взаимодействии с левофланговым полком 250-й стрелковой дивизии быстро и без существенных потерь штурмом взяли высоту 189,0. Несмотря на сопротивление врага, наши части продвинулись за день на 12 км.

Командующий армией генерал-лейтенант В. И. Чуйков

высоко оценил действия 49-го стрелкового полка. Многие воины были удостоены правительственных наград. Я был награжден орденом Красной Звезды, и 27 июля мне было присвоено звание подполковника.

Но к концу дня 17 июля обстановка на плацдарме значительно осложнилась. Противник подтянул крупные резервы пехоты и танков с других участков фронта, ввел в бой большое количество авиации и контратаковал части нашей дивизии. Наше продвижение вперед замедлилось, бои приняли затяжной и ожесточенный характер на рубеже населенных пунктов Голая Долина, Крестище. Фашисты, не щадя своих войск, неся огромные потери, неоднократно пытались отбросить части 50-й стрелковой дивизии с занятого плацдарма. До середины августа наши части, непрерывно отражая яростные атаки противника, удержали и расширили плацдарм, с которого войска Юго-Западного фронта в августе-сентябре 1943 г. нанесли завершающий удар по Донбасской группировке противника и освободили северную часть Донецкой области.

В ожесточенных июльско - августовских боях мы потеряли много своих друзей-однополчан. Захоронили их в пос. Дробышево и деревне Пришиб. Многие воины получили ранения. 17 июля под деревней Пришиб был ранен и я, но поля боя не оставил до окончания форсирования Донца и овладения высотой.

Командование полком я передал своему боевому товарищу, заместителю командира полка по политической части майору Дедо Муриеву. Под его руководством было успешно завершено форсирование реки и велись дальнейшие боевые действия полка по овладению и удержанию плацдарма. Он проявил незаурядные командирские способности и впоследствии стал крупным военным ученым - доктором наук.

В боях за Северский Донец героические подвиги совершили комбат майор Ишмурзина, командир минометной батареи капитан Быковец, командир батареи противотанковых пушек лейтенант Эк, командир минометной батареи лейтенант Яковлев, командир роты противотанковых ружей лейтенант Кожемякин, командиры стрелковых рот лейтенанты Шмаков и Рябина, командир группы снайперов лейтенант Галушкин и многие, многие другие.

Всегда добрым словом я вспоминаю начальника штаба полка майора Алексея Алексеевича Петухина, самого старшего по возрасту среди офицеров полка и добрейшей души человека. Много полезного из его богатого жизненного опыта почерпнули мы, тогда еще совсем молодые офицеры.

Никогда не забыть мне своего помощника по материально-техническому обеспечению майора Куриленко. Все его мысли сводились к тому, как получше одеть и накормить бойца, своевременно обеспечить его всем необходимым для боя. На передовой он проводил не меньше времени, чем в тылах полка. И погиб он героически, подвозя боеприпасы на передовую.

Многим сотням раненых бойцов и командиров полка первую врачебную помощь оказал персонал полкового медпункта, возглавляемого старшим врачом полка майором медицинской службы В. Илбовником.

Много добрых слов хочется сказать и поддерживавшим наш полк артиллеристам 202-го артполка. С ними вместе мы выполняли боевые задачи, вместе радовались успехам и делили горечь утрат. Наблюдательные пункты пехотных и артиллерийских командиров всегда располагались рядом. Наше тесное общение позволяло в сложной боевой обстановке быстро принимать нужные решения.

Особое место в памяти занимает командир дивизии ге-

нерал-майор Никита Федотович Лебеденко. Нашему полку он уделял особое внимание. Возможно, поэтому нам было доверено проведение разведки боем в ночь на 8 марта, овладение Татьяновским плацдармом и форсирование Донца на главном направлении 17 июля. И мы гордились этим доверием. Комдив всегда был примером исключительной выдержки, бесстрашия и мужества. Глубокие военные знания и боевой опыт он постоянно и кропотливо передавал молодым командирам.

Светлую память о погибших героях свято хранят жители Краснолиманского и Славянского районов, а оставшихся в живых всегда встречают у себя, как дорогих гостей.

Печатается по: Славянск. Память на века. – Донецк: ООО «ИПП «Промінь», 2007, с. 50 – 54.

ИЗ ЖУРНАЛА БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

230 СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ (229 стр. бригада)

27.2.43 Прибыв в район сосредоточения, бригада заняла оборону: Студенок – Щурово - Дробышево, имея передний край по левому берегу С. Донца Штабрич-Дробышево

ОТ 4 отдельная стрелковая бригада (далее - осб) – Богородичное, ОТ – 3 осб – Маяки.

28.2.43 15.00 20 пикирующих бомбардировщиков бомбили Маяки и атаковали танки. 15.00 противник с воздуха бомбил Щурово. Убит командир 5 батареи артдивизиона.

К исходу дня Маяки взяты противником.

В ночь с 28.2 на 1.3.43 бригада сформировала 2 осб из маршевых рот под командованием ст. лейтенанта Дубровина, который занял оборону 3 осб.

2.3.43 Части бригады, занимая оборону по левому берегу С. Донца на фронте: Студенок - Щурово. 1.3.43 с 15.00 до 17.00 вели бой с пехотой и танками противника в районе Студенок – Пасека.

3.3.43 Бригада, занимая оборону, приступила к отрывке новых окопов полного профиля и частично использовала окопы прошлого года.

При наличии сыпучего песка, окопы обшиваются лесом. Бригада производила усовершенствование окопных работ. Артиллерия вела огонь по скоплениям пехоты и танков противника. Артогнем подбито в районе Маяки тягачей – 1, автомашин – 3. Перед фронтом 4 осб по правому берегу Донца противник овладел с. Богородичное.

5.3.43 В течение дня противник вел сильный минометный и пулеметный огонь перед фронтом 4 осб. Отдельные группы противника делали попытки выйти на Северский Донец, но огнем наших минометов и пулеметов были отброшены в исходное положение на южной окраине с. Татьянаовка.

6.3.43 4 осб в 3.00 перешел при поддержке артиллерии в наступление на высоту 189, достиг стыка дорог в 2 км западнее 189, где отражал контратаки противника, закрепился.

7.3.43 Удерживает прежний рубеж, продолжая вести оборонительные работы. Противник в районе Студенок и Богородичное вел редкий огонь.

8.3.43 4 осб вел бой с противником, который пытался выбить наши части из Татьяновки. Противник к 10.00, подтянув подкрепления, развил сильный пулеметный огонь и атаковал Татьяновку, потеснив подразделения 4 осб.

10.3.43 Выполняя частный приказ 19 с.к. № 02 4 осб во взаимодействии с 49 стрелковым полком к 5.30 полностью овладели Татьяновкой и высотой с памятником Артему.

11.3.43 Противник ведет методический огонь из минометов и орудий. В 17.00 авиация противника над боевыми порядками 1 осб. сбросила 20 бомб /потерь нет/. Части бригады занимают свои районы.

12.3.43 В 20.30 в течение 5 мин противник вел сильный огонь из тяжелых минометов по боевым порядкам 4 осб.

13.3.43 Редкая минометная, пулеметная перестрелка.

14.3.43 Спокойно.

15.3.43 1 рота 3 осб. с батареей 525 лап. совместно с 49 стрелковым полком /50 стрелковая дивизия/ в 0.20 заняли исходное положение северо-восточнее памятника Артему, юго-западнее окраины Татьяновки и повели наступление в направлении Дома отдыха, северо-западнее кургана +1-1, имея задачей овладеть Домом отдыха (Степной) и курганом, но попав под сильный пулеметный и минометный огонь, залегли в районе восточной окраины монастыря и юго-восточнее памятника Артему. С 10.20 противник предпринял атаку на соседей слева, но атака противника была отбита.

16.3.43 Противник ведет сильный минометный и ружейный огонь по 1 роте 3 осб, которая закрепилась на рубеже восточной окраины монастыря и юго-западнее памятника Артему. Остальные части прочно занимают свои р-ны обороны, продолжают укреплять и усовершенствовать их.

17.3.43 На фронте без перемен. Редкий огонь с обеих сторон. Наблюдением установлено, что противник в р-не с. Богородичное и Дома отдыха производит оборонительные работы.

18.3.43 Противник вел редкий артиллерийский и минометный огонь. Наши части вели ответный, чем мешали ему производить оборонительные работы. В р-не Малой Еремовки окопные работы производит гражданское население.

19.3.43 На переднем крае без перемен.

20.3.43 В 13.00 противник произвел минометный налет на расположение 2 осб. Части бригады занимают прежнее положение.

21.3.43 Произведена перегруппировка 3 и 4 осб. В ночь с 20 на 21 сдали свои позиции 49 стрелковому полку, и из Татьяновки переведены в р-н Лагерь - Яровая и далее по южному берегу Донца до Пришиба. Теперь р-ны обороны протяженностью 25-30 км.

22.3.43 Противник активных действий не проявлял.

23.3.43 Так же.

24.3.43 Редкий минометный и пулеметный огонь.

25.3.43 В ночь на 25 марта группа разведчиков роты разведки в количестве 10 чел. блокировали дзот противника на высоте северо-западнее 1,5 км Богородичное, имея задачей достать «языка». При блокировании противник оказал сопротивление. Группа была обстреляна пулеметным огнем и гранатами. В коротком бою гарнизон дзота был полностью уничтожен. Убито 15 солдат, раненый унтер-офицер захвачен в плен, но по пути умер. Из документов изъятых у него видно, что он служил в мотороте 58 пехотной дивизии. Наши потери – ранены 3 человека.

26.3.43 Редкий артиллерийский огонь по Яровой и с. Банное. Пулеметный огонь по всему фронту. Части бригады занимают прежнее положение: 4 осб – в районе с. Банное.

27.3.43 В 11.00 самолет противника пролетел над расположением частей бригады и сбросил листовки. В течение дня – редкий артиллерийский и минометный огонь по районам обороны с. Банное, Студенок и по лесу южнее канифольного завода. Наша артиллерия – ответный огонь.

28.3.43 По всему фронту обороны редкий огонь. В 19.00 из роши южнее относительно 3,0 («Куты») сильным артиллерийским огнем противник обстрелял с. Банное, в результате подожжено 2 дома, несколько разбито. В районе обороны 2 осб. до 25 солдат противника пытались форсировать С. Донец, но вследствие прибытия воды и взлома льда, форсировать не удалось. При отходе они были обстреляны нашим огнем. Убиты – 8. В 17.00 артиллерийским и минометным огнем была обстреляна колонна пехоты противника 100-110 чел., двигавшаяся по дороге из с. Богородичное. Колонна рассеяна, убито и ранено до 70 человек.

29.3.43 Противник по всему фронту вел артиллерийский и минометный обстрел, особенно сильный по с. Банное из крупного калибра. Наши – ответный огонь. На нашу сторону перешло добровольно 2 солдата по национальности поляки.

30.3.43 Противник активных действий не проявлял. В 13.00 на высоту правее памятника Артему противник выкатил пушку, которая была уничтожена вместе с расчетом. Наша артиллерия подавляет ОТ противника.

31.3.43 Редкий артиллерийский и минометный огонь. В 11.35 в р-не Студенок самолет противника «Фокке-Вульф» двумя залетами сбросил 8 бомб, потерь нет.

1.4.43 Противник действий не проявлял. Редкий артиллерийский и минометный огонь. В 16.00 самолет противника сбросил над д. Александровка, где расположены дивизии, три бомбы. Ранен 1 чел.

2.4.43 Противник действий не проявлял.

3.4.43 На участке фронта относительно спокойно. Редкий артиллерийский и минометный огонь. В 9.30 4 немецких бомбардировщика сбросили груз бомб над с. Банное, в 11.00 восточнее с. Банное еще раз несколько бомб. Части занимают прежнее положение.

4.4.43 День прошел сравнительно спокойно. Наша артиллерия вела огонь на уничтожение ОТ и воспрещала окопные работы. В районе Богородичное уничтожен пулемет, разбита автомашина. Части занимаются боевой подготовкой.

5.4.43 Противник активных действий не проявляет. Из Хрестище на Богородичное наблюдалось передвижение мелких групп и отдельных подвод противника. Наша артиллерия ведет огонь по ОТ противника, подавлен огонь 105 мм орудия, разрушен дом с солдатами, разбита одна повозка у с. Банное.

6.4.43 На участке фронта (Банное-Яровая) противник вел сильный артиллерийский и минометный огонь. Активность авиации противника за день до 40 самолетовылетов, бомбежка переднего края обороны. Наша артиллерия ведет огонь по ОТ противника. Противник потеснил части 50 стрелковой дивизии и к исходу дня занял с. Банное.

7.4.43 Ночь прошла спокойно. С утра части 50 с.д. восстанавливают положение, ведут бой за Татьяновку. Мы своим огнем поддерживаем наступление. 3 осб в готовности для переправы через Северский Донец для наступления на с. Татьяновку и Дом отдыха.

8.4.43 Противник силою до полка пехоты при поддержке танков 6 и 7.4. потеснил наши части в р-не южнее Татьянов-

ки. В течение дня ведет обстрел нашей обороны. Наша авиация бомбила в 11.00 боевые порядки противника, замечены сильные взрывы. Части занимают прежнее положение. Передний край - по северному берегу Северского Донца. (БО у самой воды). 3 батальон без роты автоматчиков в ночь на 8 апреля переправился на южный берег Донца и занял исходное положение для наступления на восточную окраину с. Банное. 3 стр. рота 3 осб. в ночь с 8 на 9 апреля переправлена на южный берег Донца, подготовилась к наступлению с целью овладеть памятником Артему.

9.4.43 3 осб., находясь в оперативном подчинении командира 50 с.д., вел бой за овладение Татьяновкой. К 14.00 достиг юго-восточной окраины Татьяновки, где встретил сильнейший пулеметный и минометный огонь (убиты 7, ранены 23). Наша артиллерия произвела три налета по Татьяновке и высоте с памятником Артему (разрушила 5 блиндажей, уничтожила 5 пулеметов). Противник в течение дня вел артиллерийско-минометный и ружейный огонь, особенно из района Татьяновки и памятника Артему. Авиация противника производила разведывательные полеты.

10.4.43 Части бригады отметили первую годовщину со дня формирования. К 2.00 3 осб. был выведен на северный берег Донца. Но через полчаса получил вновь приказ о переброске батальона на южный берег Донца. До рассвета выполнить его не мог и занял оборону по северному берегу южнее Яровой. К 24.00 10 апреля 3 осб вышел в район обороны пионерского лагеря.

11.4.43 3 батальон занял район обороны п/лагеря изменений в расположений боевых порядков остальных частей бригады не произошло. День прошел сравнительно спокойно.

12.4.43 Противник активности не проявлял. Редкий артиллерийский и минометный огонь. Идет обстрел ст. Святогорская. Два снаряда упали в районе КП. В 21.30 бомбежка Татьяновки.

13.4.43 Без изменений. Авиация противника бомбила северо-западные окраины с. Банное, имеются жертвы.

14.4.43 Занимаем прежние рубежи обороны. Редкий ружейный и пулеметный огонь по мелким группам противника. Разведывательные полеты авиации противника. «Мессер» двумя залетами обстрелял Александровку, в 17.00 «Фокке-Вульф» сбросил листовки.

15.4.43 Некоторая активность противника – обстрел переднего нашего края. Авиация сбросила несколько бомб на с. Банное, в р-не КП (командного пункта) упало несколько зажигательных и фугасных бомб.

16.4.43 В расположении частей изменений не произошло. Нашим минометным огнем уничтожено блиндажно-строительные окопы.

17.4.43 Ружейно-пулеметный огонь. В 22.00 два самолета противника сбросили в районе КП фугасные бомбы и термитные ампулы. Пожаров нет.

18.4.43 Артиллерия бригады вела огонь по ОТ противника. Разбито 2 блиндажа в р-не Татьяновки и 2 – у памятника Артему. У переправы Студенок убиты 3 фрица.

19.4.43 В 16.00 КП бригады перешел в землянки юго-запад-

нее Канифольного завода – 250-300 м. Части бригады – на прежних позициях. Противник активности не проявлял. В 21.00 самолеты бомбят и сбрасывают зажигательные ампулы. По возникшим пожарам противник ведет минометный огонь.

20.4.43 На всех участках обороны без изменений.

21.4.43 2 стрелковая рота 3 батальона заняла новый район обороны в с. Яровая. В 16.15 западнее с. Богородичное два средних танка противника обстреляли р-н 1 батальона.

22.4.43 На участках фронта без изменений. Редкий обстрел наших позиций. Дальнобойная артиллерия противника ведет обстрел ст. Святогорская. Наша артиллерия в р-не Татьянаовки разрушила дзот.

23.4.43 Артиллерийские бригады в районе Татьянаовки разрушила НП (наблюдательный пункт) и подавила огонь минометной батареи из дальнобойной артиллерии – обстрел ст. Святогорская.

24.4.43 Противник ведет себя по-прежнему. Ведет артиллерийский и минометный огонь. В с. Банное зажег несколько домов.

25.4.43 На участке обороны ничего не произошло.

26.4.43- 27.4.43 Без изменений.

28.4.43 Авиация противника произвела 19 самолетовылетов. В районе с. Банное сброшено 3 бомбы и листовки.

29.4.43 Изменений нет. Снова налеты авиации противника. 13 самолетовылетов на с. Банное, сброшены бомбы, листовки.

30.4.43 Артиллерийские бригады вели огонь по воспреещению оборонительных работ. Налеты авиации, но бомбометания нет.

1.5.43 Снайперы 1 батальона убили 2 фрица. Авиация противника произвела 4 вылета. Обстреляли с. Банное, бомбы не сбрасывали.

2.5.43 Части обороняют прежние рубежи. Противник вел сильный минометный и пулеметный огонь по западной окраине с. Банное. 19 самолетовылетов сбросили свыше 100 светозажигательных ампул. Несколько ампул упало в р-не КП. Горит с. Банное.

3.5.43 Без изменений.

4.5.43 Перегруппировка батальонов. Во второй половине дня на окраине с. Банное сброшены бомбы. Горит.

5.5.43 Противник в 17.00 со стороны Мыневское вел артиллерийский огонь из 105 мм пушек по р-ну ст. Святогорская, выпущено 70 снарядов.

6.5.43 Частичная перегруппировка. Штрафная рота занимает лес юго-западнее Яровая. Рота автоматчиков – канифольный завод.

7.5.43 В ночь с 6 на 7.5. непосредственно к реке выдвинута 2 стр. рота 3 батальона взвод автоматчиков. В действиях противника изменений нет.

8.5.43 Без изменений.

9.5.43 Наша артиллерия в районе Татьяновки уничтожила зенитный пулемет.

10.5.43 Во второй половине дня противник вел интенсивный артиллерийский и минометный огонь Потерь нет. Частичная перегруппировка.

11.5.43 Нашим минометным огнем уничтожен танковый пулемет. В Татьяновке разбит дзот, из артиллерийского окопа выброшена 37 мм пушка.

12.5.43 Уходим в новый р-н обороны: дом лесника – юго-западнее Яровая, совхоз «Комсомолец», железнодорожные казармы севернее Яровая.

13.5.43 Редкий артиллерийский и минометный огонь.

14.5.43 В ночь с 14 на 15.5. 2-й батальон и рота автоматчиков сдают участок обороны 185 гвардейского стрелкового полка и в резерв командира бригады на Святогорскую.

15.5.43 Ружейно-пулеметный огонь в р-не Татьяновки.

16.5.43 2 батальон занял новый рубеж обороны: устье р. Нитриус – Новоселовка. Передний край непосредственно по берегу реки.

17.5.43 Редкий обстрел.

18.5.43 Частичная перегруппировка. 1стрелковый батальон

– перед Богородичное, 4 стр. батальон и 4/ОАД – севернее с. Банное. Передний край – по берегу Донца.

19.5.43. - 20.5.43 Без изменений.

21.5.43 В ночь с 20 на 21 мая произведена разведка боем в направлении Мыневское, захвачен пленный.

22,23,24.5.43 Положение прежнее.

25.5.43 Артиллерия бригады подавляла огонь противника.

26.5.43 В ночь с 25 на 26 мая в р-не отметки 93,5 штрафники произвели разведку, захвачен пленный.

27.-30.5.43 Без изменений. Частичная перегруппировка. Укрепление обороны.

6 июня – 2 рота автоматчиков прочесала лес северо-западнее Студенок (включая Крымки, Александровку). В лесу обнаружено до 90 семей (400 чел.) гражданского населения. Население собрано в три группы в районе казарм (Святогорская) – 1,5 км от Студенок для эвакуации.

22.6.43 В 0.30 мин противник численностью до 30 чел. на 6 лодках в р-не Татьяновки пытался форсировать С. Донец. Огнем нашей артиллерии и минометов попытка противника была предотвращена. Одна лодка потоплена, вторая – разбита.

В ночь с 21 на 22 июня группа разведчиков переправилась на берег противника, где в засаде вела наблюдение до утра 23 июня.

Без значительных и существенных изменений в обороне бригада стоит до начала наступления.

17.7.43 Начало наступления.

17.7.43 Дивизия перешла в наступление. К 17.00 двумя полками форсирует Донец:

990 стрелковый полк – Банновский, 986 стрелковый полк – северо-западнее роши с водокачкой, 988 стрелковый полк – на северном берегу Донца на участке восточнее Богородичное-Мыневское. Противник оказывает сопротивление из Мыневское-Богородичное, задерживая продвижение частей дивизии сильным артогнем. Переправы обстреливаются артиллерийским и минометным огнем противника.

990 стрелковый полк – Банновский (южнее): 2 и 3 батальоны 990 стрелковый полк южная окраина Банновский (южн). 1 батальон 990 стрелковый полк – северная окраина Банновский (южн) за стыками 2 и 3 батальона. Дальнейшему продвижению 990 стрелкового полка противник оказывает упорное сопротивление артиллерийским и пулеметным огнем из дзотов из района монастыря, памятника Артему, электростанции.

988 стрелковый полк 1 батальон против Мыневское, 2 батальон в районе Дома отдыха запад Банновский (сев.) и 3 батальон на фронте Малая Еремовка – Богородичное.

986 стрелковый полк – три батальона в линию достигли рубежа отм. 3,5 и северо - восточнее опушки роши с водокачкой. Противник оказывает упорное сопротивление (убиты 50, ранены 120). Связь с правым соседом отсутствует.

20.7.43 Зам командира дивизии по строевой части Береговских по ранению выбыл из части. Части дивизии в положении:

988 стрелковый полк – юго-западная окраина с. Богородичное.

986 стрелковый полк тремя опорными пунктами занял исходное положение:

один батальон – северо-западная окраина с. Богородичное, второй батальон – юго-западная окраина с. Богородичное, третий батальон – южная окраина с. Богородичное. Средств усиления нет.

21.7.43 Приказ о переходе в наступление с задачей овладеть выс. 199,5 и северной опушкой рощи до надписи Шульгин Яр, в дальнейшем наступать в направлении Хрестищи.

Поддерживает 99 пап и 58 гмп. Выполняя распоряжение штакора части дивизии в 6.00 перешли в атаку и к 8.00 достигли:

990 с.п. – юго-западные скаты выс. 199,5, ведя наступление вдоль дороги Богородичное-Хрестищи, справа – в направлении развилки дорог.

988 с.п. – южных скатов выс.199,5.

986 с.п. – двумя батальонами юго-восточных скатов выс.199,5.

Противник оказывает упорное сопротивление. Авиация противника проявляет активность, бомбит Богородичное. Части дивизии выдержали три бомбежки больших групп самолетов противника.

При налете на КП дивизии тяжело ранен нач. штаба подполковник Берестенев, по прибытии в медсанбат дивизии – умер. Нач. штаба назначен майор Ченцов.

22.7.43 Продолжается наступление почти с тех же позиций.

988 с.п. достиг развилки дорог Богородичное – Хрестищи и Голая Долина – Хрестищи и седлает эти дороги к 19.00. Авиация противника активна. В 11.00 бомбили р-н с. Богородичное. Замечены танки противника. В 990 стр. полку осталось с тылами и комсоставом 342 чел., из них активных штыков – 60. От остальных частей сведений нет.

23.7.43 Получены сведения, что противник сосредоточил до 2-х полков пехоты с артиллерией. Отмечено прибытие войск в Славянск. Предположительно 23-24 июля возможны усиленные контратаки противника. Части предупреждены и подготовлены.

24.7.43 988 стр. полк закрепляется на развилке дорог Богородичное – Хрестищи и Голая Долина –Хрестищи фронтом на северо-западную опушку леса. «Тигр». Наши потери – 147 чел.

26-27.7.43 Части дивизии занимают положение, указанное 24 июля. Производят усовершенствование позиций. На 12.00 в дивизии осталось 190 активных штыков.

28.7.43 990 и 986 стр. полки продолжали выполнять поставленную задачу по овладению рощей «Малая», 988 стр. полк занимает оборону на прежнем рубеже. 11.30 бомбежка юго-востока с. Богородичное. С появлением нашей авиации завязались воздушные бои. К 20.00 990 стр. полк и 986 стр. полк продолжают вести наступление, преодолевая упорное сопротивление противника, медленно продвигаются вперед. 986 стр. полк имеет 15 активных штыков, 990 стр. полк – 20.

30.7.43 Части дивизии сдали свои боевые порядки частям 50 стр. дивизии и 243 стр. дивизии и выведены из боя.

31.7.43 Дивизия выбывает в резерв Ставки. Потери с 15 по 24 июля = убиты 628, ранены – 2943 чел.

*Архив МО СССР, ф. 1507,
оп.1., д. 55, л. 16-32.*

Разведка боем на рубежах Северского Донца
в период февраля – июня 1943 г.

Вражеский наблюдательный пункт на рубеже обороны

И. Н. Руссиянов

Генерал-лейтенант

Участник гражданской войны.

В 1943 году командующий 1-м механизированным корпусом 8 гвардейской армии Юго-Западного фронта.

За мужество и массовый героизм в боях с немецко-фашистскими захватчиками 100-я стрелковая дивизия, которой командовал И. Н. Руссиянов, была преобразована в 1-й механизированный корпус, принимавший участие в боях за освобождение плацдарма на правом берегу р. Северский Донец в июле – сентябре 1943 г.

КОРПУС ПОЛУЧАЕТ ЗАДАЧУ...

13 июля 1943 года части 1-го гвардейского механизированного корпуса, находившиеся в резерве в районе Сватова, получили боевой приказ. Гвардейцам предстояло к утру 14 июля сосредоточиться в районах Россоховатое, Высокое, Гороховатка и быть готовыми к действиям в западном и юго-западном направлениях.

Когда стемнело, колонны двинулись к фронту по нескольким дорогам. Машины шли с притушенными фарами, тяжелые тягачи тянули на прицепах орудия, приглушенно урчали моторами «тридцатьчетверки» танковых полков и 9-й гвардейской танковой бригады.

Впереди по горизонту небо затянуло расплывчатое малиновое зарево, все отчетливее и громче слышался гул артиллерийс-

кой канонады, над передним краем то справа, то слева взлетали осветительные ракеты.

Противник в полосе действий корпуса прочно удерживал рубеж обороны частями 46-й и 333-й пехотных дивизий, имея ближайшие тактические резервы в районе Долгенькой и в лесу южнее. Оперативные резервы, по данным разведки, располагались в районе Барвенково и Славянска. Вся глубина немецкой обороны была насыщена мощными противотанковыми полями.

Хотя местность в полосе ввода корпуса в прорыв была сильно пересеченная, насыщенная большим количеством балок и оврагов, затруднявших маневр по фронту, пути подхода к исходным районам позволяли сосредоточить корпус скрытно от противника: по левому берегу Северского Донца почти всюду были довольно обширные леса и рощи.

Однако большие препятствия для передвижения представляли поймы реки, превратившиеся местами в болота. Действия корпуса при вводе в прорыв осложнялись и наличием всего одного брода. Правый берег Донца был крут, труднопреодолим для танков и особенно для колесных машин.

17 июля в 6.50 после мощной артиллерийской подготовки стрелковые части 8-й гвардейской армии (командующий генерал-лейтенант В. И. Чуйков) начали форсирование Северского Донца и атаку рубежа обороны противника на правом берегу. Эти действия должны были обеспечить ввод в прорыв подвижной группы армии – 1-го мехкорпуса.

Опираясь на сильно укрепленные узлы сопротивления, противник прочно удерживал занимаемые рубежи. Темпы наступления 29-го стрелкового корпуса замедлились. Тогда командующий армией В. И. Чуйков приказал механизированному корпусу прорвать вражескую оборону и, войдя в прорыв по направлению Тихоцкий – Долгенькая, ночными действиями

развивать наступление 29-го корпуса. Располагая только двумя переправами, которые удалось навести к этому времени под огнем врага, части корпуса начали выполнять поставленную задачу.

9-я гвардейская танковая бригада подполковника А. Д. Белоглазова ночью 18 июля в полном составе переправилась через реку и двинулась на запад. После двухчасового ночного боя она в составе 2-го танкового батальона овладела Сухой Каменкой и устремилась дальше в общем направлении на Красноармейск.

С утра вошли в прорыв и другие части корпуса. 1-я гвардейская Краснознаменная мехбригада, разбив противника на промежуточных рубежах, овладела Красным Яром и погнала вражеские части к Голой Долине (ныне село Долина). В исключительно неблагоприятных условиях танкисты-гвардейцы сражались мужественно и стойко. Экипажи боевых машин действовали четко, слаженно и умело.

И все же бои приняли ожесточенный и затяжной характер. Гитлеровцы бросали в контратаки тяжелые танки и пехоту. Почти не переставая, с воздуха бомбили «юнкеры» – до шестидесяти самолетов одновременно. Но корпус во взаимодействии с соседями сумел захватить инициативу, прочно закрепился на отвоеванных у противника рубежах, настойчиво продвигался вперед. Танкисты, мотострелки, артиллеристы, связисты, минометчики, саперы – все действовали в этих боях инициативно, решительно и смело.

Одним из мотострелковых батальонов 2-й гвардейской мехбригады командовал гвардии майор Е. Я. Лишенко. Противник, опомнившийся от первого удара, бросил в контратаку танки.

Страшная картина боя открылась перед майором Лишенко с его командного пункта. Горит окутанное густым дымом село, справа на фланг батальона ползут танки, роту Карпова обходят немецкие автоматчики, укрываясь в зарослях небольшой рощи-

цы. Появились и начали бомбить боевые порядки гвардейцев «юнкеры».

Командир батальона почти не отрывается от трубки телефона и от микрофона батальонной радиостанции. Минометчикам он приказывает прикрыть огнем роту Карпова, истребителей танков выдвигает на правый фланг, по телефону отдает распоряжение Карпову поднять своих гвардейцев врукопашную. Грохнул неподалеку снаряд, сверху посыпались комья земли. Лишенко лишь на минуту пригибает голову, отряхивается и опять продолжает руководить боем.

Командир бригады гвардии подполковник А. Т. Худяков запрашивает по радио обстановку.

– Иду вперед! – докладывает Лишенко.

Умело, по-гвардейски, бьют врага его отважные солдаты. Вот гвардии сержант Сергей Животнов и гвардии старшина Федор Кононов ворвались в немецкий блиндаж, одного офицера взяли в плен, других уничтожили. Расчет противотанкового орудия гвардии старшины Аркадия Галкина выкатил свою пушку в боевые порядки пехоты на прямую наводку и подавил пять огневых точек, истребив при этом почти два взвода гитлеровцев. И когда командир бригады вновь запрашивает обстановку, уточняет положение батальона, Лишенко отвечает коротко и четко:

– Продолжаю выполнять задачу.

В районе населенного пункта Пасека гвардейские роты закрепились и трое суток удерживали свои позиции, отражая яростные контратаки вражеских танков, мотопехоты, авиации. Более 300 фашистских солдат и 15 танков уничтожил за эти три дня батальон майора Е. Я. Лишенко.

Пример высокого мужества и воинского мастерства в этих боях показали и воины 2-й роты 19-го гвардейского танкового полка. Несмотря на сильный огонь, командир роты старший

лейтенант М. В. Власенко на большой скорости врезался своим танком в расположение противника, обнаружил минометную батарею и уничтожил ее со всей прислугой. Неожиданно прямым попаданием снаряда танк Власенко был подожжен. Но смелый механик-водитель гвардии старшина А. Тюрин не выпустил из рук рычагов управления и повел «тридцатьчетверку» прямо на скопление вражеской пехоты: он решил сбить пламя. Танк ворвался в расположение гитлеровцев и их артбатареи, сокрушая орудия, давя солдат. Уничтожив две противотанковые пушки вместе с расчетами и более 20 немецких солдат, Тюрин наконец сбил пламя и ринулся на огневую позицию фашистских минометчиков. Открыл огонь из пулемета радист-пулеметчик, опять заговорило орудие.

– Продолжать атаку! – скомандовал по радио Власенко. – У меня все в порядке! Вперед на врага! Даешь Донбасс!

Четыре вражеских танка уничтожил в тот день экипаж лейтенанта Брагина, три «тигра» подбил из орудия своего танка младший лейтенант Владимир Шульга. Командир башни сержант Павлов заменил тяжело раненого командира экипажа и, продолжая атаку, сжег один немецкий танк и подбил другой.

А вот какой подвиг совершил экипаж командира взвода гвардии лейтенанта Овчинникова³. Его машина на предельной скорости ворвалась на позиции противника. Пушка и пулеметы вели такой шквальный огонь, что, казалось, перед этой «тридцатьчетверкой» не устоит никакая преграда. Танк раздавил гусеницами три противотанковых орудия, точными выстрелами подавил несколько огневых точек, мешавших продвижению пехоты, нацелился на минометную батарею. И в эту секунду сбоку прямо в упор ударило по нему орудие. «Тридцатьчетверка» остановилась, задымила, потом над нею вспыхнуло рыжее смолистое пламя. Танкисты долго отстреливались от заседав-

3 К сожалению, имена и отчества многих бойцов и офицеров не удалось установить.

ших на них немцев, вели огонь из пушки и пулеметов. Наконец, когда вся машина превратилась в жарко полыхавший костер, гвардейцы передали по радио своим товарищам: «Все тяжело ранены, выйти не можем, будем драться до последнего снаряда. Прощайте. Да здравствует Родина!».

То, что совершил экипаж танка, видела гвардейская пехота, залегшая под губительным огнем противника. Стиснув зубы, гневно сжимая ложа автоматов, многие бойцы со слезами на глазах смотрели на замершую среди немецких траншей «тридцатьчетверку» гвардии лейтенанта Овчинникова. Танк горел, над ним стояли клубы густого черного дыма. Но его орудие продолжало стрелять по врагу. И тогда батальон, как один человек, без команды поднялся в атаку, воздавая этим дань светлой памяти героически погибших боевых друзей-танкистов бесстрашного экипажа лейтенанта Овчинникова. Вечная им слава!

Воины-первогвардейцы в боях на земле донецкой еще раз доказали, что нет силы, способной сдержать их наступательный порыв, остановить их на пути к победе.

За отличные боевые действия по освобождению Донбасса всему личному составу 1-го гвардейского ордена Ленина механизированного корпуса приказом Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1943 года объявлена благодарность. Многие гвардейцы были награждены орденами и медалями.

Печатается по: Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания. Изд. 3. – Донецк: «Донбасс», 1971, с. 17 – 21.

Действия механизированного корпуса
в западном и юго-западном направлении

Подбитый немецкий танк

В. В. Графчиков

Гвардии майор

Начальник разведки 79-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии.

О БОЯХ ДИВИЗИИ НА ПЛАЦДАРМЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА С 17 ИЮЛЯ ПО 7 АВГУСТА 1943 ГОДА (отрывки рукописи)

17 июля 1943 г. 8-я гвардейская армия мощной артиллерийской подготовкой начала форсировать Северский Донец, имея задачу наступать на Изюм, Барвенково и дальше.

Наша 79 гвардейская стрелковая дивизия в первый день наступления, т.е. 17 июля, участия не принимала, она была во втором эшелоне и должна была вступить в бой для развития успеха армии в наступлении. Вся наша артиллерия дивизии по приказу штаба армии была привлечена к участию в артподготовке утром 17 июля. Штаб командующего артиллерией дивизии гвардии полковника Мартыщенко заранее выехал на местность, где предполагались артпозиции, а разведчики дивизионной разведроты с утра 17 июля получили задачу на разведку наблюдени-

ем с двух наблюдательных пунктов с задачей засекать огневые точки противника.

Рано утром 18 июля 1943 г. наша дивизия получила приказ штаба корпуса форсировать реку Северский Донец и наступать на южную окраину с. Богородичное, Голая Долина и дальше в направлении г. Славянска. Было указано место форсирования Северского Донца в районе 1,5-2 км юго-восточнее Святогорска, где есть излучина Северского Донца и сразу идет ровный луг, а затем дорога поднимается в гору. Памятник Артему остается справа.

Как только был получен приказ на введение в бой нашей дивизии, штаб приступил к подготовке частей к форсированию Северского Донца. Мне, начальнику опертдела Фалину и инженеру дивизии Кондратьеву командир дивизии Батюк приказал немедленно выехать на место предполагаемой переправы, изучить подходы к ней, организовать укрытие подходящих к переправе подразделений. Связистам дан был приказ тянуть туда проводную связь.

Нам выделялось 10 лодок. Переправить мы должны были только пехоту с пулеметами и боеприпасами. Инженер дивизии Кондратьев приказал саперам отрыть на берегу траншеи для размещения примерно 100 человек и оборудовать блиндаж для узла связи и руководства переправой.

Артиллерия и минометы нашей дивизии должны были занять огневые позиции на левом берегу Северского Донца и поддерживать огнем наступление пехоты. Предполагалось, что артиллерия переправится через Северский Донец, как только будет наведен мост на южной окраине с. Богородичное.

Нужно было тщательно соблюдать маскировку, чтобы авиация противника не заметила скопление нашей пехоты и не нанесла бы бомбовый удар. Проделав всю подготовку, примерно в два часа дня мы приступили к переправе.

Из саперного батальона дивизии, по два человека в каждой лодке, заняли места на веслах. В первую очередь мы стали переправлять два взвода разведывательной роты дивизии во главе с командиром роты гв. старшим лейтенантом Рудаковым и командиром взвода Титовым. За ним разведывательный взвод 216 гв. стрелкового полка. Потом мы вызвали 1-й батальон 216 гв. стрелкового полка.

Переправа шла быстро, река неширокая, скорость течения средняя. Все переправившиеся должны были двигаться со своими командирами вперед, рассредоточиться и быть готовыми открыть огонь. Когда пехота 216 гв. стрелкового полка была переправлена полностью, переправился штаб полка и приступил к выполнению боевой задачи – наступать на южную окраину с. Богородичное. Разведчики, которые переправились первыми, имели задачу войти в соприкосновение с противником в нашей полосе наступления, определить силы и средства противника. Нужно было сразу выяснить: находится ли противник в траншеях, проходящих по высокому берегу Северского Донца, какие траншеи оставил, а какие еще занимает. Дело в том, что наша 79 гв. стрелковая дивизия, переправившись через Северский Донец и начав наступление на Богородичное и Долину, зашла с тыла немецких окопов, минных полей и проволочных заграждений, т. е. с юго-востока и юга.

Через полтора часа мною были получены первые разведывательные данные. На левом фланге в лесу был взят пленный 387 пехотной дивизии 537 пехотного полка. Пленный показал, что полк только что прибыл из под Славянска, готовится к бою. Эти данные были очень ценные, о них мы немедленно сообщили в корпус. Противник к нашему участку фронта начал подтягивать дополнительные силы. Еще не полностью был переправлен 216 гв. стрелковый полк и авиация противника обнаружила нашу переправу и часов в 5 дня совершила налет. 9 самолетов, бом-

бардировщиков двумя заходами начали бомбить переправу. Во время налета авиации пехота, подошедшая к переправе, укрылась в траншеи, а мы – в блиндаже. Бомбы рвались рядом, нас обдало гарью, землей. Вероятно, эти же самолеты прилетали еще раз и бомбили нашу переправу. Но потери они нам не нанесли, было ранены три или пять человек. Переправа продолжалась до тех пор, пока все не были переправлены.

Около 16.00 к нам на переправу прибыл комдив Батюк. Он приказал В. М. Кондратьеву оставаться на переправе, а меня и Фалина пригласил с собой в лодку. Мы переправились через Северский Донец и позади пехоты двинулись по направлению к Богородичному, за нами связист сразу же потянул телефонный провод.

216 гв. полк (как только вышел на уровень с. Банное) стал уничтожать пехоту противника в его траншеях и успешно продвигаться на Богородичное, его южную окраину (северная часть Богородичного была взята 17 июля не нашей дивизией), а другой полк стал по дороге, идущей из Богородичного на Долину, гнать немцев к Долине. 220 гв. стрелковый полк и часть пехоты 227 гв. стрелкового полка к концу 18 июля вышли к саду и роще, что южнее Долины. С наступлением темноты бой затих. Наши части стали приводить себя в порядок, пополнять боеприпасами пехоту и принимать меры для того, чтобы накормить всех горячей пищей. Разведчики получили задачи на разведку ночью, наблюдение, подслушивание и захват «языков» в полосе действия дивизии.

Что представляла собой оборона противника? У немцев было достаточно времени на подготовку оборонительного рубежа, поэтому она была очень сильной. В основном у противника было два рубежа обороны. Один проходил по высокому правому берегу Северского Донца, состоял из двух траншей, проходивших на расстоянии 50-70 метров друг от друга. С бе-

рега далеко просматривался левый низкий берег, и противник мог поражать своим огнем на значительное расстояние всех, кто появится на левом берегу реки, а водная преграда усиливала первый рубеж обороны. Два ряда траншей полного профиля, разветвленные хода сообщения позволяли немцам свободно маневрировать живой силой. Хорошо были сделаны пулеметные площадки и обширные подбрусверные ниши, где хранился запас боеприпасов и можно было укрыться от огня. Блиндажи для узлов связи и командного состава были оборудованы тремя накатами. Впереди траншей по всему фронту – колючая проволока, на нее привязаны банки, бутылки и другие гремящие предметы. В некоторых местах были сделаны завалы из деревьев. В наиболее открытых местах – поставлены противопехотные мины. Вторая линия обороны перед фронтом нашей дивизии проходила вблизи деревни Голая Долина, где дома были приспособлены противником к обороне.

Против нас оборонялась 387 пехотная дивизия в составе 72 пехотного полка и 537 пехотного полка (были они в полном комплекте). Пехоту поддерживала большая группа минометов, в том числе шестиствольные. Артиллерия располагалась недалеко от переднего края, в лощинах. Восточнее Долины была батарея крупного калибра. В дубовой роще, что южнее Долины, находилась мощная группировка гаубичной артиллерии. В глубине обороны между первым и вторым рубежами были оборудованы самостоятельные узлы обороны, взаимосвязанные огневой системой.

Наблюдательный пункт командира дивизии и вся оперативная группа штаба дивизии к концу 18 июля расположилась на возвышенности во второй линии траншей противника первого рубежа обороны. Наблюдательный пункт был юго-восточнее Богородичного и примерно на 1 км юго-западнее с. Банное.

Рано утром 19 июля наша артиллерия, минометы, пехотный и

конный транспорт с продовольствием, боеприпасами, походные кухни переправились через Северский Донец по понтонному мосту, который очень быстро был наведен в ночь на 19 июля армейскими инженерными частями. Этот мост был в том месте, где сейчас построен капитальный мост на южной окраине с. Богородичного.

Недалеко от моста в Богородичном 19 июля разместился штаб нашей 79-й гв. стрелковой дивизии. С утра 19 июля части стрелковых полков при поддержке артиллерии начали наступление на Долину и южнее Долины. Противник оказывал упорное сопротивление, разгорелся сильнейший бой. Авиация немцев с середины дня группами по 9-12 самолетов многократно бомбила порядки наших войск. К вечеру силами до 100-150 солдат противник начал переходить в контратаки на позиции 216 и 220 гв. стрелковых полков.

20 июля началось наступление наших полков на высоту 199.5 и Голую Долину. 227 гв. стрелковый полк перехватил дорогу, идущую от Долины на Хрестищи. Во второй половине дня противник атаковал наши боевые порядки танками на всех участках до 50 единиц бронетехники. 20 июля 1943 г. во второй половине дня наши наблюдатели заметили движение танков с западной окраины Долины. К вечеру эти машины атаковали наши позиции в полосе 220 и 216 стрелковых полков. В этот день наши артиллеристы пушками прямой наводкой успешно отразили атаки и несколько танков подбили.

Командир дивизии Батюк немедленно сообщил об этом командиру корпуса Гурьеву, а тот в свою очередь – командующему 8-й гв. армии В. И. Чуйкову. Через очень короткое время к нам на НП поступил приказ: в ночь на 21 июля захватить в плен танкиста и выяснить, к какой части противника принадлежат танки и откуда они сюда прибыли.

При допросе пленного выяснилось, что он рядовой танкист, принадлежит к танковой дивизии СС «Викинг». Один полк этой

дивизии прибыл из-под Харькова и с ходу вступил в бой. Ожидается прибытие всей дивизии в течение 21 и 22 июля. Задача танковой дивизии СС «Викинг», как показал пленный – разбить и уничтожить русских на плацдарме на Северском Донце, а сам плацдарм во чтобы то ни стало ликвидировать. Пленный рассказал о количестве танков и мотопехоты в полку и множество других сведений, интересовавших нас, разведчиков.

Хорошо выполненная задача по захвату «языка» помогла нашему командованию вскрыть подход свежих сил противника и его намерения.

21 и 22 июля бои приняли самый ожесточенный характер. Наступали наши части, и в тот же момент в наступление переходил противник. Вражеская авиация с самого утра действовала активно, группы до 20 самолетов 21 и 22 июля висели постоянно над полем боя дивизии. Танки противника двинулись на нашу пехоту с двух направлений: из Хрестища и западной окраины Долины. Позади танков двигалась мотопехота.

Наши части вынуждены были оставить Долину и несколько отступить. Танки противника прорывались к артиллерийским позициям нашей дивизии. Однако немецкая пехота была отрезана от танков огнем и далеко продвинуться не смогла. В эти два дня наша дивизия понесла самые большие потери. 21 июля 1943 года погиб командир батареи 172 гв. артиллерийского полка старший лейтенант Илья Захарович Шуклин. Его батарея стояла в саду, восточнее Долины, и сдерживала атаку танков противника. Вся батарея погибла, но не отступила.

Однако и враг понес огромные потери в живой силе и технике. До 30-ти танков было подбито и сожжено на нашем участке. Была захвачена одна тяжелая батарея противника и много разного оружия. Трупы немцев не убирались, лежали прямо-таки навалом, причем разлагались они быстро, поскольку погода стояла жаркая. При западном ветре нечем было дышать.

Рано утром 22 июля 1943 года противник после краткого артиллерийского налета начал танками и пехотой атаковать позиции наших дивизий. Минометы немцев открыли сильнейший огонь, особенно свирепствовали шестиствольные. Самолеты группами по 9-12 бомбардировщиков чуть не по головам ходили! Разгорелся ожесточенный бой на всем фронте дивизии. Мы с НП не видим ни нашу пехоту, ни противника, все покрыто дымом и пылью. Только слышим, что наша пехота и пулеметы ведут огонь на полную мощь. Артиллерия непрерывно ведет огонь по противнику. Командир дивизии Батюк позвонил в штаб дивизии Садовскому и приказал всех офицеров политотдела штаба дивизии направить в стрелковые полки для отражения вражеских атак. Примерно в 12.00 дня командир 227 гв. стрелкового полка Горячев сообщил, что на него из леса восточнее Хрестища развернутым строем движется до 500 солдат противника и что он просит помощи огнем артиллерии. Из 220 гв. стрелкового полка сообщили, что их атакуют танки и пехота. Командующий артиллерии дивизии гв. полковник И. В. Мартыщенко по телефону отдал приказ сосредоточить огонь то в одном месте, то в другом месте.

Командир дивизии Батюк непрерывно говорил с командирами полков, то по телефону, то по радио, отдавал приказы и распоряжения. Начальник оперотделения Фалин едва успевал все это записывать, чтобы все приказания правильно подтвердить письменно. Часа в 3 дня из 227 гв. стрелкового полка сообщили, что противник ворвался в окопы полка на фронте 2-го батальона, командир батальона гв. капитан Котов убит, командир 3-го батальона Шурюумов ранен. Командир полка Горячев просит помочь огнем и людьми, чтобы восстановить положение. Командир дивизии Батюк, обращаясь ко мне, говорит: «Гвардии майор Графчиков, настал твой черед сходить в атаку со своими разведчиками. Не хотелось мне использовать твоих

бойцов не по назначению, но делать нечего. Берите 30 человек и отправляйтесь быстрее в 227 полк. Соберите на месте всех, кого можете, солдат и офицеров, договоритесь с Мартыщенко и минометчиками, чтобы они по-настоящему помогли вам огнем, атакуйте противника и отбейте у него наши позиции».

Я немедленно построил 30 разведчиков во главе с командиром взвода Титовым, объяснил нашу задачу, и мы бегом двинулись на левый фланг дивизии, в 227 гв. стрелковый полк. Договорился с артиллеристами, что как только все к атаке будет готово, я позвоню и сообщу координаты противника.

Вместе с офицерами штаба полка и, в частности, с начальником разведки полка капитаном Константином Константиновичем Устюжаниным, который оказался здесь с разведывательным взводом полка, собрали солдат 2-го батальона и часть 3-го батальона, всего нас стало примерно 150 человек. Я разъяснил всем боевую задачу: атаковать противника и занять оставленные окопы, закрепиться в них и держаться до последней возможности. Ни шагу назад! Отдельно были поставлены задачи пулеметчикам. Под руками оказалось 5 пулеметов с расчетами.

Когда подготовка к атаке была закончена, я из штаба батальона 227 полка связался по телефону с гв. полковником Мартыщенко, чтобы он открыл огонь по позициям противника. Наша артиллерия произвела мощный артиллерийский налет. Во время артобстрела мы перебежками сближались с противником. Как только огонь артиллерии и минометов был перенесен в глубину позиций противника, сразу же все пулеметы «Максим» открыли огонь, и мы поднялись во весь рост и бегом с криком «За Родину! Ура!» ворвались в окопы и начали по траншеям добивать немцев, которые не успели отступить и были еще в окопах. Наша атака была настолько стремительной, что немцы были ошеломлены и парализованы. Во время артналета они попрыгали в траншеях, а когда артиллерийский и

минометный огонь был перенесен в глубину, немцы даже не успели высунуться из траншей, а мы уже оказались над ними. Потери противника были большие, особенно от меткого огня артиллеристов и минометчиков. Наши солдаты выбросили всех убитых фрицев из траншей и приступили к организации огня на переднем крае. Расставив пулеметы «Максим», ручные пулеметы, подготовились к отражению атак противника. Разведчики до позднего вечера вели огневой бой, затем собрали документы убитых немцев, захватили в плен двух раненых солдат и немедленно отправили их в штаб дивизии. При допросе пленных и после изучения документов выяснилось, что мы имеем дело с 72 пехотным полком, который прибыл на наш участок с другого участка фронта. Это были очень ценные сведения. Немецкое командование любой ценой стремилось ликвидировать плацдарм на Северском Донце. По показаниям пленных ожидалось прибытие на наш участок фронта других новых частей. Все эти сведения немедленно были доложены в штаб корпуса.

Поздно вечером в окопы пришел начальник штаба 227 гв. стрелкового полка майор Питерский, привел с собой человек 25 солдат и передал мне, чтобы я со своими разведчиками снялся с позиций и вернулся на НП командира дивизии. В этом бою потери разведчиков были такими: один убитый и 4 человека раненых.

В то время в штабе дивизии были уверены, что противник самые сильные атаки предпринимает на фронте нашей дивизии. Именно здесь он ввел в бой свежие силы танковой дивизии СС «Викинг», 72 пехотный полк. Очень активно действовала авиация, которая только над нашей дивизией с 19 по 27 июля делала ежедневно по 150-200 самолетоналетов. Нам казалось, что именно здесь, в Долине и Богородичном, противник наносит главные удары, чтобы ликвидировать плацдарм на Северском Донце. Штаб дивизии эти сообщения донес в штаб корпуса и в штаб армии В. И. Чуйкову.

После того, как мы изложили наши соображения, на участке 79-й стрелковой дивизии стала чаще появляться наша авиация, а также «Катюши». Стало несколько легче отражать яростные атаки противника.

Утром 24 июля 1943 года командиру дивизии Н. Ф. Батюку на НП дивизии позвонил командир 28 гв. стрелкового корпуса генерал-майор С. С. Гурьев и сообщил, что на НП нашей дивизии прибудет командующий Юго-Западным фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский и что командующий армией В. И. Чуйков будет сопровождать Малиновского. С. С. Гурьев просил Батюка, чтобы он прислал офицера встретить их у моста через Северский Донец на южной окраине Богородичного. Н. Ф. Батюк приказал мне подготовиться идти встречать Малиновского и Чуйкова и сказал, что тебя Чуйков и Гурьев хорошо знают лично, поэтому давай готовься, да и такое большое начальство, как командующий фронтом, нечасто бывает на дивизионном наблюдательном пункте. Я со своим ординарцем Менделевичем вышел на час раньше, дошли до понтонного моста у южной окраины Богородичного и на правом берегу стали ждать. Ждать пришлось недолго, колонну из четырех «виллисов» мы заметили по поднятой ими на дороге пыли на левом берегу Северского Донца. Когда машины переехали мост, я указал шоферам, чтобы они свернули вправо. «Виллисы» остановились, генерал Гурьев быстрее всех вышел из машины и подбежал ко мне. Я не успел ему сказать еще ни одного слова, а он мне говорит, чтобы я представился командующему фронту Малиновскому. Я подошел к генералу армии Малиновскому и доложил, что гвардии майор Графчиков прибыл Вас встретить и проводить к командиру дивизии. В.И. Чуйков сказал Малиновскому, что это разведчик Батюка, сталинградец (имелось в виду – воевал в Сталинграде). Малиновский спросил меня, где командир дивизии. Я ответил, что на НП. НП командира дивизи-

зии располагался на возвышенности, во второй линии бывших немецких траншей, на опушке прибрежного леса, что примерно в 1 км (а может быть чуть дальше) Святогорска. Когда генерал армии Малиновский, командующий армией Чуйков и командующий корпусом Гурьев со своими адъютантами прибыли на НП к комдиву Батюку, тот по карте и на местности доложил оперативную обстановку перед фронтом дивизии.

Генералы спросили у комдива, в чем дивизия нуждается. Батюк просил пополнения людьми, а Мартыщенко – чтобы давали больше снарядов. Обсуждался и план дальнейших действий дивизии и армии. Существо беседы сводилось к следующему: поскольку против 8-й гв. армии уже с других фронтов противник перебросил несколько дивизий, отдельные полки и танки дивизии СС «Викинг», то, вероятно, в наступлении мы успеха иметь не будем. Поэтому нужно нашим войскам вести активную оборону, истреблять как можно больше живой силы и танков врага. Одновременно надо держать противника в напряжении, не дать ему возможности отвести с нашего фронта ни одной части. Если немцы подтянут на наш участок еще какие-то части и будут атаковать, атаки нужно отразить, отступление недопустимо ни на один шаг. Подчеркивалась необходимость непрерывного ведения разведки. Пробыв на нашем НП больше двух часов, генералы наблюдали огневой бой дивизии. Затем Малиновский, Чуйков, Гурьев со своими адъютантами направились к своим машинам, провожать их не велели, сказали что сами найдут обратную дорогу.

Вечером 24 июля было решено сменить наблюдательный пункт командира дивизии. Новый пункт был оборудован нашими саперами. Связь там работала нормально. Этот НП располагался на безымянной высотке в саду в 500-550 м от Долины и в 200 м слева от грунтовой дороги, идущей от Богородичного на Долину. НП стал очень близок к переднему краю, был оборудо-

ван двумя блиндажами по три наката бревен и просторной смотровой площадкой. На площадке стояла стереотруба – мощный оптический прибор. У трубы всегда находился наблюдатель-разведчик из разведроты или артиллерист, вели тщательный журнал наблюдений.

Комдив Батюк с 25 июля приказал все время находиться на НП кроме меня еще начальнику оперотдела гв. майору Фалину, начальнику артиллерии дивизии гв. полковнику Мартыщенко. На наш же НП в Богородичное перебрался штаб 28-го гв. стрелкового корпуса.

Командующий армией В. И. Чуйков решил по образцу боев в Сталинграде все штабы разместить под носом у противника и этим, конечно, укрепить нашу оборону. В то время наши солдаты и офицеры, когда особенно приходилось тяжело от яростных атак противника, говорили, что за Северским Донцом для нас земли нет.

С 25 по 29 июля каждый день противник атаковал наши позиции пехотой и танками, авиация делала до 100-150 самолетоналетов в день. Однако все атаки врага успешно отражались, противнику наносился очень большой урон. За это время наши части проделали большую работу по инженерному оборудованию позиций и по организации огневой системы.

Успешно работали разведчики. Мы ежедневно брали «языков». Поисками руководили мой помощник – ст. лейтенант Гуренко, переводчик – ст. лейтенант И. И. Зайцев, командир разведроты – К. Г. Рудаков, начальники разведки полков. Мы, как правило, всех пленных допрашивали на местности, чтобы они могли показать конкретно, где и сколько солдат, пулеметов, пушек и танков. Показания пленных дополняли наши данные, полученные наблюдением, подслушиванием, авиаразведкой.

Вечером 27 июля 1943 года, когда наступило относительное затишье, на наблюдательный пункт дивизии принесли ужин. На

НП в это время были командир дивизии Н. Ф. Батюк, командующий артиллерии дивизии гв. полковник И. В. Мартыщенко, начальник оперативного отдела дивизии гв. майор Николай Фалин и я, начальник разведывательного отделения дивизии. С нами также были разведчики, связисты-телефонисты и радисты.

Потом, часов в 10 утра, комдив Н. Ф. Батюк сказал мне, что сейчас я закажу для нас баню, что уж очень хочется помыться. Он позвонил по телефону в наши тылы и распорядился насчет бани, потом сказал, куда выслать машину, чтобы она встретила его. Перед уходом Н. Ф. Батюк сказал, чтобы я оставался на НП, занимался оперативными делами, чаще запрашивал обстановку в полках, а он после обеда пришлет сюда Фалина.

Часа в три дня нам на НП позвонил начальник штаба Садовский и сообщил страшную новость – командир дивизии гв. генерал-майор Н. Ф. Батюк умер. Сначала мы не могли понять, правду ли он говорит, но он вполне серьезно еще раз подтвердил, что в дороге Батюк почувствовал себя плохо, адъютант Граненко повез его в медсанбат, а через 30 минут в медсанбате сердце биться перестало. Вскрытие показало, что умер он от разрыва сердца. Вот так на нем отразилась напряженность боев на плацдарме.

После этого сообщения на НП наступила какая-то угнетающая обстановка, никто не мог выговорить ни одного слова, у всех непроизвольно текли слезы. Нам было очень жаль Батюка как командира, человека и хорошего товарища. Смерть командира дивизии была очень большой потерей для всего личного состава, особенно для нас, офицеров штаба дивизии, ведь мы прошли рядом через бои в Касторной на Брянском фронте, Сталинградское сражение и бои на Северском Донце. Я знал Батюка с декабря 1941 года, со дня формирования дивизии, когда он прибыл на должность комдива подполковником, в Сталинграде стал полковником и по окончании Сталинградской битвы стал генерал-майором. Мы, его соратники, были очень горды,

что у нас командир – генерал. Мы любили своего генерала и часто называли его Батя. Генерал Батюк мастерски руководил боями под Касторной в июле 1942 года, а когда дивизия попала в окружение, он с боями вывел ее оттуда, и дивизия, не потеряв боеспособности, в оборонительных боях наносила врагу чувствительный урон. В Сталинградских боях, в которых дивизия сражалась 137 дней и ночей под командованием Батюка, генерал стоял на самом ответственном участке, на Мамаевом кургане. Там очень ярко и полно раскрылся талант командира дивизии. За Сталинградские бои Батюк был награжден орденом Кутузова II степени и удостоен звания генерал-майора. Дивизии было присвоено звание гвардейской. На Северском Донце дивизия под командованием гв. генерал-майора Н. Ф. Батюка успешно форсировала Северский Донец, вместе с другими дивизиями 8-й армии завоевала плацдарм, а когда противник прилагал максимум усилий, чтобы сбросить нас с плацдарма, это ему не удалось, несмотря на то, что немцы подтянули сюда крупные силы пехоты, танков и бомбардировочной авиации. Здесь в кровопролитных боях дивизия закладывала фундамент для последующего этапа – полного разгрома фашизма и освобождения Украины от оккупантов. Н. Ф. Батюк использовал для этого весь свой боевой опыт, мастерство, личную храбрость и искусство начальника.

Я в похоронах не принимал участие лично. Мне нач. штаба Садовский приказал никуда с наблюдательного пункта не отлучаться, ибо вся оперативная обстановка, вся информация от НП разведчиков, а также полков поступала сюда, на НП командира дивизии, и все наши части к этому привыкли. Здесь в полной мере и полностью чувствовался пульс боя и положения дел перед фронтом дивизии.

Мы, офицеры штаба дивизии, с волнением ждали нового командира дивизии.

30 июля 1943 года из штаба армии нам по телефону сообщили, что к нам командиром дивизии назначен полковник Леонид Иванович Вагин.

В последующие дни наша дивизия вела оборонительные бои, а разведчики продолжали выполнять свои задачи.

В ночь на 7 августа по приказу штаба корпуса мы сдали свой рубеж обороны частям 12-й армии и были отведены на отдых в населенный пункт (вероятно Рубцы) т. к. это было в 7-8 км от Богородичного в северном направлении.

Во второй раз переправлялись через Северский Донец в р-не Студенок. За время боев с 18 июля по 6 августа разведчики взяли 33 «языка». Всего же дивизия захватила в плен около 150 солдат и офицеров. Наша разведка работала хорошо. От штаба 28 стрелкового гв. корпуса дивизия получила хороший отзыв о работе разведотделения (этот отзыв находится в части, в Германии, в комнате боевой славы дивизии). Многие разведчики за эти бои были награждены орденами и медалями. Лично я был награжден орденом Александра Невского.

С 7 по 17 августа 1943 года мы были на отдыхе и готовились к новым боям.

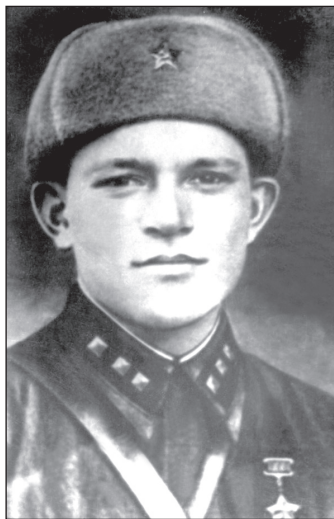
Печатается отдельными частями по рукописи бывшего начальника разведки 79 гв. четырежды орденоносной Запорожской стрелковой дивизии, гвардии-майора В. В. Графчикова «О боях дивизии при форсировании реки Северский Донец и населенных пунктах Богородичное и Голая Долина в период с 17 июля 1943 года». - Научно-вспомогательный фонд Святогорского историко-архитектурного заповедника, № НДФ – 13485.

Командование 79 гв. стрелковой дивизии.
В центре – генерал-майор Н. Ф. Батюк
(последнее прижизненное фото)

Л. И. Вагин, командир 79 гв.
стрелковой дивизии после
смерти Н. Ф. Батюка

И. З. Шуклин – ст. лейтенант,
командир 172 батареи
79 гв. стрелковой дивизии

Приказ о присвоении звания
Героя Советского Союза
Илье Захаровичу Шуклину
(посмертно)

После боя.
Разбитая немецкая техника

Захоронение генерала Н. Ф. Батюка,
Героев Советского Союза А. К. Сечкина и И. З. Шуклина
в центре мемориала Великой Отечественной войны на горе Артема

А. М. Филатьев

Гвардии полковник

Участник боев за освобождение Святогорского плацдарма в составе минометной роты 79 гв. стрелковой дивизии 8-й гв. армии.

Боевое крещение получил в боях на Северском Донце летом 1943 года. Войну закончил на Одере. Прошел путь от солдата до полковника, начальника политического отдела дивизии.

ТАК СРАЖАЛИСЬ МИНОМЕТЧИКИ

– Товарищ сержант, командир взвода приказал к 18.30 прибыть с отделением на построение, – отрапортовал связной. Одернув гимнастерку, он добавил: – Перед маршем митинг будет. Разрешите идти?

– Идите.

В нашем распоряжении оставался всего один час. Передав приказание минометному расчету, я тоже стал собираться в путь-дорогу. Сборы у солдата коротки, а в боевой обстановке – тем более.

Через час мы были в общем строю 3-го батальона. Вскоре показался на лошади командир 216-го стрелкового полка 79-й гвардейской стрелковой дивизии подполковник В. М. Важенин. Он остановил лошадь, спешился и, подойдя к строю, выслушал рапорт комбата, поздоровался с личным составом и обратился к нам с речью.

Затем он зачитал обращение Военного совета 8-й гвардей-

ской армии к бойцам и командирам по поводу форсирования Северского Донца и важности предстоящих боев за Донбасс.

Дружно и горячо выступали гвардейцы. Бойцы и командиры клялись уничтожить ненавистного врага, вернуть Родине Всесоюзную кочегарку.

– Сержант Филатьев, – обратился ко мне стоящий рядом парторг роты Г. П. Брагин. – Вы хотели подать заявление в партию. Готово оно у вас?

– Так точно, товарищ младший лейтенант. Заявление написано, – ответил я и, вынув из кармана гимнастерки листок, подал его парторгу.

После митинга вечером батальон двинулся к передовой линии.

Наступило утро 17 июля. Ровно в 5.00 предрассветную тишину разорвали могучие орудийные залпы. Открыла огонь и наша минометная рота. В небе показались красноезвездные штурмовики. Они шли к переднему краю поэскадрильно. Правый берег Донца покрылся густым облаком дыма и пыли.

Огневой вал на время затих. Началось форсирование реки в районе села Екатериновки (*Татьяновки – ред.*). Солдаты на рыбачьих лодках и плотках, на бочках, камышовых снопах и других подручных средствах двинулись к правому берегу. Наиболее смелые и решительные устремились вплавь.

Фашисты из глубины обороны и уцелевших прибрежных огневых точек открыли огонь. Высоко над рекой вздымались фонтаны воды. Казалось, вода в Донце кипит. Но, несмотря ни на какие трудности, воины рвались вперед, стремясь отвоевать еще один кусочек родимой земли.

Форсирование реки батальоном прошло удачно. Стрелковые роты заняли Екатериновку. Затем снялась с огневых позиций и двинулась к переправе и наша минометная рота. К этому времени саперы успели навести понтонный мост. Во время подхода

роты к мосту из-за высоты вынырнули немецкие самолеты.

– Воздух! – пронеслось над переправой.

– В укрытие! – скомандовал командир роты.

Едва я успел прыгнуть в щель, как над головой послышался надсадный вой моторов и зловещий свист падающих бомб. Грохот неимоверной силы потряс землю.

Фашистские стервятники, сделав несколько заходов, отбомбились и начали разить переправу из пушек и пулеметов. К счастью, появились наши истребители. Фашисты вынуждены были улететь.

– Досталось, братцы, на орехи, – кто-то шутил, поднимаясь из окопа.

– Все целы? – спросил я, стряхивая пыль с одежды.

– Мы-то целы, а вот мост разбили, гады...

– А мы разве плавать не умеем? – подхватился парторг роты младший лейтенант Брагин. – Гвардейцы, вперед! Время не ждет. Стрелкам нужен огонь. За мной! – и первым кинулся к реке.

Пример парторга воодушевил воинов. Кто на плоту, кто на бревне, поддерживая разобранные части минометов, стали переправляться.

Противоположный берег был заминирован. Таблички, выставленные саперами, напоминали о смертельной опасности. Вправо и влево метров на сто в глубину тянулись проволочные заграждения в 3-4 кола. За ними просматривались оборудованные траншеи с пулеметными точками, блиндажами, дотами и дзотами. Даже торчали закопанные в землю самоходные орудия «фердинанды» и тяжелые танки «Т-VI», хвастливо названные фашистами «тиграми».

А стрелковые роты уже вели бой на обратных скатах гребня. Над полем стоял несмолкаемый грохот. Ожесточенно били орудия. Яростно строчили пулеметы и автоматы. Впереди горели танки и автомашины. Пылал сухой бурьян.

Минометчики действовали споро. Подносчики еле успевали носить ящики с минами.

Вдруг яростный крик:

– Немцы!

Группа вражеских автоматчиков бежала к самым позициям, поливая нас очередями. Откуда? Что случилось? Выяснить было некогда. Пришлось принять бой.

– По фашистам – огонь! – скомандовал командир взвода. – Гранаты к бою!

Всю лощину заволочло дымом и пылью. Дышать стало нечем. Стрельба постепенно стихла. Прорвавшаяся группа немцев из десяти солдат была уничтожена.

Мы тоже понесли потери: два минометчика были убиты и трое ранены.

...Две недели шли тяжелые кровопролитные бои на этом плацдарме. Гитлеровцы не могли примириться с потерей оборонительного рубежа на Северском Донце. Нам приходилось отражать по несколько атак в день, вести яростный бой за каждую высоту, за каждую рожицу, за каждый двор и хату.

Только в конце июля напряжение боев несколько снизилось. Пехота основательно окопалась. Минометчики оборудовали огневые позиции в колхозном саду между селами Богородичное и Долина. Противник выдохся, хотя и вел целыми днями методичный огонь из минометов или орудий по району расположения роты. Это страшно изнуряло нас.

В один из таких дней меня окликнул связной:

– Сержант, вас вызывает командир роты.

Выбрав паузу между стрельбой противника, я быстро выскочил из окопа и побежал к ротному. Предстояло преодолеть метров двести, не меньше. Когда я приближался к его окопу, услышал характерное шуршание в воздухе. «Мина», – мелькнуло в голове.

– Ложись! – кто-то крикнул мне из окопа.

Но я напряг все силы и издали прыгнул в окоп. В момент прыжка раздался взрыв мины. Комья земли притрусили меня сверху. Я отряхнулся, поправил пилотку, ремень и доложил о прибытии.

– Садись, Филатьев, – протяжно заговорил командир роты, лицо его сияло от радости. – Ты, видать, в рубашке родился. Счастливый. Ведь мина разорвалась в том месте, где я приказывал тебе залечь. Хорошо, что не послушал меня, а то не сидел бы сейчас рядом.

– Не догадываетесь, зачем мы вас вызвали? – обратился ко мне незнакомый офицер.

– Нет, – выдохнул я, приходя в себя.

– Вы подавали заявление для поступления в партию, – продолжал офицер.

– Подавал.

– Так вот мы пригласили вас на заседание бюро первичной партийной организации батальона, чтобы рассмотреть ваше заявление, – пояснил офицер и обратился к присутствующим:

– Разрешите заседание бюро начать. Возражений нет?

Возражений не последовало. Я догадался, что это был секретарь парторганизации батальона. Кроме него в окопе находилось еще два члена бюро: наш командир роты и заместитель командира батальона по политической части.

Парторг вслух начал читать мое дело по приему в партию. Пока он читал, вблизи окопа разорвались две мины. Гитлеровцы продолжали обстрел.

– Вопросы к вступающему есть? – спросил парторг по окончании чтения анкеты.

– У меня такой вопрос, – произнес замполит: – Как воюете, товарищ Филатьев?

Я смутился, не зная, что ответить. Выручил командир роты.

– Воюет он хорошо. Расчет выполняет свои обязанности добросовестно. Стреляет метко. У меня к нему нет претензий.

– Какая важнейшая обязанность коммуниста на фронте?
– поинтересовался парторг.

– Показывать пример беззаветного служения Родине. Стойко переносить тяготы и лишения походно-боевой жизни. Быть мужественным и стойким в бою, – ответил я, несколько волнуясь.

– Надеемся, что в предстоящих боях вы оправдаете наше доверие, – заключил парторг и поставил вопрос о приеме на голосование.

С приподнятым настроением и какой-то гордостью возвращался я к товарищам по оружию, чтобы поделиться с ними радостью. Жизнь моя наполнилась новым, до сих пор не известным содержанием.

В семь утра после артналета гвардейцы снова пошли в атаку. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. В боях отличились многие советские воины.

Героический подвиг совершили артиллеристы старшего лейтенанта И. З. Шуклина. Его батарея занимала огневые позиции на одном из направлений возможных контратак противника, оседлав дорогу, идущую из Долины на Богородичное.

Дотемна батарейцы дрались в окружении контратакующих вражеских танков. От непрерывного огня раскалялись стволы орудий. Огромными факелами пылали на поле боя подбитые «тигры» и «фердинанды». Заметно поредели и ряды артиллеристов. К вечеру офицер Шуклин остался совсем один. А фашистские танки, изрыгая огонь, продолжали ползти. До последнего снаряда сражался бесстрашный воин. Он погиб в этом неравном бою, но через позиции батареи немецкие танки не прошли. В том поединке было уничтожено 14 танков и 4 автомобиля с пехотой противника. За мужество и храбрость, прояв-

ленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками в Донбассе, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года И. З. Шуклину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Имя его навечно занесено в списки одной из батарей 79-й гвардейской стрелковой дивизии.

Стойкость и мужество проявил старший лейтенант Лучин. Тяжело раненый в ноги, он был окружен десятью фашистами. Офицер не растерялся, принял неравный бой. Восемь гитлеровцев сразил он насмерть, а двое трусливо подняли руки.

Помню такой эпизод. В лесу северо-западнее Богородичного, что под нынешним Славяногорском, противник несколько раз внезапно обстреливал наши подразделения и проезжающие машины с боеприпасами. Было ясно, что здесь остался вражеский корректировщик. Снайперу старшине В. Медведеву, уже имевшему на боевом счету более двухсот вражеских солдат и офицеров, приказали уничтожить фашиста. Стрелял Виктор исключительно метко. Старшина залег у небольшой поляны, притаился, начал осматривать лес. В редких ветвях молодых дубков вряд ли мог спрятаться враг. Чуть в глубине возвышался старый кряжистый дуб с густой вверху кроной. Медведев напряг зрение и слух. Тихо. Листья не шелохнутся. А когда на дороге заурчала машина, ветви на дубе качнулись и раздался выстрел. «Так вот ты где, гад!» – обрадовался снайпер и взял темное пятно на мушку. Прикинув расстояние, нажал на спусковой крючок.

На землю с грохотом упал ручной пулемет. На дубе что-то прошуршало и стихло. Сержант подбежал и увидел болтавшегося на веревке убитого корректировщика. Для надежности он привязался к стволу. Там же был прикручен проволокой и телефон.

Это лишь один характерный эпизод из боевой жизни знаменитого снайпера В. Медведева, удостоенного за беззаветное

мужество и отвагу высокого звания Героя Советского Союза.

Вспоминая грозные события боев на Северском Донце, я с восхищением рассказываю на встречах с пионерами и студентами о подвиге младшего сержанта И. Филиппова, который в критический момент боя заменил убитого командира взвода, уничтожил с бойцами вражеский пулемет и овладел важным опорным пунктом противника. Храбро сражались также солдаты Вульганов, Самушков и десятки других.

В боях за село Долину оборвалась жизнь прославленного командира нашей дивизии генерал-майора Николая Филипповича Батюка. Мне несколько раз довелось встречаться с ним.

Впервые это произошло в мае 1943 года, когда 8-й армии вручалось гвардейское знамя. Тогда он на всех произвел впечатление требовательного и в то же время заботливого командира. После официальной части он обратился к личному составу дивизии с пламенной речью, в которой призывал воинов готовиться к решительным наступательным боям по освобождению Донбасса. Он говорил, чтобы мы учились форсировать водные преграды, уничтожать немецкие танки, вести бой в населенном пункте и в лесу.

– Отныне наша дивизия носит наименование «гвардейская». Оно завоевано кровью и жизнью наших лучших боевых товарищей. Наш священный долг хранить в чистоте и пронести это почетное знамя до полной победы над врагом! – закончил комдив.

Второй раз я видел генерала Н. Ф. Батюка за несколько дней до форсирования Северского Донца. Было это на привале. Дивизия совершала марш в район боев. Случилось так, что он остановился в расположении нашей роты. Подошел к отдыхающей группе воинов. Завязалась беседа. Генерал интересовался буквально всем: откуда кто родом и получаем ли из дома письма, участвовали ли в боях, кто из нас коммунисты и комсомоль-

цы, как мы собираемся воевать, всем ли обеспечены, знаем ли мы о том, что наши войска побили фашистов на Курской дуге.

И еще раз, за несколько дней до его смерти, я увидел Н. Ф. Батюка на наблюдательном пункте в боях за Богородичное. НП комдива находился на высоте в 200–300 метрах северо-западнее памятника Артему. Наша минометная рота занимала огневые позиции в овраге, перед наблюдательным пунктом, и я, выполняя приказание командира роты, оказался в расположении НП дивизии. Генерал наблюдал в бинокль за полем боя и отдавал четкие указания своим подчиненным.

...К десяти часам 3 августа мы заняли огневые позиции на западной опушке рощи в двух километрах западнее Богородичного. В это время над нами появилась вражеская авиация.

Неприятно находиться под бомбежкой на открытом поле, где некуда голову спрятать. «Уцелеть бы на первом заходе, – мелькнула в голове мысль. – А потом воронка укроет...» Не успел я об этом подумать, как ощутил в левой ноге сильный удар. «Ранен», – молниеносно пронеслось в мыслях.

Первый заход кончился. С помощью Николая Потешина я перебрался в воронку. Он перевязал мне рану. Ранение, к счастью, оказалось нетяжелым.

Второй заход воздушные пираты сделать не успели: появились наши истребители, и они улетели.

После бомбежки все село Богородичное горело. Было много убитых и раненых. По огородам бродили искалеченные лошади. Наша повозка с пострадавшими то и дело объезжала свежие глубокие воронки на дороге.

– Что натворили фашистские людоеды, – возмущался лежавший рядом со мной младший лейтенант Брагин. – Смотрите и запоминайте.

Медико-санитарный батальон располагался в лесу между Екатериновкой и памятником Артему.

Выздоровление после операции длилось более месяца. В медсанбате начальник политотдела дивизии вручил мне кандидатскую карточку.

В начале сентября я возвратился в свою боевую семью – минометную роту. Ненависть к фашистам сжимала сердце. Хотелось снова в бой, чтобы быстрее изгнать их с донецкой земли.

Печатается по: Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания. Изд. 3. – Донецк: «Донбасс», 1971. с.46 – 53.

Минометный расчет ведет огонь

Генерал-майор Н. Ф. Батюк,
командир 79 гв. стрелковой дивизии

Похороны Н. Ф. Батюка у памятника Артему

Торжественное построение по случаю вручения Гвардейского Знамени

Снайпер В. И. Медведев. Герой Советского Союза

Б. Казаченко

Ветеран 127-го отдельного гвардейского батальона 29 гвардейского стрелкового корпуса (гв.с.к.) 8 гвардейской армии.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БОЯХ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ ЛЕТОМ 1943 г.

После разгрома немецких войск под Сталинградом 8-я гв. армия (в прошлом 62-я), была передислоцирована в район Купянск-Боровая, где находилась на переформировании до июля 1943 года. Основу армии составляли оставшиеся в живых участники боев в Сталинграде.

Подразделения армии под покровом ночи форсированным маршем начали перемещаться в новый район расположения.

Несмотря на секретность, не успел еще полностью штаб корпуса переехать в село Красный Оскол, как 250 немецких самолетов бомбардировали его. Было много разрушений и жертв среди личного состава штаба.

17 июля началось наступление 8-й гв. армии, которая вела его в двух направлениях: 33-й стрелковый корпус в составе 3-х дивизий и одной бригады наступили на Пришиб - Татьяновку, а наш трех дивизионный стрелковый корпус в составе 27-й гв. стрелковой дивизии под командованием генерала В. С. Глебова, 74-й под командованием генерала В. П. Соколова и 82-й (командующий – генерал И. О. Макаренко) начал наступление в районе Еремовка-Синичино. Правый берег Донца там гори-

стый, с крутыми берегами и густым лесом. Все это гасило эффективность артиллерии, а мел позволял сооружать надежные пулеметные гнезда.

Началось наступление успешно. Передовым отрядам легко удалось захватить первые траншеи. Это дало возможность сразу же приступить к наведению понтонных переправ и обеспечить переправу подразделений артиллерии и минометных частей.

Но сопротивление немцев нарастало. Это требовало нового интенсивного артиллерийского огня, которого, к сожалению, наши соединения обеспечить не могли. За 5 месяцев немецкие войска сумели создать крепкую, многоэшелонированную оборону. В мощный оборонительный бастион был превращен бывший Славяногорский монастырь.

Дальнейшие наши атаки были малоэффективны. Солдаты поднимались в атаки много раз, но уничтожающий огонь противника вынуждал их переходить к обороне.

Немецкие войска перешли в контрнаступление.

Соединения 28 гв. стрелкового корпуса, в т. ч. и 79-я гв. стрелковая дивизия генерала М. Ф. Батюка в первые дни участия в боях не принимали. Они были перенаправлены на правый берег в районе Славяногорска на уже занятый плацдарм и вступили в бой на 4-й или 5-й день. А именно 88-я гв. стрелковая дивизия в районе с. Богородичное развернула бои за расширение плацдарма и соединения его разорванных частей. 79-я дивизия Батюка начала наступление на с. Голая Долина.

Именно в этом районе были ожесточенные бои. Голая Долина несколько раз переходила из рук в руки. В ней не осталось ни одного целого дома. Дым горевших домов и танков стелился по балкам.

Ровно через месяц ожесточенных боев в этом районе гвардейская армия была выведена в район с. Красный Оскол на отдых и пополнение личным составом. Армия оказалась обеск-

ровленной. На этом участке были сосредоточены 2-я, 6-я и 12-я армии.

Мы, связисты, остались в районе наступления для поддержки связи штаба с командованием наступающих армий.

Но и это наступление казалось неэффективным. Противник ожидал его и хорошо подготовился. Тем более, что наступление нашей пехоты почему-то не было поддержано ни авиацией, ни танковыми соединениями.

После короткого отдыха, едва успев получить пополнение и увеличить запас боеприпасов, 81-я армия снова была введена в бой в направлениях Долгенькое и Сулимовка.

Снова начались ожесточенные бои. Хотя и медленно, но все же нашим войскам удавалось продвигаться вперед.

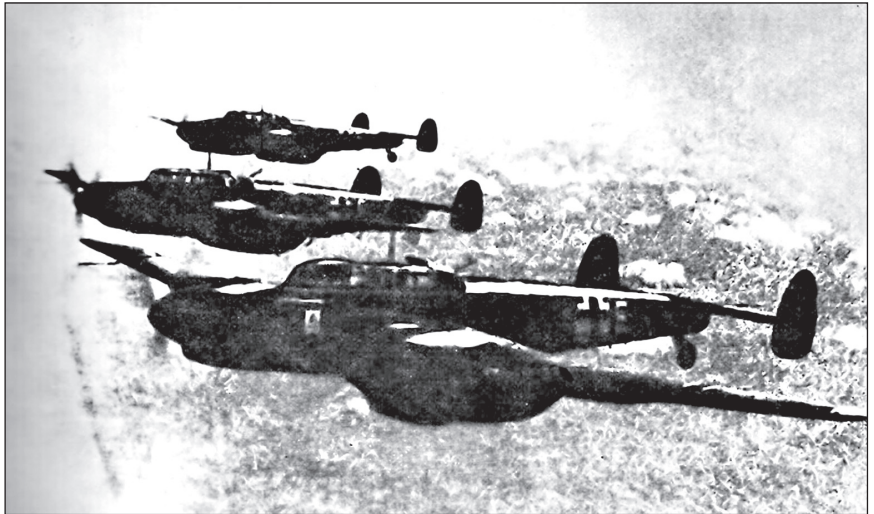
Войска 3-й гв. армии, начав наступление, непосредственно освободили города Славянск, Краматорск и др.

Печатается по: А. Н. Чуйко Славянск – 700 дней и ночей. Исторические зарисовки 1941-1943 гг., ч. 2 – Донецк: «Лебедь», 1995, с. 237-239.

На плацдарме Северского Донца

Немецкие самолеты летят бомбить

Н. Макаров

Ветеран 102-го отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона 8-й гв. армии.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БОЯХ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ В ИЮЛЕ 1943 г.

В ночь на 7 июля 1943 года 102-й отдельный моторизованный понтонно-мостовой батальон из города Купянска форсированным маршем прибыл в район с. Банное, в пионерский лагерь напротив Святогорского монастыря, и был оперативно подчинен 8-й гв. армии генерала В. И. Чуйкова, которая готовилась к наступлению. В тот же день перед батальоном была поставлена задача: частью сил обеспечить форсирование Северского Донца в полосе наступления 79-й гв. стрелковой дивизии, подготовить материальную часть для наведения понтонного моста в районе Богородичного, а потом сменить его деревянным грузоподъемностью 60 тонн, быть готовым к форсированию реки в районе наступления.

В ночь на 16 июля провели разведку реки в районе Святогорского монастыря, Богородичного, Пасеки. К тому времени усиленные роты автоматчиков захватили крохотный плацдарм на правом берегу и к моменту общего наступления заняли Татьянавку, высоту с памятником Артема, частично Святогорский монастырь и просочились флангом на окраину Богородичного. Немцам не удалось сбросить смельчаков в реку, хотя для этого и делалось все возможное.

Главный удар наносился в районе сел Пришиб, Богородичное. Созданные в поселках передовые отряды расширили плацдарм, ворвались в Богородичное и с ходу захватили правобережную часть.

На окраине с. Богородичное завязался кровопролитный бой. Основные силы 79-й гв. стрелковой дивизии, которые переправились сначала на понтонных и подручных средствах, а потом – по наведенному понтонному мосту с ходу вступили в бой.

21 июля части дивизии продвинулись к Голой Долине, только с 4-х до 7-ми часов утра части 79-й гв. стрелковой дивизии были контратакованы 5 раз. И это на небольшом и узком плацдарме.

На следующий день понтонеры приступили к сооружению моста в Богородичном грузоподъемностью 60 тонн. Рота ст. лейтенанта И. М. Казанского вела работы с правого берега, а рота ст. лейтенанта П. З. Чайки – с левого. В течение дня мост подвергался бомбардировке дважды, но прямых попаданий не было.

Казалось, еще рывок – и к середине дня сооружение моста будет закончено. Но перед заходом солнца появилась «рама» – предвестник наихудшего. И действительно, только стемнело, над головами понтонеров повисли самолеты малой авиации, сбрасывая гранаты, зажигалки и электронные бомбочки (на фронте их называли «жабками»). Появились раненые. Под покровом ночи, в третьем часу, со стороны Святогорского монастыря из леса неожиданно показалась группа фашистских автоматчиков, которая неизвестно как проникла на плацдарм и обстреляла роту ст. лейтенанта Казанского на правом берегу. Вместе с батарейцами, стоящими на огневой позиции в полкилометре от моста, пришлось прочесать местность. У пленных солдат обнаружили взрывчатку и все необходимое для взрыва моста.

Ночные налеты немецкой авиации и автоматчиков вывели из строя 22 понтонера – и все же работы продолжались. Но команда «воздух» оторвала бойцов от работы. Солдаты спешили на берег, не успевали укрыться, а первая волна из 30 «хенкелей» уже сбросила свой смертоносный груз на головы понтонеров. Все смешалось в грохоте, утонуло в дыму. Стон раненых, треск

пулеметов, автоматов, винтовочные выстрелы. Каждого подстерегала смерть.

Еле успели уцелевшие бойцы провести спасательные работы, перевязать раненых, как прозвучала новая команда «воздух!» На этот раз до 30 «юнкерсов» начали прицельное бомбометание в сооружаемый мост. Но понтонеры сопротивлялись. В дело пошло все, что могло стрелять. Погиб боец Наумов – он своим телом закрыл ротного командира. Погибли раненые, которые не успели эвакуироваться в укрытие. Оказывая им помощь, погиб санинструктор сержант Белоусов. Контуженный взрывом бомбы комбат А. Синицын наводил порядок и отдавал приказы окровавленными губами.

К 11.00 третья волна «хенкелей» завершила свое черное дело.

Но людей удалось отвести, и фашисты бомбили пустое место. Последствия оказались тяжелыми: батальон понес значительные потери. На реке уцелели только 2 опоры, заготовленные для строительства моста, материал был превращен в щепки. Все нужно было начинать сначала. Парторг батальона О. И. Поляков собрал уцелевших коммунистов. Решение было одно: выполнить приказ.

В 15.00 18 июля поредевший батальон снова приступил к работе. Люди падали от усталости, но работали упрямо и настойчиво. А понтонный мост, наведенный выше по течению, жил. Еще ночью по особому приказу командарма Чуйкова его развели и тщательно замаскировали. Ежедневно с наступлением темноты мост наводили снова, перед рассветом разводили.

В район переправы прибыли и стали на огневую позицию 2 зенитные батареи. Стало легче. Утром на следующий день возвели снова все двадцать мостовых опор. Ночью только один румынский «лаптежник» прорвался к мосту и подбил 2 автомашины «ЗИС-5», а днем 7 «юнкерсов» пытались прорваться к переправе, но были отогнаны огнем зенитных батарей и в панике

сбросили свой груз на Богородичное. В ночь с 19 на 20 июля завершили подвоз материалов, в это время пришла помощь: водители мостовой роты во главе с лейтенантом А. И. Кабановым и замполитом Д. И. Чирьевым. Днем группа вражеских самолетов снова пыталась прорваться к переправе, но зенитки открыли огонь и сбили два «юнкерса».

21 июля мост был готов. В 4 часа утра в районе Голой Долины фашисты сильными контратаками пытались сбросить 79-ю гв. стрелковую дивизию в Донец. Усилили артиллерийский огонь по переправе. На рассвете на большой скорости подошла батарея наших гвардейских минометов БМ-13 – «катюш». С ходу развернулись, сделали залп по противнику со всех установок и быстро пошли с огневых позиций.

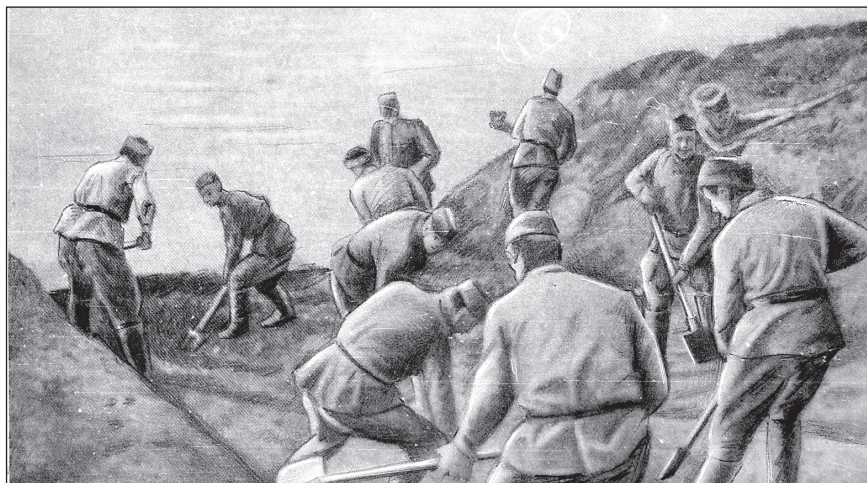
И тут произошло непредвиденное: фашисты открыли прицельный огонь из минометов и пушек по нашим позициям. Мост снова оказался под огнем. Новые потери личного состава, 2 мины из шестиствольного миномета попали в береговой пролет и разнесли его в щепки.

И снова измученные бессонными ночами, непосильным нечеловеческим трудом понтонеры бросились спасать свое детище.

21 июля в 9.00 первый танк прошел по мосту. Плацдарм получил танки. Свое задание батальон выполнил!

После войны специалисты подсчитали, что на каждого бойца и командира Красной Армии фашисты сбросили до 1 тонны взрывчатки, и вот теперь мало кто задумывается над тем, как могли вытерпеть и сохранить боевой дух люди, бойцы 102-го отд. понтонно-мостового батальона, когда на голову каждого из них фашисты сбрасывали эти тонны взрывчатки.

Печатается по: А. Н. Чуйко Славянск – 700 дней и ночей. Исторические зарисовки 1941-1943 гг., ч. 2 – Донецк: «Лебедь», 1995, с.242-244.

Подготовка понтонной переправы через реку

Понтонно-мостовой батальон у с. Богородичное

Переправа через реку

Н. Рязанцев

Ветеран 350-й стрелковой дивизии.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БОЯХ НА СЕВЕРСКОМ ДОНЦЕ

«...Начало 1943 года сложилось для наших войск неудачным. Немецкое командование группировало свои силы на Харьковском направлении и в конце февраля прорвало оборону и окружило дивизию под Харьковом в районе ст. Мерефа. Ситуация была сложной. Но командование нашло в себе мужество и находчивость избежать плена и прорваться к своим. Уже после выхода из окружения мы, снова мобилизованные на фронт, сменили свою гражданскую одежду на военную форму. Мы не только переоделись во все новое, но и избавились от вшей. Утешало, что эти кровопийцы досаждали не только нам, но и немцам.

В конце июля наше переформирование закончилось и дивизия, процентов на девяносто обновив личный состав и материальную часть, наконец вышла на фронт. По бездорожью, вдоль Северского Донца, с целью обмануть врага курсировали мы то вверх по течению Донца, то вниз. Это грозило полным истощением сил. Неимоверная жара. Потрескавшиеся губы жаждали воды. А она – вода – в лужах и болотцах – ржавая, с блошками. Пьем через бинт и марлю. Наконец 17 августа дивизия переправилась на правый берег Донца в районе памятника Артему. Заняв оборону, сразу же начали окапываться. Но не успели углубиться, как прозвучала команда «воздух!». «Юнкерсы» шли по 50 и больше в каждом строю.

Если рассказать коротко – в течение трех суток жарких боев наша дивизия почти целиком потеряла свою боеспособность и срочно вышла в резерв на доукомплектование.

...Еще не опомнившись от боев под с. Долгенькое, где погибло много наших земляков – купянцев, мы попали в новое пекло в районе сел Адамовка, Краснополье и Долина. Десятки, сотни бойцов погибали ежедневно, и мирное солнечное село тогда мы прозвали Долиной смерти.

Тяжелые бои днем, бомбардировки ночью. Опасность и напряжение были такими, что были случаи, когда люди сходили с ума. А сообщения Совинформбюро звучали почему-то просто: «Бои местного значения...» Во время ночной бомбардировки противник применял вместо обычных бомб автоматические контейнеры с сотней уложенных в них небольших мин от обычных минометов. Контейнер при падении отрывался и охватывал большую территорию поражения.

Никогда не забуду потерю своих друзей по полковой разведке – капитана Соболева, лейтенанта Серегина, рядовых Тупаренова, Логинова, Ашихмина.

Только 7 сентября мы пошли во фронтальное наступление. В заключение скажу: если в потусторонней жизни существует ад, то в сравнении с тем, что произошло с нами на плацдармах Донца, – это мелочь».

Печатается по: А. Н. Чуйко Славянск – 700 дней и ночей. Исторические зарисовки 1941-1943 гг., ч. 2 – Донецк: «Лебедь», 1995, с.247-248.

ИЗ ФОРМУЛЯРА 88-Й ГВАРДЕЙСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

19 июля 1943 года – переправляется через Северский Донец в р-не с. Банное и, войдя в прорыв, в ночь на 20 июля 1943 года вступает в ожесточенный бой с упорно обороняющимся противником. Преодолевая сильное сопротивление противника, стремящегося контратаками ликвидировать плацдарм на правом берегу Северского Донца, дивизия продвинулась до 12 км, овладев крупным опорным пунктом немцев – с. Богородичное.

После тяжелых упорных боев 12 августа дивизия выходит временно на доукомплектование, находясь в резерве командующего армии, и 21 августа, приведя себя в порядок, пополнившись, снова переправляется на правый берег Донца, заняв оборону на том же плацдарме в р-не Маковский Яр.

В течение нескольких дней части дивизии, занимая оборону, прикрывали фланги корпуса и армии, выполняя частные задачи, улучшая свои рубежи, изматывали силы противника, уничтожая его силу и технику.

Части дивизии, преследуя отходящего противника, к 10 сентября достигли Барвенково.

*Архив МО СССР, ф. 1249,
оп. 1, д. 1. л. 3-8.*

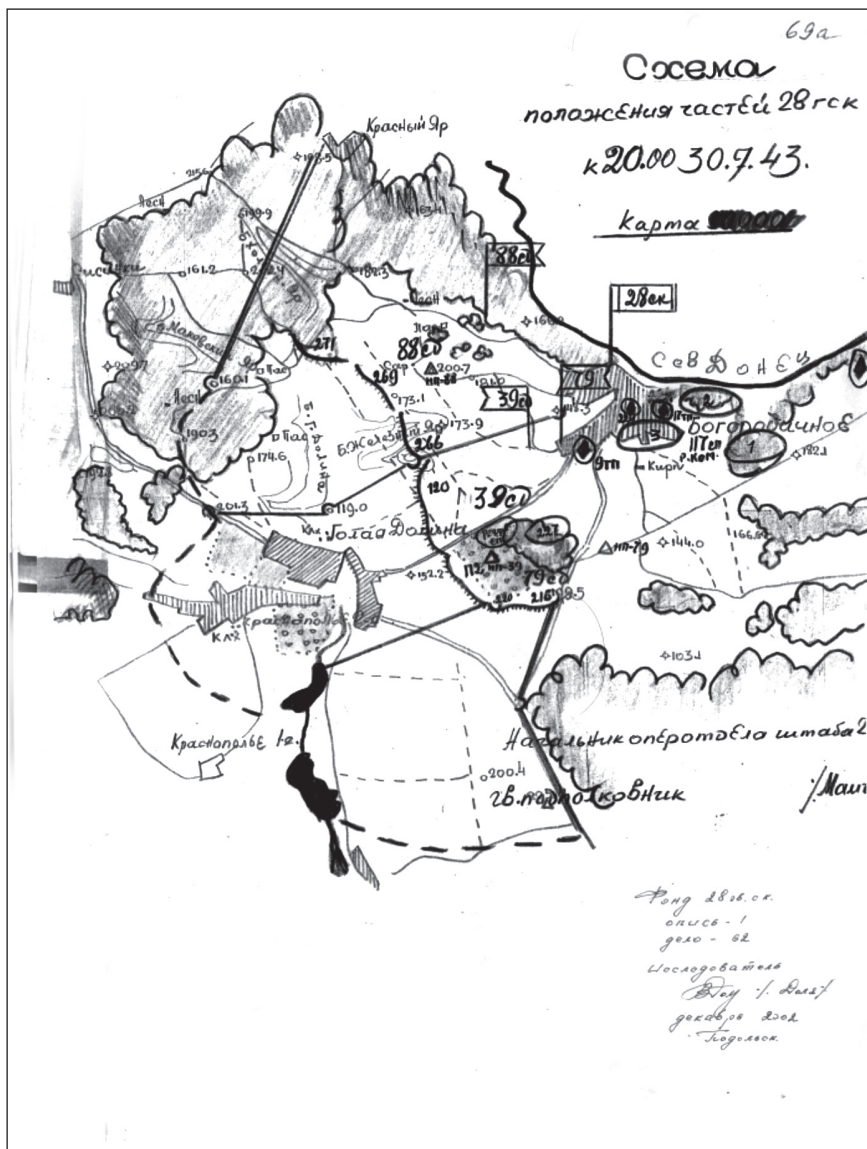

Схема положения частей 88-й гв. стрелковой дивизии, входившей в состав 28-го стрелкового корпуса в период наступательных боев в июле 1943 года

ПАРТОРГ БАТАЛЬОНА

В курортном местечке Донбасса – Славяногорске, недалеко от памятника Артему, есть могила. В ней покоится прах шести воинов, павших в боях за освобождение донецкой земли от фашистских захватчиков.

Среди этих шести – Герой Советского Союза Александр Кириллович Сечкин, воспитанник Ленинского комсомола.

Он много думал о Павке Корчагине. Глубокий след в его недолгой, но прекрасной жизни оставил образ Овода. Александр всегда, везде и во всем старался походить на своих любимых героев.

Этого весельчака, балагура и книголюба, дежурного электрика хорошо помнят на Константиновском химическом заводе. Он был любимцем молодежи завода.

Там, где песни, веселье, значит, там Сечкин. В течение нескольких лет член заводского комитета комсомола, он был подлинным запевалой всех комсомольских начинаний.

В 1938 году Александра Сечкина приняли в ряды Коммунистической партии.

Шли годы. И вот 22 июня 1941 года...

То было тяжелое время для нашей страны, для всего советского народа. Враг рвался к донецкому углю, бакинской нефти и дальше – за Каспий, за Урал. В те первые месяцы войны враг был сильнее нас, у него была огромная армия, вооруженная первоклассной техникой. Это преимущество и принесло фашистским захватчикам временный успех. Один за другим занимали гитлеровцы украинские города и села.

Тяжело переживал Саша эти известия. Вот что рассказывает

о нем бывший член заводского комитета комсомола, участница Великой Отечественной войны Виктория Проскурякова.

«Помню, встретила я Сашу около заводских ворот. Он был взволнован.

– Ты понимаешь, – сказал Саша, – меня пригласили на собрание городского комсомольского актива. Я знаю, там будут выработать план действий по защите нашего города от фашистов.

Взволнованной и горячей была его речь на собрании актива.

А в сентябре 1941 года Саша пришел в цех веселый, улыбающийся.

– Можешь поздравить, Виктория. Я зачислен в константиновский истребительный батальон. Очередь за тобой, Вика».

Через несколько дней бойцом истребительного батальона стала и Виктория Проскурякова.

«Тяжело переживал Саша, когда 19 октября поступил приказ: «...бойцам константиновского истребительного батальона оставить город и следовать в распоряжение военно-пересыльного пункта».

– Но ведь это далеко на восток от родного города, – сокрушался Саша. Но был военный приказ, а его, как известно, не обсуждают. Его надо выполнять.

Выступить нужно было через несколько часов, а до этого живших поблизости отпустили домой попрощаться с родными.

Вернулся Саша угрюмым, лицо его осунулось. Мы знали, что в городе остаются его жена и трехлетний белокурый сынишка Юрка.

На рассвете следующего дня мы покидали родной город. Тяжело было на сердце.

...Весть о том, что Константиновку заняли фашисты, пришла в батальон во время привала.

Я увидела Сашу под вечер. Он сидел на бревне, низко опустив голову. Я окликнула его, он не отозвался. Подошла ближе, тронула его за плечо. Саша медленно повернулся, посмотрел на меня и горько произнес: «Эх, любимый город, не будешь ты теперь спать спокойно...»

Вскоре константиновцы прибыли на формировочный пункт. Тут мы и расстались с Сашей Сечкиным. Прощаясь, он сказал: «Запомни, я все равно буду освобождать Донбасс. У меня перед глазами все время стоят лица друзей, оставшихся в оккупированном городе. Когда я уходил, сынишка босой, в одной рубашонке бежал за мной и кричал: «Па-па».

И Саша вернулся в Донбасс.

Вернулся, чтобы освободить родную землю от фашистских захватчиков, чтобы дать своему сыну и тысячам таких, как его Юрка, счастливое детство.

22 июля 1943 года 1-й стрелковый батальон 269-го гвардейского стрелкового полка с боями ворвался в Славянский район. Здесь, западнее села Богородичное, фашисты, по сообщению разведчиков, сосредоточили крупные силы. Во что бы то ни стало выбить немцев из села – таков был приказ командования. А выполнить его предстояло батальону, в котором гвардии старший лейтенант Александр Кириллович Сечкин был парторгом...

– Товарищи коммунисты, – обратился к собравшимся солдатам и офицерам Сечкин. – Нам предстоит серьезная операция. Большая ответственность за исход ее лежит на нас, коммунистах, и мы обязаны своим личным примером показать, на что способен советский воин в трудную минуту. Я надеюсь, что каждый из нас сделает все возможное во имя победы, даже если для этого потребуется отдать свою жизнь.

Парторг на минуту замолчал. Его сосредоточенный взгляд был устремлен вдаль, где в полнеба полыхало зарево пожара.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться?

– Да, да, пожалуйста, – очнувшись от своих дум, проговорил Сечкин.

– Правда, что вы из здешних мест, донбассовец? – спросил пожилой солдат.

Не успел старший лейтенант ответить, как подбежал связной и сообщил, что его срочно приглашают на узел связи.

...Наступление началось на рассвете. Атака была настолько неожиданна, что растерявшиеся фашисты в панике оставляли окопы и скатывались по южному склону балки Маковский Яр. Но это был лишь временный успех первой роты, в задачу которой входило выбить немцев с их первого рубежа и поддержать огнем соседнюю роту, завязавшую бой левее.

Оправившись от удара, противник предпринял попытку вернуть потерянные позиции. Он открыл сильный минометный и артиллерийский огонь, и рота вынуждена была отсиживаться в немецких траншеях. Связь с командным пунктом батальона была нарушена, командир смертельно ранен.

Нужно было решать, что делать: после артобстрела фашисты наверняка пойдут в контратаку, чтобы вновь занять исходные позиции.

Продолжать наступление? Или отойти назад?

И в этот трудный для роты момент с командного пункта батальона прибыл парторг, старший лейтенант Сечкин.

– Как дела, хлопцы? Загораете? – весело, как ни в чем ни бывало, спросил парторг.

И тут же стал серьезным:

– Немедленно занять круговую оборону. После артобстрела враг предпримет, очевидно, контратаку.

И действительно. Только умолкли орудия, как превосходящий по численности противник атаковал засевшую в траншеях роту, командование которой принял на себя Александр Сечкин.

Пять раз фашисты ходили в атаку, и пять раз откатывались назад, оставляя на поле боя десятки трупов. А когда солнце начало клониться к западу, Сечкин поднял свою роту в атаку. Вскочив на бруствер, он выпрямился и, взмахнув зажатым в руке автоматом, скомандовал:

– За Родину! Вперед!

Вот и последние цепи противника. Вдруг острая боль резанула грудь парторга. Пробежав еще несколько шагов, старший лейтенант споткнулся и упал. Молоденький ефрейтор, который все время не отставал от командира, подскочил к Сечкину, приподнял его. Но в помощи смертельно раненый командир уже не нуждался...

В том бою 88-я гвардейская краснознаменная стрелковая дивизия потеряла одного из лучших своих политработников – офицера Александра Кирилловича Сечкина. Узнавшие об этом бойцы батальона под грозный клич «За нашего друга Сечкина» сломили врага и заняли рубеж.

За проявленное мужество и героизм парторгу батальона старшему лейтенанту Александру Кирилловичу Сечкину Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 марта 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

На родине воина-героя – на Орловщине – свято чтят память прославленного земляка. Школьная пионерская дружина села, где родился Александр Сечкин, носит его имя. Одна из улиц Константиновки тоже названа его именем. В честь Героя Советского Союза А. К. Сечкина, погибшего в боях за освобождение с. Богородичное, его именем названа улица в этом селе.

*Печатается по: Твои освободители,
Донбасс. Очерки и воспоминания.
Изд. 3. – Донецк: Донбасс, 1971, с. 57-60.*

Плита с горельефами Героев Советского Союза
А. К. Сечкина, Н. Т. Батюка, И. З. Шуклина
на Мемориале Великой Отечественной войны на горе Артема

Плита на могиле А. К. Сечкина

Герой Советского Союза А. К. Сечкин

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Сечкин Александр Кирилович
гвардии ст. лейтенант

Парторг 1-го стрелкового батальона 269-го гвардейского стрелкового полка 88-й гвардейской краснознаменной стрелковой дивизии 1913 г. рождения, русский, член ВКП/б.

Имеет ранение. Погиб в бою. В Красной Армии с 1941 г. Призывался Константиновским РВК Сталинской обл. Награды – орд. «Красной Звезды».

Адрес семьи – Константиновка, Химколония № 53/8. Жена – Сечкина Наталия Николаевна.

Краткое изложение личного боевого подвига:

В наступательных боях западнее с. Богородичное Сталинской обл. 23 июля 1943 года, когда рота его батальона ворвалась в траншею противника на южных скатах балки Маковский Яр и, истребив десятки фрицев, сама попала под сильный огонь немцев, была отрезана от батальона, в нее пробрался тов. Сечкин и организовал круговую оборону.

В пять раз превосходящие силы противника атаковали эту роту, но каждый раз, неся большие потери, откатывались назад.

После пятой контратаки тов. Сечкин поднял группу бойцов и, воодушевляя их личным примером, повел в рукопашный бой. Немцы были отброшены, выгодный рубеж был сохранен. Враг потерял при этом 200 солдат, а сам тов. Сечкин из своего оружия уничтожил 26 фрицев. Тов. Сечкин был смертельно ранен в этом бою. Его последние слова, обращенные к бойцам, отражали беззаветную преданность Родине, партии Ленина – Сталина: «Я умираю, а вы идите вперед!» Тов. Сечкин был образ-

цовым политработником, храбрым, мужественным, любимым бойцами и командирами. Когда бойцы узнали о смерти своего парторга, они по команде «За нашего друга Сечкина» вели особенно ожесточенный огонь по фашистам.

Тов. Сечкин достоин присвоения посмертно звания Героя Советского Союза.

Командир 269-го гв. стр.п.
гв. подполковник Евсюков
6.8.43 г. Зам. командира 269 гв.стр.п. по политчасти
гв. майор Мороз

Достоин присвоения звания ГССР 7.8.43.
командир дивизии Панков
Достоин присвоения награды – ордена Ленина
ком. 28 гв.стр.к. Гурьев
Достоен присвоения звания ГССР
Чуйков В.С., гв. полковник Чернышев 12.8.43
Малиновский, Желтов 21.9.43.

Присвоено звание Героя Советского Союза.
Указ Верховного Совета СССР от 19.3.44 г.

*Архив МО СССР фонд 33, опись 793756,
дело № 43.*

Г. К. Шутенко

Гавриил Корнеевич Шутенко во время войны с гитлеровскими захватчиками сражался в 93-й отдельной разведроты 88-й краснознаменной дивизии. Восьмого августа 1943 года в бою за село Богородичное Г. К. Шутенко был тяжело ранен и потерял зрение.

В 1961 году Белорусское республиканское издательство выпустило сборник его стихов «Мои глаза», а в 1969 году – книгу «Память».

БОЙ ЗА СЕЛО БОГОРОДИЧНОЕ

Не стерты в памяти прошедшими годами
Бои на правом берегу Донца.
Село в огне, зажатое холмами,
И гарь, ползущая над степью без конца.
И Святогорья кручи меловые,
Где, нас приветствуя, взойдя на пьедестал,
Сурово глядя в лица молодые,
Артем на подвиг ратный вдохновлял.
И помню я, как догорали хаты,
Как выло небо сотнями смертей,
В густом дыму – лишь танки да солдаты,
В пустых дворах – ни женщин, ни детей.
Тускнели в пепле девичьи монасты,

Игрушки детские валялись у ворот.
И тут же «тигра» след пролег когтистый.
...И мы дрались за каждый огород.
Осколки мин нас в землю загоняли.
Крошили тыквы, завязь огурцов,
И на плетнях безмолвно повисали
Тела в атаку рвавшихся бойцов...
И до сих пор я вижу трупы эти,
Ночных пожарищ отблеск в их глазах.
Они не прятались при вспыхнувшей ракете,
Держа свое оружие в руках...
И пулеметчик на приклад склонился –
Горячей сталью обожжен висок.
И с плеч бойца на груди гильз свалился
Разорванный на части вещмешок.
А рядом с ним в пыли лежало фото,
С него мальчонка улыбался нам.
Тогда в штыки ударила пехота,
Неся погибель дрогнувшим врагам.
...Метнулась вдаль сигнальная ракета.
К Славянску наши танки понеслись.
Над Богородичным, впитав лучи рассвета,
Победно флаги алые взвились.

ВСТАЕТ РАССВЕТ НАД ГОРОДОМ СЛАВЯНСКОМ

Встает рассвет над городом Славянском,
Идет по кручам меловым Донца.
И каждый раз он у могилы братской
Поклон глубокий отдает бойцам.

Спят вечным сном гвардейцы молодые,
Мои друзья и сверстники мои.
Прошел я с ними версты боевые
Там, где сегодня свищут соловьи.

Рассвет идет дорогою знакомой,
И отступает сумрак перед ним,
Лучи ласкают памятник Артему
И льются вниз потоком золотым.

Курорт к Донцу шагает корпусами,
В них поселилась радость навсегда.
Простые люди с добрыми сердцами
Со всей страны съезжаются сюда.

Для них священны ваши обелиски.
И нет забвенья вашим именам.
Донец качает солнечные блики
И песню славы напевает вам.

*Печатается по: Твои освободители, Дон-
басс. Изд. 3. – Донецк: «Донбасс», 1971,
с. 60-62.*

Мемориал погибшим воинам-освободителям
в с. Богородичное Славянского района

Е. Габрилович

Военный корреспондент газеты «Красная Звезда»

**НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА
(боевой репортаж, «Красная Звезда»
от 12 августа 1943 года)**

Отличная асфальтированная дорога ведет почти к самому бывшему переднему краю от крохотной разбитой железнодорожной станции. За несколько километров от Донца асфальт сменяется сыпучими песками, потом болотами, и вот уже мелькают впереди зеленые воды реки. Это бывший рубеж, отделявший нас от немцев. Теперь этот рубеж преодолен.

Мы на западном берегу. Прямо перед нами – высокая скала, левее – здания дома отдыха и причудливые купола монастыря. Немцы превратили скалу в труднодоступный опорный пункт.

Тут разыгрался жестокий бой. Дрались за отдельные корпуса дома отдыха, за здание, где были ванны, за веранду столовой, за контору, амбулаторию, кухню. От огромного дома отдыха остались лишь стены да кое-где крыши. Монастырь немцы разгромили, листы старых церковных книг валяются в уборных. Этими же листами оклеены офицерские блиндажи.

Сегодня ночью здесь, на этой высоте, ночевал наш батальон, который сейчас, после обеда, направится на передовые позиции. Люди вытащили из-за голенищ ложки, обтерли их травой и погружают в дымящиеся котелки.

В основном это люди бывалые – за плечами у них два года войны.

Вот, к примеру, Иван Никитич Павлов, командир взвода бронебойщиков. Он воевал и под Москвой, и на Волге. Сейчас он сражается за Донбасс.

Бои идут уже вдалеке от Донца. Вот деревня, которая несколько раз переходила из рук в руки. Вернувшись сюда на рассвете третьего дня, командир батареи старший лейтенант Федоросов пришел на знакомые места. Несколько раз уходил он из этой деревни и опять возвращался. Он узнал даже свои окурки возле колхозного сарая, где в последний раз стояла его батарея.

На этот раз он разместил свои пушки за каменным зданием клуба. Немцы не заставили себя долго ждать. Едва рассвело, как из-за леса показались контратакующие немецкие танки. Так начался день. Он длился без конца, этот жаркий день. Одна контратака следовала за другой. Пушки Федоросова не умолкали. В короткие промежутки времени, разделявшие контратаки, Федоросов под прикрытием фруктовых садов и рощи менял свои огневые позиции. Люди тащили орудия на лямках, на руках. Колеса застревали в белом песке, люди спотыкались, падали и, поднявшись, все же выволакивали их оттуда. Они забыли счет времени, не видели убитых товарищей, не чувствовали голода, но жажду они чувствовали. Жажда была нестерпимой. Воду нельзя было сюда доставить, все подходы простреливались, а к колодцу не подойти. Жестокий обстрел. Немцы усиливали и усиливали удары, стремясь во что бы то ни стало вернуть деревню. Они то пускали в ход танки, то обрушивали свирепый артиллерийский огонь. Не помогало, и опять танки, и опять снаряды, и опять автоматчики с флангов из леса.

Приполз командир батареи.

– Хорошо артиллерия работает, отлично.

И улыбнулся пересохшим ртом.

Федоросов глядел на него, словно не узнавая. Бой захватил

его полностью, он не видел и не понимал ничего, кроме боя. Вдруг он вздрогнул от одного желания, которое сверлило ему душу. В чем дело? Ах да, пить, пить!

В три часа дня сержант Курин не выдержал. Он взял брезентовое ведро и пополз к колодцу за водой. Немцы осыпали его пулями, но он полз. Когда он подполз к колодцу, в него ударили минами. Он припал к земле, выждал, когда налет кончится, и, зачерпнув ведром, пополз обратно. Пуля попала в ведро. Вода стала выливаться. Курин зажал пробойину ладонью и все же донес немного воды. Все выпили, стало немного легче.

В четыре часа иссяк запас снарядов. И когда немцы в очередной контратаке подошли совсем близко к безмолвным пушкам, Федоросов со своими артиллеристами встретил врага гранатами. Немцы отхлынули. Через полтора часа к пушкам поднесли из леса снаряды и пушки опять заработали.

Это была последняя попытка немцев отбить село. Все стихло. Зажглись в небе звезды. Вот взметнулись осветительные ракеты. Федоросов стоял возле стереотрубы и смотрел в окуляры, стараясь угадать в кажущейся тишине скрытое движение врага. Где-то сзади в кустах послышалось фырканье лошади, негромкий веселый разговор.

– Что там такое? – спросил Федоросов сержанта.

– Ужин приехал, воду привезли, – отвечал сержант.

– Воду? – переспросил Федоросов, оглянувшись на сержанта и не узнав его – так тот похудел за этот страшный день. – Тащи сюда воду скорее, зови всю батарею.

И все быстро собрались, сели на землю в кружок пить воду. А тем временем наши части продолжали бить врага, тесня его на запад.

Печатается по: Донбасс. Год 1943. – Донецк: «Донбасс», 1980, с. 145-147.

Здание Дворянской гостиницы (корпус № 9) XIX века, фото 1943 года

Здание разрушенной трапезной XIX века, фото 1943 года

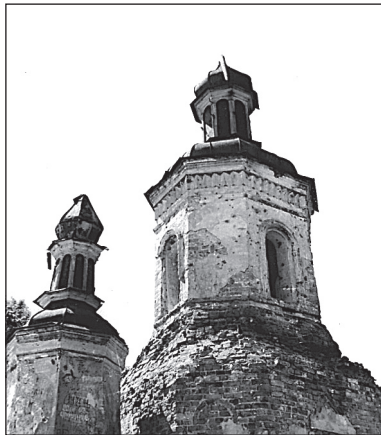
Здание гостиницевого двора XIX века, фото 1943 года

Здание гостиницы (корпус № 14), фото 1943 года

Нижний павильон паломников после войны

Николаевская церковь после войны

А. Б. Костюковский

Подполковник запаса

В 1943 году редактор фронтовой дивизионной газеты «Родина зовет» (88-я гв. стрелковая дивизия)

ЮЖНЕЕ ИЗЮМА

Немалый вклад в борьбу доблестной Советской Армии за освобождение Донбасса от немецко-фашистских захватчиков внесла прославленная 88-я гвардейская стрелковая дивизия.

Зимой 1941–1942 годов (тогда это соединение именовалось 99-й краснознаменной стрелковой дивизией) ее воины вели упорные бои в районе Славянска. Позже, осенью и зимой 1942–1943 годов, она участвовала в великой битве на Волге.

Прошло еще несколько месяцев, и снова боевой путь дивизии пролегал через Донбасс.

В те грозные дни мне довелось быть редактором дивизионной газеты «Родина зовет».

Каждый раз, когда мне приходилось бывать в этих местах, я узнаю их с трудом. Что ни год, то хорошеет, расцветает древний Святогорск, богатеют окружающие его села. Как бы порадовались воины, сражавшиеся на берегах Северского Донца, доведись им посетить сегодня хотя бы село Богородичное с его новыми улицами, добротными домами, в каждом из которых – достаток.

Но что осталось неизменным, так это наш добрый друг и верный товарищ – сосновый бор. Он по-прежнему могуч, непередаваемо прекрасен в своем величии. Сколько дней и ночей

провели мы в нем, от скольких вражеских пуль, снарядов и мин он заслонил нас, принимая на себя ожесточенные удары – и с земли, и с неба!

Много лет минуло с тех пор. Память вряд ли сохранила бы подробности, имена героев, беззаветно сражавшихся за родной Донбасс, Украину, за нашу Советскую Отчизну. К счастью, помогли фронтовые блокноты, пожелтевшие, но еще пахнущие дымом и порохом страницы дивизионной газеты.

22 июля 1943 года наша газета «Родина зовет» опубликовала оперативную сводку Советского Информбюро. В ней говорилось: «На юге, в Донбассе, в районе южнее Изюма... продолжались бои местного значения, в результате которых наши войска снова улучшили свои позиции».

Бои местного значения! Как много кроется за этими скромными словами поистине героических дел, самопожертвования во имя Родины, во имя освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков.

...Перед частями дивизии была поставлена боевая задача: наступая в юго-западном направлении, внезапно форсировать Северский Донец и захватить село Богородичное, что неподалеку от Святогорска, а также господствующую над ним высоту. Командиры и политработники многое сделали для того, чтобы довести боевую задачу до каждого бойца, воодушевить их на подвиг. Выступая на митинге, комсомолец Козлов говорил:

– Каждый из нас хорошо представляет, что означает для нашей Родины Донбасс. И мы не пожалеем жизни, чтобы освободить его.

Красноармеец Сигашов произнес речь на родном казахском языке. Но его все отлично поняли. Ведь слова Украина и Донбасс звучат на всех языках одинаково. Закончил Сигашов по-русски:

– Клянемся тебе, Донбасс: ты будешь советским!

Много горячих слов было сказано по-грузински и армянски, по-узбекски и татарски. В прославленной гвардейской дивизии сражались воины чуть ли не всех национальностей нашей страны.

А когда был дан сигнал «В атаку!», сотни бойцов под прикрытием артиллерийского и минометного огня ринулись вперед. На подручных средствах, а многие просто вплавь, форсировали Северский Донец и захватили село Богородичное, создав важный плацдарм на правом берегу реки.

Однако внезапно захватить высоту не удалось. Опомнясь, враг оцетинился и открыл по селу, по наведенной за ночь переправе бешеный огонь из всех видов оружия.

Медлить было нельзя. Командиру одного из полков было приказано во что бы то ни стало овладеть господствующей высотой, обеспечить дальнейшее продвижение частей дивизии на юг Донбасса.

Поразмыслив, кому бы поручить решение задачи, командир полка вызвал на свой наблюдательный пункт гвардии старшего лейтенанта Левченко и гвардии лейтенанта Чиркова.

– Продумайте, как лучше осуществить операцию. К утру высота должна быть наша, – сказал он.

На рассвете подразделение гвардии старшего лейтенанта Левченко начало наступление. Немцы не ожидали лобовой атаки и попытались коротким ударом задержать продвижение батальонов.

Но не тут-то было! При поддержке артиллерийского и минометного огня гвардейцы шаг за шагом двигались вперед. Тогда фашисты, не на шутку встревоженные, решили завязать бой и отбить атаку. Этого от них только и ожидали. Ведь лобовая атака подразделения Левченко должна была отвлечь внимание немцев. Главный же удар с фланга и тыла возлагался на подразделение Чиркова.

Гвардии лейтенант скрыто повел бойцов в обход высоты и внезапно напал с тыла.

Зажатые в железные тиски гитлеровцы были разгромлены наголову. Не прошло и двух часов с начала атаки, а командиры подразделений Левченко и Чирков докладывали командиру полка:

– Высота взята!

В этой короткой, но ожесточенной схватке с врагом трудно кого-либо выделить. Но особенно много мужества и подлинного воинского мастерства проявили младший лейтенант Апарин, старшина Викул, снайпер Каменев.

Младший лейтенант Апарин был душой атаки. Отважный и неустрашимый, он, как смерч, носился по полю боя, ведя за собой бойцов. Его личный пример, пламенный призыв «Вперед, за Родину, за Донбасс!» воодушевляли солдат. Младший лейтенант уже давно ранен, и не один раз. Но Апарин, преодолевая невероятную боль, и виду не подавал, что в нем сидят две вражеские пули. Он вел бойцов вперед от рубежа к рубежу и в числе первых ворвался на заветную высоту.

Где ты теперь, товарищ Апарин, герой боев за освобождение Донбасса, в каком чине и звании ходишь? Или, быть может, варишь сталь, добываешь уголь, выращиваешь хлеб?

...Высота под Богородичным была настолько важной, что гитлеровцы решили вернуть ее во что бы то ни стало. Они понимали, что, потеряв эту ключевую позицию, вынуждены будут сдать и другие. А вернув ее, можно сбросить советские части в быстрый Северский Донец.

Захваченный дивизионной разведкой пленный сообщил:

– На этом участке фронта имеется танковая часть, и ей приказано контратаковать русских, вернуть высоту.

Вскоре показания пленного подтвердились. Из невысокого, но густого ельника, развернувшись веером, ринулись пять не-

мецких танков. Два из них, набирая скорость, пошли в обход высоты, а три танка, ведя на ходу огонь, шли, что называется, с открытым забралом. Стремясь не отставать от танков, в контратаку пошли и фашистские автоматчики.

Положение складывалось довольно критическое. Советским пехотинцам пришлось бы очень туго, не приди к ним своевременно на помощь артиллерийская батарея (ее командир был ранен в предыдущем бою, и теперь батарею возглавил парторг Андреев).

– Без команды огня не открывать, – предупредил Андреев бойцов. – Подпустим фашистов поближе и расстреляем в упор.

Тщательно замаскировавшись, артиллеристы выжидали. Кое у кого из молодых, недостаточно обстрелянных солдат нервы не выдерживали, но Андреев, старшина Морев, старший сержант Метлинов их успокаивали: «Не дрейфь, ребята, сейчас мы им покажем...»

И показали! Сначала факелами вспыхнули два танка, а три другие машины и оставшиеся в живых немецкие автоматчики поторопились убраться восвояси.

Вторая танковая атака была еще острее. В ней участвовало уже не пять, а семь танков. Гитлеровцам удалось засечь артбатарею и открыть по ней огонь. Один из снарядов разорвался неподалеку от ящиков с боеприпасами. Чудом они не взорвались, а лишь загорелись. Взрыв мог произойти каждую секунду.

Но тут снова сказала большая выдержка гвардейцев-артиллеристов. Коммунисты Амиров и Оськин, комсомолец Черепанов, не щадя собственной жизни, кинулись к ящикам с боеприпасами, мгновенно растащили их и погасили пожар.

А тем временем Андреев, Морев, Метлинов и другие вели прицельный огонь по танкам и подбили еще две вражеские машины.

В течение дня небольшая горстка советских артиллеристов

отразила пять ожесточенных танковых атак, но не уступила завоеванных позиций.

Там же, на берегу Северского Донца, примерно в тех местах, откуда берет ныне свое начало канал Северский Донец – Донбасс, замечательный подвиг совершил воин нашей дивизии красноармеец Гутов, имени которого память тоже не сохранила, к сожалению.

Дело было так. На окраине одного из населенных пунктов, превращенного гитлеровцами в опорный узел обороны, шел ожесточенный бой. Наши воины несколько раз бросались в атаку, но вражеский огонь прижимал их к земле. Особенно ярко сражались немецкие автоматчики, засевшие в подвале каменного дома.

Заметив это, пулеметчик Гутов решил выкурить фашистов из подвала, но был ранен в плечо.

– Отправляйтесь в санчасть, – приказал командир.

– Не время, товарищ командир, – ответил пулеметчик. – Меня хорошо перевязали, разрешите остаться.

Командир разрешил. Он по себе знал, что боевой порыв – лучший лекарь...

Превозмогая боль в плече, Гутов пополз к дому со стороны огородов. Маневр удался, ворвавшись в подвал, отважный пулеметчик длинной очередью скошил находившихся там гитлеровцев.

Но и после этого Гутов не отправился в санчасть. Он решил уничтожить немецких пулеметчиков, засевших за углом другого дома. Тщательно маскируясь, герой подкрался к фашистам и расстрелял их до единого.

В этой схватке боец был ранен вторично.

– Теперь, пожалуй, можно и в санчасть, – сказал пулеметчик, поддерживая здоровой правой раненую левую руку. – Кто бы мне самократку свернул?

...Вгрызаясь в немецкую оборону и взламывая ее, воины славной 88-й Краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии делали большое и полезное дело. Они отвлекали на себя и перемалывали немецкие части, предназначенные для усиления их позиций под Орлом и Белгородом. О силе наших ударов в районе Северского Донца говорили сами фашисты. Захваченные в плен солдаты показали: «Русское наступление было настолько стремительным и сильным, что наша рота пехотных орудий в первые три дня потеряла 8 орудий и 80 человек из 120. Восьмая и двенадцатая роты потеряли все пулеметы и 60 процентов личного состава. Управление нарушено. Офицеры во главе с командиром полка разбежались и находятся неизвестно где».

Показания пленных дополнил солдат третьего батальона 680-го гренадерского полка. Он заявил: «Наш батальон перестал существовать. До наступления русских он насчитывал 400 человек, а сейчас в нем осталось 40 человек».

...Все это происходило летом 1943 года в Донбассе, когда наши войска продолжали вести бой местного значения.

Печатается по: Твои освободители, Донбасс. Очерки. Воспоминания. Изд. 3. – Донецк: Донбасс, 1971, с. 288-292.

Артиллеристы отражают вражеские танковые атаки

Минометчики на переднем крае

Мемориал погибшим воинам
в центре г. Святогорска

В. И. Буянов

Ветеран 174-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона им. «Комсомола Удмуртии» 172-й стрелковой дивизии.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В освобождении Донбасса, его северных ворот г. Славянска принимали непосредственное участие 172-я стрелковая дивизия и приданный ей 174-й ОИПТД (отдельный истребительный противотанковый дивизион), сформированный из комсомольцев-добровольцев Удмуртии.

Запомнились мне ожесточенные кровопролитные бои по прорыву немецкой обороны на острие главного удара 12-й армии.

12.08.43 г. Дивизия сосредоточилась в районе пляжа (западнее населенных пунктов Банное, Яровая. В составе двух полков бойцы 388 стр. п. и 514 стр. п. занимались боевой и политической подготовкой. 747 стр. п. в ночь с 12.08 на 13.08 1943 г. производит смену 60 стр. п. на участке села Богородичное (высота 182). Тогда же с соблюдением всех мер маскировки происходила переправа через Северский Донец.

13.08.43 г. 747-й стрелковый полк взял Святогорский монастырь. Наша рота ПТР 174 ОИПТД переправилась через Северский Донец через разрушенный деревянный мост – напротив

памятника Артему, поддерживая 747 стр. п. огнем своих противотанковых ружей.

13-15.08.43 г. 388 стр. п. и 514 стр. п. продолжают заниматься боевой и политической подготовкой. 747 стр. п. после смены занимает оборону на указанном ему участке.

15.08.43 г. С вводом в прорыв 1-го гв. механизированного корпуса, развертываясь из-за правого фланга 203 стр. див., не теряя соприкосновения с 1-м гв. механизированным корпусом, наступает в направлении юго-западной окраины с. Краснополье 2-й. Предстояло овладеть высотами 221 и 215,7 в 1,5 км южнее хут. Моросовка и высотами 223, 176,2 у хут. Высокий. К исходу дня овладели рубежом хут. Высокий, высота 223, при огневой поддержке ИПТАП. Так как прорыв первым эшелоном армии не был сделан, то в бой 172 стр. д. не была введена, дивизия получила боевое распоряжение за № 017 штаба 12 армии о разграничениях.

- 1. Архив МО СССР ф.1417 оп.1, д.1. л. 3.*
- 2. Архив МО СССР ф.325780-е, д.1, л. 3.*

Военный корреспондент газеты «Советский воин»

БОИ ЗА СЕВЕРСКИМ ДОНЦОМ
(боевой репортаж газеты «Советский воин»
от 20 августа 1943 года)

Обрывистые кручи над рекой. Меловые горы, покрытые зелеными шапками лесов и кустарников. Причудливые изгибы стремительного течения Северского Донца... В этих местах война бушует уже почти два года. О многом могли бы рассказать обгоревшие остовы живописных дачных домиков, развороченные улицы сметенных с лица земли придонецких сел, фашист принес сюда смерть и разрушения. Когда-то здесь был один из самых цветущих уголков Украины, место отдыха великого труженика – Донбасса. С осени 1941 года этот край стал ареной жестокой битвы с захватчиками, и неузнаваемой стала придонецкая земля, истерзанная, изрытая, израненная.

Сейчас война грохочет здесь снова, с неслыханной раньше силой. Но как не похожи нынешние бои на те, что мы видели здесь в прошлом году и в позапрошлом! Теперь артиллерийский гром над рекой – это гром наступления, придорожные плакаты кричат о наступлении, действия каждого бойца и офицера одухотворяет и направляет единая мысль – мысль о сокрушительном наступлении.

Пробил час возмездия. Об этом возвестил могучий артиллерийский удар, начавшийся в 9 часов утра, в солнечный августовский день.

Он был неожиданным для фашистов. Ночью они нервничали, не спали, а в 6 часов утра расположились на отдых. Многие

из них так и не проснулись.

Вслед за артиллерийским и минометным огневым валом в наступление пошла советская пехота. Одной нашей части пришлось штурмовать позиции противника, опоясанные эскарпом, высота которого доходила до пяти метров. Подобно суворовским чудо-богатырям под Измаилом, наши бойцы преодолевали эскарп при помощи заранее заготовленных лестниц и машин. Фашистам пришлось откатываться, усеивая поле боя трупами своих солдат и офицеров...

Преодолевая упорное огневое сопротивление гитлеровцев, наша пехота неуклонно продвигается в глубь оборонительной полосы противника. Советские бойцы и офицеры идут вперед, как воины-мстители, воины-освободители. Старший лейтенант Аршак Устьян незадолго до начала наступления узнал, что оккупанты повесили его отца, брата и дядю. Бойцы подразделения тов. Устьяна поклялись отомстить палачам. И вот по всему участку фронта уже разносится слава этого подразделения, которое с особенным бесстрашием шло на штурм вражеских укреплений.

Идут тяжелые бои. В сопротивлении врага чувствуется ожесточенность отчаяния. Фашисты опираются прежде всего на мощное укрепление, на заранее подготовленную систему огневых точек, в том числе бронеколпаков. Наши воины обтекают и блокируют узлы сопротивления противника и шаг за шагом неуклонно продвигаются вперед. Перед нами – наши истерзанные города и села! И ничто не сможет противостоять великому наступательному порыву советских воинов.

Советские бойцы и офицеры не жалеют жизни для великой цели разгрома ненавистных немецких орд. Вот в суровой обстановке боя артиллеристы хоронят своих павших смертью храбрых товарищей – гвардии старшего сержанта Ольгу Выставкину и гвардии старшину Федорова. Краткая речь замести-

теля командира по политчасти. Он напоминает, что любимица части Ольга перед смертью сказала: «Отомстите за меня и за моего мужа, павшего в бою с проклятыми фашистами». Раздается команда: «По фашистским извергам – огонь!» И над свежими могилами гремит грозный боевой салют, несущий смерть врагу.

В воздухе стоит непрерывный грохот. Немцы стянули на этот участок значительные силы своей авиации. Но и наши боевые соколы не дремлют. Воздушные бои клокочут непрерывно, а советские штурмовики мощными группами без отдыха летают над полем боя, вздымая на воздух вражеские батареи, неся врагу смерть...

Гул артиллерийской канонады постепенно отдаляется. Через переправы непрерывным потоком движутся за Донец грузовики с боеприпасами. Сухая августовская пыль вырывается из-под колес и мутной пеленой висит над дорогами. Наступление продолжается.

*Печатается по: Донбасс. Год 1943. –
Донецк: Донбасс, 1980, с. 145-147.*

Артиллерийский удар

Наступление

В. И. Камышева

ВОСПОМИНАНИЯ О СЫНЕ

Гвардии лейтенант Камышев Владимир Максимович родился 31 января 1923 года в г. Хиве Узбекской ССР (в то время этот город не входил в состав Узбекской республики). Муж мой, его отец, находился на военной службе инженером в военно-инженерном управлении, где и я работала, как вольнонаемная. Это было в период басмачества, и Володя родился, если так можно выразиться, в боевой обстановке.

Видимо, с детства он готовил себя к военной службе, копия прилагаемого договора подтверждает это. Между прочим, об этом договоре я совсем не знала, и мне его прислали вместе с документами после его гибели. Этот договор находился, видимо, при сыне всегда, так как вид его такой, что можно смело сказать, что эта бумажка была в разных переплетах. Я храню его как священную реликвию ибо на нем следы крови погибшего сына.

Весной 1941 года он закончил десятилетку, а 22-го июня началась война. Он готовил себя для военной службы, хотел ехать в Ленинград в военно-морское училище по инженерной специальности, но начавшаяся война изменила планы. 24-го июня был призван в армию муж и направлен на фронт. Володя добровольно поступил в рязанское артиллерийское училище, он был в числе лучших учеников. За отличные успехи ему присвоили звание сержанта. Был избран членом бюро комсомола организации училища и выполнял ряд общественных работ. В конце октября 1941 года, когда в Рязани была объявлена эвакуация, я простилась с ним навсегда, в последних словах он мне сказал, что прощаемся мы, может быть, навсегда, так как идет ужас-

ная война, нужно быть особо счастливым, чтобы остаться живым, и что он никогда не заставит меня краснеть за него.

Артучилище эвакуировалось в Алма-Ату, где в начале января 1942 года Володя был выпущен офицером в артполк. До конца апреля он находился в Средней Азии в должности зам. ком. батареи. Но для меня до сих пор не ясно, как он попал на фронт в одиночку без части. Мне кажется, что это было сделано опять-таки добровольно, правда, на мои запросы, как это случилось, он не ответил, как бы не получая этих писем с запросом, но следующая фраза одного из писем, мне еще тогда подала мысль, что на фронт поехать вызвался он сам. Фраза была такая: «Живу я, мама, хорошо, и вообще все хорошо, обидно лишь то, что не отправляют на фронт». Два месяца по окончании училища он называл долгим временем.

Итак, с конца апреля 1942 года началась его фронтовая суровая жизнь. 29-го июня при выполнении боевого задания он был ранен в ногу. Два месяца находился на излечении в госпитале в г. Пензе, куда семь лет спустя забросила и нас судьба, и где навсегда остался лежать прах моего мужа – его отца.

Письма сына были всегда коротки и бодры. На мою просьбу приехать в отпуск повидаться после ранения он ответил: «Мне уже хочется увидеть тебя, но ведь враг подходит к Волге, люди нужны, особенно командиры, особенно артиллеристы, а ты знаешь мой характер, я не привык прятаться по тылам и за спины товарищей».

И он не приехал, конечно, а что я, мать, могла ему ответить на это? Я гордилась им, но мне было страшно за него. С начала октября от него не стало писем, я догадалась, что он в Сталинграде, так как в последних письмах от сентября он писал, что скоро снова вступит в действия, так как полк, в котором он находится, отправляется на фронт. Три месяца я не имела, а от него писем и была готова ко всему, но в конце декабря получи-

ла сразу несколько писем, из них одно датировано 19 ноября, днем, в который начался разгром врага под Сталинградом. О себе он опять ничего не писал, а обмолвился лишь короткой фразой: «Вы, наверное, знаете из газет и по радио, что наш фронт пошел в наступление, частица и моей энергии уходит в это дело». После он писал отцу, что шинель, галифе у него во многих прострелены, несколько раз он побывал в санчасти, один раз осколок угодил в спину, но спасло снаряжение, а в общем остался цел и если ему выпадет счастье вернуться домой, то может с гордостью сказать, что сражался в рядах доблестной 62-й.

А мне он вообще мало писал о своих переживаниях, так как говорил всегда, что спокойствие матери ему дороже всего, и лишь один раз написал, что пережито так много, что он мог бы написать целые тома: «Бои не страшны, я к ним привык, вот когда приходилось ползать среди мертвых и умирающих или лежать в нескольких метрах от немцев, а позади Волга – и вокруг нет ни одной живой души – вот, поистине, было страшно, много страшнее, чем пересекать Волгу несколько раз в день под сплошным градом снарядов и бомб, переправляя с левого берега материальную часть».

Свое двадцатилетие он праздновал в Сталинграде 31 января, а 8 февраля 1943 года, в день завершения разгрома врага, праздник был двойным, так как их части присвоили звание гвардейской, а Володя получил повышение по службе и был назначен на должность начальника штаба дивизиона. Он так мне писал по этому поводу: «Со званием не везет – пошлют на присвоение и где-то затеряется в канцелярских дебрях, а в должностях везет удивительно, но чтобы оправдать оказанное доверие, я должен работать и работать». И он работал, работал так, что организм надломился – он стал больным. О своей болезни опять-таки писал мало, и что у него болело, я тогда

не знала; писал, что стал больным, что рана дает о себе знать в дурную погоду, но отдыхать не хотел, хотя командование предлагало пойти на отдых. Ведь готовились к жарким боям, 1943-й год был годом великих боев, и ему хотелось участвовать в них. В мае он был принят командиром в члены партии. В конце мая 1943 года я тоже попала на фронт и служила в одной части с мужем. Володя писал мне, что как сын он горд моим поступком, что ему приятно сознание, что вся семья на фронте, но в то же время ему как сыну страшно за меня, ибо фронт есть фронт.

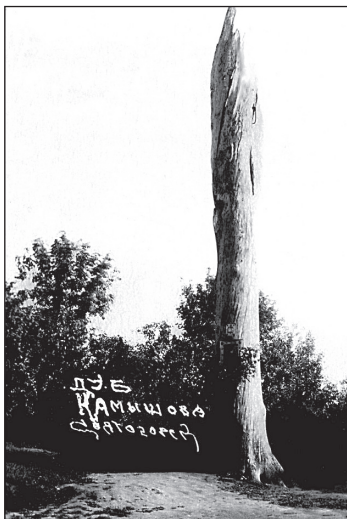
Но бояться за меня ему пришлось недолго.

17 августа 1943 года он был убит на наблюдательном пункте прямым попаданием снаряда в то место, где он находился. Тело приказано было вынести (с ним находились два солдата) и похоронить в Банном на кладбище. Из писем солдат я узнала, что у сына болело сердце, что ему предлагали отдых, но он отказался и сказал, что «буду сражаться», что бойцы его любили и похоронили хорошо, что они, бойцы, долго будут его помнить.

Памятник на могиле
гв. лейтенанта В. М. Камышева.
Современный вид

Место гибели лейтенанта
В. М. Камышева, известное как
«Дуб Камышева»

Гв. лейтенант В. М. Камышев

Место захоронения лейтенанта
В. М. Камышева на кладбище
с. Банное, (ныне Святоторск)

Копия

Договор.

Мы учимся в 8^м классе Владимир Камышев и Василий Скворцов берем на себя следующие обязательства.

1. В течение уроков помогать друг другу и оказывать помощь в числе первых учеников.

2. По окончании средней школы посвятить себя изучению военного дела и службе в рядах РККА для чего поступить в военно-инженерное училище.

Отступление от этих обязательств карается потерей товарищеских уз.

Я обязуюсь выполнить этот договор

В. Камышев
Я Скворцов Василий обязуюсь всегда выполнять этот договор В. Скворцов

Договор подлежит проверке в любое время.

Договор подписан 16 февраля
1939 года

Протокол
Т.Жа.
Камышев
Вл.

ПРИКАЗ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Генерал-полковнику ТОЛБУХИНУ
Генералу армии МАЛИНОВСКОМУ

Войска Южного и Юго-Западного фронтов в результате умелого маневра и стремительного наступления одержали крупную победу в Донском бассейне над немецкими захватчиками. Сломив сопротивление врага, наши войска в течение шести дней с боями овладели городами Дебальцево, Иловыйск, Лисичанск, Енакиев, Горловка, Чистяково, Славянск, Артемовск, Краматорск, Константиновка, Макеевка, Красноармейск, Ясиноватая и областным центром Донбасса – городом Сталино.

Таким образом, войска Южного и Юго-Западного фронтов отбили у немцев и вернули нашей Родине Донецкий бассейн – важнейший угольный и промышленный район страны.

В боях за Донбасс отличились войска генерал-лейтенанта Цветаева, генерал-лейтенанта Крейзера, генерал-лейтенанта Лелюшенко, генерал-лейтенанта Захарова, генерал-майора Жеребина, генерал-майора Маковчука, генерал-майора Белова, генерал-майора Рослого, летчики генерал-лейтенанта авиации Судец, генерал-лейтенанта авиации Хрюкина и особенно 127-я стрелковая дивизия полковника Крымова, 271-я стрелковая дивизия полковника Говорова, 346-я стрелковая дивизия генерал-майора Станкевского, 266-я стрелковая дивизия полковника Ребрикова, 279-я стрелковая дивизия генерал-майора Потапенко, 259-я стрелковая дивизия полковника Власенко, 50-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Владычанского, 301-я стрелковая дивизия полковника Антонова, 230-я стрелковая дивизия полковника Украинского, 54-я гвардейская

стрелковая дивизия генерал-майора Данилова, 297-я стрелковая дивизия полковника Матвеева, 61-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Лазановича, 59-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Карамышева, 34-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Брайляна, 40-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Пономарева, 320-я стрелковая дивизия генерал-майора Швыгина, 96-я гвардейская стрелковая дивизия полковника Левина, 5-я гвардейская отдельная мотострелковая бригада полковника Бугаева, 135-я танковая бригада подполковника Безнощенко, 179-й истребительный противотанковый артиллерийский полк майора Савченко, 243-й отдельный танковый полк майора Подлесного.

В ознаменование победы отличившимся в боях за овладение Донбассом соединениям и частям присвоить наименования:

«Сталинских»:

50-й гвардейской стрелковой дивизии; 301-стрелковой дивизии; 230-й стрелковой дивизии;

«Енакиевских»:

34-й гвардейской стрелковой дивизии; 40-й гвардейской стрелковой дивизии; 320-й стрелковой дивизии;

«Иловайской»:

96-й гвардейской стрелковой дивизии;

«Чистяковской»:

127-й стрелковой дивизии;

«Горловских»:

126-й стрелковой дивизии; 271-й стрелковой дивизии;

«Дебальцевской»:

346-й стрелковой дивизии;

«Артемовских»:

266-й стрелковой дивизии; 259-й стрелковой дивизии;

«Лисичанской»:

279-й стрелковой дивизии;

«Константиновских»:

135-й танковой бригаде; 179-му истребительному противотанковому артиллерийскому полку;

«Макеевской»:

54-й гвардейской стрелковой дивизии;

«Славянских»:

61-й гвардейской стрелковой дивизии; 297-й стрелковой дивизии;

«Краматорских»:

59-й гвардейской стрелковой дивизии; 5-й гвардейской отдельной мотострелковой бригаде; 243-му отдельному танковому полку.

В знак торжества по случаю крупной победы в Донбассе сегодня, 8 сентября, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Донбасс от немецких захватчиков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий.

За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым вами войскам, участвовавшим в освобождении Донбасса.

Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!

Смерть немецким захватчикам!

Верховный главнокомандующий
маршал Советского Союза

И. СТАЛИН

8 сентября 1943 года

*Печатается по: Донбасс. Год 1943. –
Донецк: «Донбасс», 1980, с. 172-173.*

